

L.N. GUMILEV
AND CONTEMPORARY EURASIANISM

Moscow – 2012
Publishing House of the Peoples' Friendship University
of Russia

Министерство образования и науки Российской Федерации
Российский университет дружбы народов
Филологический факультет
Факультет гуманитарных и социальных наук

Л.Н. ГУМИЛЕВ И СОВРЕМЕННОЕ ЕВРАЗИЙСТВО

Москва
Издательство Российского университета
дружбы народов
2012

Утверждено РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Ответственные редакторы –

декан филологического факультета,
доктор филологических наук, профессор **А. Г. Коваленко**,
декан факультета гуманитарных и социальных наук,
доктор философских наук, профессор **В. А. Цвык**

Редакционная коллегия:

М. А. Маслин, Е. В. Кряжева-Карцева, С. А. Нижников.

Ф56 Л.Н. Гумилев и современное евразийство. Сборник статей, посвященный 100-летию ученого / Под. ред. А.Г. Коваленко, В. А. Цвыка. Сборник статей. – М.: Изд-во РУДН, 2012. – с.

Сборник научных статей посвящен 100-летию со дня рождения советского и российского учёного, историка-этнолога, основоположника пассионарной теории этногенеза Льва Николаевича Гумилева. Тематика статей связана с общими проблемами, поставленными в работах Л. Н. Гумилева, и прежде всего, концепцией евразийства.

Сборник подготовлен совместно филологическим факультетом и факультетом гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, при участии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Астана (Казахстан).

Для студентов, ученых, а также широкого круга читателей, интересующихся данной проблематикой.

L.N. Gumilev and contemporary eurasianism. The collection of articles dedicated to the 100 anniversary of the researcher /Under the reduction of A.G. Kovalenko, V.A. Tsvyk. – Moscow, Publishing House of the Peoples' Friendship University of Russia, 2012.

The collection of articles is dedicated to the 100th anniversary of the birth of Lev Gumilev, which was the Soviet and Russian scholar, historian, anthropologist and founder of the theory of ethnogenesis passionate. Topics of articles are associated with the general problems, which were raised by L.N Gumilev, and above all, the concept of Eurasianism.

The book was prepared together by the Faculty of Philology and the Faculty of Humanities and Social Sciences of the Russian Peoples' Friendship University, with the participation of the Eurasian National University of L.N Gumilev, Astana (Kazakhstan).

For students, scholars, and the general reader, who are interested in these issues.

© Коллектив авторов, 2012.

© Издательство Российского университета дружбы народов, 2012.

СОДЕРЖАНИЕ

Вводная статья		
Маслин М. А.	Евразийство как идейное течение: Истоки и границы	5
Раздел I.	Философские аспекты творческого наследия Л. Н. Гумилева и идеологов евразийства	
Бочарова З.С.	Эволюция евразийства и позиция П.П. Сувчинского	
Иванов А. В.	Евразийский мир и духовно-экологическая интеграция	
Кряжева-Карцева Е.В.	Мистерия Евразии: теллурократическая доктрина геополитиков-идеологов третьего пути в России и Германии в 1920-30-е гг.	
Линькова Е.В.	Истоки евразийства в творческом наследии Ф.И. Тютчева	
Мосейкина М.Н.	С.Г. Пушкирев и евразийство	
Нижников С.А.	Движение евразийства и творчество Л.Н. Гумилева	
Семушкин А.В.	Евразийство: законченная доктрина или проблематичный проект?	
Раздел II.	Прикладные аспекты рассмотрения вопросов евразийского пространства в гуманитарных науках	
Асмагамбетова Б.М.	Информационные тексты на занятиях русского языка (на материале работ Л. Н. Гумилева)	
Ахметова К.К.	Л.Н. Гумилев в обучении русскому языку студентов-казахов	
Баринаева Е.Б.	Археологические исследования влияния материальной культуры Китая в Парфии, Бактрии, Маргиане, Согдиане и Уструшане в домонгольский период	
Попова Е.А.	Дипломатия Франции во второй половине XVII века: создание «восточного барьера»	
Сафонов А.С.	Противостояние США и Исламской республики Иран: геополитический аспект	
Хорунжий А.В.	Опыт изучения трудов Л.Н. Гумилева при подготовке студентов-историков в Российском университете дружбы народов	
Шарипова Г.А.	Поэтика драматургии Л. Н. Гумилева	
Шахин А. А.	Образность терминологического аппарата Л.Н. Гумилева	
Шен Йунус Нади	Элементы конкуренции сближения в отношениях Российской Федерации и турецкой республики в контексте евразийской геополитической концепции	

CONTENTS

The introductory article

Maslin M.A. The Eurasianism is an ideological trend: The Origins and the border 5

Section I.

The philosophical aspects of the Gumilev's creative heritage and ideology of Eurasianism

Bocharova Z.S. The evolution of the Eurasian and the P.P.Suvchinskogo's position

Ivanov A.V. The Eurasian world: spiritual and environmental integration

Kryazheva-Kartseva E.V. The Mystery of Eurasia: the tellurocratic doctrines of the third way ideologists in Russia and Germany in the 1920s and 1930s.

Linkova E.V. The origins of Eurasianism in the F.I.Tyutchev's artistic heritage

Moseykina M.N. S.G. Pushkarev and Eurasian

Nizhnikov S.A. The Eurasian movement and L.N. Gumilev's creativity

Semushkin A.V. The Eurasianism: a complete doctrine or problematic project?

Section II.

Applied aspects of the consideration of issues of Eurasia in the humanities

Asmagambetova B.M. The informational texts in Russian classes (based on the works of L. Gumilev)

Akhmetova K.K. L.N. Gumilev in teaching Russian of Kazakh students

Barinova E.B. The archaeological studies of the effect of the material culture of China in Parthia, Bactria Margiana, Sogdiana and Ustrushana in the pre-Mongol period

Popova E.A. The diplomacy of France in the second half of XVII century: the creation of the "eastern barrier"

Safonov A.S. The Confrontation between the U.S. and the Islamic Republic of Iran: the geopolitical aspect

Chorungiy A.V. The experience of studying of L.N. Gumilev's works in preparing students and historians at the PFUR

Sharipova G.A. The Gumilev's Poetics drama

Shahin A.A. The imagery of L.N. Gumilev's terminology

Shen Yunus Nadi The Elements of competition rapprochement of the Russian Federation and the Republic of Turkey in the context of the Eurasian geopolitical concept

НАШИ АВТОРЫ

- Асмагамбетова Б.М.** Доцент Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Астана (Казахстан)
- Ахметова К.К.** Доцент Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Астана (Казахстан)
- Баринаова Е.Б.** Кандидат исторических наук, доцент кафедры Всеобщей истории ФГСН РУДН
- Бочарова З.С.** Доктор исторических наук, профессор кафедры истории ИППК МГУ имени М.В. Ломоносова
- Иванов А. В.** Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Алтайского государственного аграрного университета (г. Барнаул)
- Кряжева-Карцева Е.В.** Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ФГСН РУДН
- Маслин М. А.** Доктор философских наук, профессор МГУ им. М.В.Ломоносова
- Мосейкина М.Н.** Доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГСН РУДН
- Нижников С.А.** Доктор философских наук, профессор кафедры истории философии ФГСН РУДН
- Попова Е.А.** Кандидат исторических наук, доцент кафедры Всеобщей истории ФГСН РУДН
- Семушкин А.В.** Доктор философских наук, профессор, профессор-консультант кафедры истории философии ФГСН РУДН
- Хорунжий А.В.** Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ФГСН РУДН
- Сафонов А.С.** Кандидат исторических наук, доцент кафедры Всеобщей истории ФГСН РУДН
- Шарипова Г.А.** Доцент Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Астана (Казахстан)
- Шен Йунус Нади** Аспирант кафедры Всеобщей истории ФГСН РУДН

ЕВРАЗИЙСТВО КАК ИДЕЙНОЕ ТЕЧЕНИЕ: ИСТОКИ И ГРАНИЦЫ*

Настоящий сборник научных статей посвящен классическому евразийству – пореволюционному идейному течению, возникшему в начале 20-х гг. XX века и распространявшемуся в 20-30-е гг. в Софии, Белграде, Париже, Праге, Брюсселе и других частях Европы. «Русская судьба» осмысливалась евразийцами не как националистическая доктрина наподобие национал-социализма, но как «проект в будущее», ориентированный на сохранение целостности всех существующих цивилизаций в их «цветущей сложности». Эта проблема имеет большое значение для современного мира, что позволяет оценивать евразийство и его версию русской идеи в качестве позитивной разновидности неагрессивного антизападничества и антиглобализма, выступающего за диалог между цивилизациями. Наряду с литературой о классическом евразийстве – пореволюционном идейном течении, возникшем в начале 20-х гг. XX века и распространявшемся в 20-30-е гг. в Софии, Белграде, Париже, Праге, Брюсселе и других частях Европы существуют также разные варианты постсоветского неоевразийства, в России и в других частях бывшего СССР – ныне независимых государствах. Классическое евразийство нередко становится идеологией трансграничья и приобретает очертания националистических, панисламистских, пантюркистских и других политических и геополитических построений, ничего общего не имеющих с классическим евразийством, однако активно использующих евразийскую фразеологию. Таковы, например, идеи «Евразии с точки зрения Турции», развиваемые в турецком журнале «Да. Диалог Евразия», издающемся на нескольких языках, в том числе и на русском языке. В центре внимания авторов этого журнала

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-03-00029а.

пантюркистская идея о том, что «Евразия образует географический регион, в который входит зона использования тюркских языков и диалектов»¹.

К числу неоевразийцев относит себя и своих последователей известный публицист и общественно-политический активист А. Г. Дугина. Он является автором многочисленных статей и монографий по метафизике, древнеарийской символике, геополитике и текущей политике, опубликованных в различных печатных и электронных изданиях. В изданной под его редакцией монографии «Основы евразийства» (М., 2002) А. Г. Дугин представляет свои взгляды в качестве прямого наследования идей евразийцев 20-х гг. Однако, в отличие от классических евразийцев понятие «Евразия» у Дугина включает в себя не только историческую Россию, но и весь одноименный материк. В действительности Дугин в основном акцентирует трансформированные им самим геополитические представления, основанные на разделении двух альтернативных культур – океанической (культуры атлантистов) и континентальной (культуру евразийцев). Процесс исторического развития рассматривается им в виде непрерывного противостояния этих непримиримых культур, в качестве «Великой войны континентов».

Дугин является убежденным сторонником сближения России с Германией и Японией как двумя якобы форпостами евразийской цивилизации на Западе и Востоке континента. С его точки зрения, создание геополитической оси Германия-Россия-Япония (идея основателя геополитики К. Хаусхофера) способно обеспечить в перспективе победу «ордена евразийцев» над орденом атлантистов, основной ударной силой которого являются США. Дугин развил применительно к России теорию консервативной революции «европейских правых» социальных философов. На основе концептуальных разработок Э. Юнгера, О. Шпенглера и других Дугин создал собственную концепцию «духовной революции». Согласно его взглядам, духовная революция является революцией не «прогрессивной», а «консервативной», поскольку знамени-

¹ *Токтамыш Атеш. Евразия в действительности // Да. Диалог Евразия. – 2000. - № 1. – С. 51.*

ет собой возвращение к традициям религиозной духовности, отрицает либеральные ценности общества потребления. В данном контексте Дугин причисляет себя к «традиционалистам». В то же время консервативная революция, по Дугину, не означает механической реставрации отживших социальных установок, она обращена в будущее, к достижению качественно новых высот «сакральной духовности». Таким образом, ряд положений теории Дугина свидетельствуют об отступлении от евразийской традиции: в частности и в особенности его теория «консервативной революции» и расширение пределов России-Евразии до размеров материка.

К последним представителям классического евразийства можно отнести Л. Н. Гумилева, достаточно полно воспринявшего евразийское учение в современных условиях. Развивая традиционные положения евразийства, такие как переоценка роли «монглолосферы» в русской истории, интерпретация русской истории исходя из взаимосвязи Леса и Степи, представление о роли географического фактора в истории (геософия), Гумилев привносил в евразийство и свои собственные, оригинальные положения: теорию пассионарности и учение о влиянии биосферы на процессы этногенеза.

Хотя евразийство стало предметом изучения совсем недавно, сложилась достаточно обширная историография этого идейного течения¹. Однако в интерпретациях евразийства уже сложились устойчивые предубеждения и

¹ Первые работы, посвященные целостному анализу классического евразийства 20-30-х гг. прошлого века, принадлежали перу *Пащенко В. Я.* Идеология евразийства. – М., 2000; Социальная философия евразийства. – М., 2003. Из новейших исследований следует выделить коллективную монографию сибирских ученых: *Иванов А. В., Попков Ю. В., Тюгашев Е. А., Шишин М. Ю.* Евразийство: Ключевые идеи, ценности, политические приоритеты. – Барнаул, 2007. Особо следует отметить монографию - Лев Платонович Карсавин - М., 2012., вышедшую в рамках серии «Философия России первой половины XX века» Института Философии РАН под общей редакцией Б. И. Пружинина. Данная монография посвящена ведущему философу евразийства – Л. П. Карсавину и включает ряд ценных архивных материалов по истории евразийского движения 20-30-х гг. XX в. В качестве авторов здесь выступают также зарубежные ученые, которые вводят в научный оборот источники западных архивохранилищ. Анализу значения евразийского проекта для современной России посвящен ряд разделов актуальной монографии *Козина Н. Г.* Россия Что это? В поисках идентификационных сущностей. - М., 2012. и др.

стереотипы¹. Среди этих стереотипов на первый план следует поставить представление о евразийстве как интегральной «идеологии» и «теоретической концепции, имеющей свои философские корни», составляющей единую «парадигму»². Однако в действительности никакой единой «парадигмы» евразийства не существовало. В целом евразийство 20-30-х годов XX века (именно об этом классическом варианте здесь идет речь) следует определить как *полидисциплинарное идейное течение*, причем среди евразийцев были философы (Л. П. Карсавин), филологи (Н. С. Трубецкой), географы и экономисты (П. Н. Савицкий), историки (Г. В. Вернадский), правоведы (Н. Н. Алексеев), богословы (Г. В. Флоровский). Крупнейшим организатором евразийских книгоиздательских и журнальных проектов был музыковед П. П. Сувчинский, авторитетным членом движения был филолог Д. П. Святополк-Мирский, участвовал в евразийских изданиях культуролог В. Н. Ильин и даже философ С. Л. Франк, который никогда не был собственно евразийцем.

Говорить о существовании какой-то единой концепции здесь не приходится. Ситуация та же, что и в других идейных течениях русской мысли, от которых нередко полемически отталкивались евразийцы. Имеются в виду такие идейные течения как славянофильство и народничество. В. В. Зеньковский в свое время подчеркивал, что было бы ошибкой говорить о «философии славянофильства», но правильнее говорить о «философии славянофилов», т.е. философии А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, Ю. Ф. Самарина и других. Точно также и народничество, и евразийство как единые идейные течения никогда не существовали. Другой факт, который необходимо принять во внимание: география распространения евразийских идей была очень широкой (София, Белград, Берлин, Париж, Брюссель, Прага, София, Харбин).

¹ Актуальность избавления от стереотипов в истории философии, в том числе в истории русской философии была предметом специального обсуждения на круглом столе в Институте Философии РАН «Освобождаясь от стереотипов в истории философии» в рамках Всемирного дня философии в России // Философия в диалоге культур. Всемирный день философии (Москва - Санкт-Петербург, 16 -19 ноября 2009 года). Материалы. - М., 2010.

² Новикова Л. И., Сиземская И. Н. Введение // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. - М., 1993. - С. 14.

Странно предположить, что было возможно управлять и концептуально координировать эту евразийскую «идейную стихию», распространявшуюся в разных местах проживания эмигрантов.

Евразийство как пореволюционное идейное течение было порождением стихийно возникавших антизападнических настроений в местах скопления русских нерезидентов-эмигрантов, влачивших на чужбине, порой, жалкое существование. Труднее всего приходилось эмигрантам молодого поколения, которых сама жизнь наталкивала идти по пути «ориентализма», а не «западнизма». Евразийцы – идейные лидеры движения только направляли в известное русло эту антизападническую энергию эмигрантской молодежи, будучи сами, главным образом, представителями этого поколения. Например, Н. С. Трубецкой на 16 лет моложе Н. А. Бердяева, а один из организаторов евразийского движения П. П. Сувчинский встретил Октябрьскую революцию в 25-летнем возрасте.

Секрет быстрого и широкого распространения евразийских умонастроений состоял в том, что талантливые молодые лидеры евразийского движения сумели направить в нужное русло стихийную антизападническую энергию разных слоев русского послеоктябрьского зарубежья. Владимир Варшавский, автор блестящих мемуаров, посвященных рассказу о жизни молодого поколения эмиграции, писал: «Критики евразийства и так называемых пореволюционных течений не без основания говорили: их колыбелью были заводы и шахты, ночлежки для безработных, а крестными отцами – надсмотрщики за работами, жандармы, полиция, бесправие»¹. Далее он цитирует эмигрантскую газету «Новое время» за 1 февраля 1924 года: «Евразийство – порождение эмиграции. Оно подрумянилось на маргарине дешевых столовок, вынашивалось в приемных в ожидании виз, загоралось после спора с консьержками...»². Варшавский свидетельствует о том, что евразийство в целом поддерживалось многими «гостями евразийских изда-

¹ Варшавский В. Незамеченное поколение. – М., 2010. – С. 29.

² Там же. – С. 30.

ний», а также «близкими» к нему людьми, среди которых он называет и тех, кого ныне принято считать собственно евразийцами. Что еще раз свидетельствует о размытости концептуальных очертаний евразийства как такового: «В разные годы к евразийству были близки или были только гостями евразийских изданий, многие другие замечательные эмигрантские философы, историки, этнографы, богословы, лингвисты, юристы, социологи, литературоведы: профессора А. В. Карташев, П. М. Бицилли, Г. В. Вернадский, В. Н. Ильин, Л. П. Карсавин, Н. Н. Алексеев, Р. О. Якобсон, С. Л. Франк, С. Н. Тимашев, Д. П. Святополк-Мирский, Б. П. Вышеславцев, С. Г. Пушкарёв...»¹. К этому надо добавить и то, что влияние евразийских идей испытали такие великие композиторы как Сергей Прокофьев и Игорь Стравинский².

В русском зарубежье постоянно шла борьба за идейное лидерство и в ходе её необходимо было сказать «свое слово», привлечь к себе внимание на эмигрантском «рынке идей», в том числе при помощи разных эпатажирующих заявлений вроде: «Без татарщины не было бы и Руси». Сам основатель евразийства Н. С. Трубецкой признавал (хотя, разумеется, не публично) существование очевидных различий между своими научными «трактатами» и публицистическими произведениями, в которых немало «наивности»³. Подобные евразийские популяризации и эпатажные высказывания (до сих пор часто принимаемые «за чистую монету») Трубецкой объяснял стремлением не только к научному самовыражению, но и желанием сделать нечто «действительно полезное», дать эмиграции «здоровую духовную пищу». Необходимость этого вызвана тем, что «Русская эмиграция – стадо без пастыря. Духовная пища этого стада ужасна. Питается оно поистине подогретыми экскрементами, т <о> е <сть> тем, что когда-то было пищей, но давно переварено в желудке «и извержено вон из чрева» и теперь, вновь подогретеное, подает-

¹ Там же.

² *Levidou K.* The Artist-Genius in Petr Suvchinskii's Eurasianist Philosophy of History: The Case of Igor Stravinsky// *The Slavonic and East European Review*. Vol. 89, No. 4 – Oct. 2011.

³ *Трубецкой Н. С.* Письма к П. П. Сувчинскому. 1921-1928. - М., 2008. - С. 240.

ся эмигранту. В такой пище развивается яд, и у вкушающего ее появляются признаки отравления, корчи и духовный столбняк»¹.

Претензии руководителей евразийского движения на идейное лидерство в русском зарубежье, несомненно, имели основания, среди них были первоклассные мыслители, нисколько не уступавшие по масштабу представителям старшего поколения эмиграции, которых более молодые евразийцы ревниво называли «старыми гримзами». Борьба внутри евразийства лишь отчасти смягчалась опубликованием коллективных манифестов от имени всего идейного течения. Так, кажущийся идейный монолит евразийства, изложенный в сборниках «Евразийство (опыт систематического изложения), 1926» и «Евразийство (Формулировка 1927 г.)», уже через год, в 1928 г. был подорван известным «Кламарским расколом», спровоцированным левой парижской группой евразийцев под руководством П. П. Сувчинского. Однако этот раскол не был концом евразийского движения (вопреки мнению, существующему в литературе), поскольку продолжали существовать евразийские группы в других частях Европы. Особенно активной была пражская группа евразийцев, которой руководил П. Н. Савицкий.

То, что евразийцы – Петра Савицкий, Петр Сувчинский, Николай Трубецкой и Георгий Флоровского, назвали в 1921 году «исходом к Востоку», для русской мысли и до, и после Первой Мировой войны и Октября 1917 года вовсе не являлось просто «модным культурным брэндом». Этот лозунг ничего общего не имел с западным подновлением колониализма. Евразийцы многократно и в разных связях и отношениях осуждали западный колониализм. Н. С. Трубецкой подчеркивал, что евразийство содержит «призыв к освобождению народов Азии и Африки, поработенных колониальными державами»². «Другим» в рамках евразийского сознания Трубецкого является не Восток, а германо-романский Запад, включающий в себя также часть славянства. Ведущий евразийский историк Г. В. Вернадский показал суще-

¹ Там же. - С. 46.

² *Трубецкой Н. С. Мы и другие // Евразийский временник. Кн. 4. - Берлин, 1925. - С. 77.*

ственное отличие естественного расширения границ России-Евразии от западной имперской колонизации. «История распространения русского государства, – писал он, – есть в значительной степени история приспособления русского народа к своему месторазвитию – Евразии, а также и приспособления всего пространства Евразии к хозяйственно-историческим нуждам русского народа»¹.

Формальный вклад евразийцев в философию истории, культурологию и политическую философию состоял в замене понятия «Россия» на понятие «Евразия», в сущностном раскрытии русского сознания как сознания не европейского, а евразийского. Г. В. Вернадский писал: «Географические рамки развития русской народности чрезвычайно широки. Эти рамки гораздо шире того, что называется «Европейской Россией». Понятие «Европейской России» есть искусственно созданное в XVIII-XIX вв. в европейской и русской исторической и географической науке понятие. Понятие «Европейской России» ни в один исторический момент не соответствовало действительному распространению русского племени. «Россия» в смысле территории русского племени никогда не совпадала с рамками «Европейской России»². Последнее вовсе не требует какой-либо имитации, подражания или искусственной прививки элементов восточной культуры, поскольку изначально Восток существовал не вне русской культуры, а внутри нее. С этих позиций феномен Октября 1917 года евразийцами оценивался как завершение периода начальной европейской модернизации, осуществлённой Петром Великим и как восстановление евразийской сущности России в качестве своеобразной цивилизации.

Для русской мысли «ориентализация» не имела той негативной коннотации, которую подразумевал аналитик этого процесса Эдвард Саид (1935-2003), всемирно известный американский ученый палестинского происхождения, автор монографии «Ориентализм» (1978). Книга Саида переведена на

¹ *Вернадский Г. В.* Начертание русской истории. Часть первая. – Евразийское Книгоиздательство, 1927. - С. 9.

² Там же. - С. 6

многие иностранные языки, в том числе на русский¹, хотя и не получила в России такого широкого резонанса как на Западе. Достаточно сказать, что труд Саида критически анализировали такие известные авторы как Ноам Хомски, Фрэнсис Фукуяма и Сэмюэль Хантингтон. Целью Саида было развенчание европоцентристских предубеждений относительно восточной, прежде всего арабо-мусульманской культуры, разоблачение ложных образов Востока в западном сознании. Критика идей Саида представляет весьма трудную задачу, так как, рассматривая роль западной науки и ее популяризаторов от политики и беллетристики в создании стереотипа колониального Востока, он вовсе не являлся сторонником «исламского фундаментализма» или, напротив, критиком ислама как «опасного воплощения Востока». Его позиция, по его словам, скорее, являлась деконструктивистской, или радикально скептической по отношению ко всем категориальным изобретениям типа «Восток» или «Запад» (хотя очевидно, что в монографии Саида речь идет, прежде всего, о западных ориенталистах, исследователях Востока). «Ориентализм» появился на японском, немецком, португальском, итальянском, польском, испанском, каталонском, турецком, сербско-хорватском, шведском, греческом, русском, норвежском и китайском языках и такой успех книги, по признанию самого Э. Саида, его даже «озадачил»².

Евразийцы как принципиальные выразители «пореволюционного» русского сознания также отталкивались от пересмотра застарелых предубеждений, штампов и стереотипов относительно России и ее отношения к Востоку и Западу. Однако в отличие от западного ориентализма, раскрытого Саидом, евразийцы не рассматривали Восток как чуждого «другого» по отношению к России. Согласно Саиду сущность ориентализма как раз и состоит в том, чтобы найти и сконструировать «противоположного себе» и в процессе этого конструировать выделить свою собственную идентичность. Поступая так, западные ориенталисты создают «своих других» и на этом фоне конструируют

¹ Саид Эдвард В. Ориентализм. Западные концепции Востока. - СПб., 2006.

² Там же. - С. 510.

идентичность «настоящего француза», «настоящего англичанина» и т.п.¹. Ведь с точки зрения западного ориентализма интерес к Востоку несколько не размывает, но, напротив, укрепляет моноцентризм западного сознания, являющегося по сути «постколониализмом». В этом смысле ориентализм является вариантом того, что А. А. Зиновьев назвал «западнизацией».

Надо подчеркнуть, что «евразийское отношение» русского сознания к Востоку, основанное отнюдь не на противопоставлении, но на эмпатическом сопоставлении себя с Востоком возникло в 20-х гг. XX в. отнюдь не впервые. «Предъевразийские» ходы мысли были свойственны очень многим русским мыслителям задолго до евразийцев. Среди них А. С. Пушкин, утверждавший, что объяснение истории России «требует иной формулы», чем «формула Запада», а также А. С. Хомяков, впервые давший масштабную критику европоцентристской философии истории Гегеля в своих «Записках о всемирной истории» и показавший самостоятельное религиозно-культурное значение культур Востока в мировой истории. Сюда же надо отнести Н. Я. Данилевского, утверждавшего своеобразие России как цивилизации и отрицавшего ее принадлежность германо-романскому культурно-историческому типу. В книге «Россия и Европа» Данилевский впервые доказал также существование самостоятельного китайского культурно-исторического типа. П. Я. Чаадаев, в целом западник и критик российского исторического опыта, тем не менее находил в отсталости России от Европы известное преимущество или даже «привилегию» (А. Валицкий), позволяющую России не допускать впредь тех ошибок, которые совершила передовая Европа. Извечное и постоянное присутствие противоречивого сочетания восточных и западных начал в русской истории, культуре и философии признавал и Н. А. Бердяев. Он был убежден, что Россия – это не Запад, и не Восток, а «Востоко-Запад». Выдающимся выразителем предъевразийского мироощущения был академик В. И. Ламанский, автор трактата «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892) — о германо-романском, греко-славянском и азиатском «мирах культурного че-

¹ Там же. - С. 513.

ловечества, имеющих географические, этнографические и культурные основы самостоятельного бытия». Основопологающей для евразийцев оказалась критика европейской цивилизации А. И. Герценом. Уже в первом коллективном сборнике евразийцев «Исход к Востоку» (1921) идеи Герцена неоднократно цитировались, причем прямое обращение к Герцену содержится в предисловии к данному изданию: «Мы чтим прошлое и настоящее западно-европейской культуры, но не ее мы видим в будущем... С трепетной радостью, с дрожью боязни предаться опустошающей гордыне, - мы чувствуем, вместе с Герценом, что «ныне история толкается в наши ворота»¹. Особенно часто обращался к наследию А. И. Герцена известный богослов и религиозный философ Г. В. Флоровский, один из авторов «Исхода к Востоку», который был автором магистерской диссертации, посвященной русскому мыслителю. Протоевразийские идеи были свойственны и К. Н. Леонтьеву, чья «историческая эстетика» сложилась в период его консульской службы на Ближнем Востоке. Таким образом, черты позитивного ориентализма можно обнаружить в разных построениях русской мысли, независимо от их мировоззренческой ориентации.

Подлинным пионером евразийского мировоззрения в России был первый русский ученый мирового значения М. В. Ломоносов². Будучи ученым новоевропейского склада, Ломоносов вместе с тем прекрасно сознавал, что вектор развития России как цивилизации особого типа направлен не только на Запад, но и на Восток. В этом плане особое значение имеет известная фраза Ломоносова. Первая ее часть звучит так: «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном»; вторая часть выглядит следующим образом: «и достигнет до главных европейских поселений в Азии и в

¹ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. - София, 1921. - С. IV.

² Об этом см.: *Маслин М. А.* «Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом» // М. В. Ломоносов: Pro et contra. Личность и творчество М. В. Ломоносова в оценках русских мыслителей и исследователей. Антология. - СПб., 2011. - С. 21-22.

Америке»¹. Вторая часть фразы показывает наличие у Ломоносова пространственно-географического мышления евразийского типа, что выражено в его указании на «топос» Америки не на Западе (через Атлантический океан), но на Востоке, ближе к Азии, или к России-Евразии (через Тихий океан).

Особенной геополитической прозорливостью отличаются актуальные и поныне прогнозы Ломоносова относительно необходимого для будущего России преодоления ее континентальной замкнутости. Ломоносов был убежден, что для нашей страны жизненно важно продолжить дело Петра Великого по освоению морских пространств, окружающих Россию. В записке на высочайшее имя, озаглавленной «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Северным океаном в Восточную Индию» (1763) Ломоносов не только впервые высказал осуществившуюся в XX веке идею Северного морского пути, но и указал перспективное направление движения России в самый динамично развивающийся в XXI столетии регион мира – Азиатско-Тихоокеанский. Он писал: «Северный океан есть пространное поле, где под вашего императорского высочества правлением усугубиться может российская слава, соединенная с беспримерною пользою, через изобретение восточно-северного мореплавания в Индию и Америку»². Ломоносова можно считать выразителем евразийского, точнее «предъевразийского» мироощущения, основанного на понимании того, что исконное историческое месторазвитие России на стыке Европы и Азии особенно перспективно для движения в азиатском направлении, в «исходе к Востоку», как сказали впоследствии, в 1921 году основатели евразийства. И здесь, как всегда, Ломоносов не ограничивался только теорией, но и стремился к реализации своих идей на практике. В этом плане исключительно важное значение имела деятельность Ломоносова по исправлению и составлению географических карт России, которую он начал в 1757 году, вступив в управление Географическим департаментом.

¹ Ломоносов М. В. Для пользы общества... - М., 1990. - С. 335.

² Цит. по: Козиков И. А. М. В. Ломоносов, Д. И. Менделеев, В. И. Вернадский о России. - М., 2011. - С. 43-44.

Таким образом, предшественниками евразийства в России являлись мыслители разных мировоззренческих ориентаций, от русского просветителя XVIII века М. В. Ломоносова до эстетического консерватора К. Н. Леонтьева и персоналистического экзистенциалиста Н. А. Бердяева. В наше время восточно-западная ментальность России-Евразии подмечалась таким выдающимся политическим философом как А. С. Панарин. Восточно-западный склад русской души А. С. Панариным образно определялся как «неусыновленность России ни в одной из цивилизационных ниш», так как Россию на Востоке «воспринимают «полпредом» Запада, на Западе – носителем восточных начал». Это определение Панарина, на наш взгляд, надо понимать не как свидетельство «ничейной» принадлежности России, но как ее геополитическое «трансграничье», создающее перспективные условия для культурного и хозяйственного диалога как с Западом, так и с Востоком.

Позицию А. С. Панарина можно рассматривать в качестве общего методологического ориентира для настоящего сборника научных статей о евразийстве. Его основу составляет принцип историографической достоверности в интерпретации идей и ценностей евразийства, подготовленного всем ходом развития отечественной интеллектуальной истории. Такой подход, отнюдь не связанный с идеологическим, культурологическим, геополитическим или каким-либо иным пересмотром классического евразийства как идейного пореволюционного течения, как представляется, может быть источником ответов на ряд актуальных современных вопросов: Возможен ли истинный мультикультурализм как сохранение традиционных национальных ценностей под напором безнациональной космополитической культуры? Возможны ли современные эффективные приемы хозяйствования, не связанные с безбрежным консьюмеризмом, с хищническим потребительским капитализмом? Возможны ли действенные методы правового регулирования и государственного строительства, вытекающие из национального исторического опыта и основанные не на отрицании и критике этого опыта, а на внимательном его осмыслении и освоении? Ответы на эти и другие вопросы мо-

гут быть найдены в трудах евразийцев 20-30-х гг. XX века, интерес к которым возрождается в наши дни.

РАЗДЕЛ I.
**ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
Л. Н. ГУМИЛЕВА И ИДЕОЛОГОВ ЕВРАЗИЙСТВА**

Бочарова З.С.

**ЭВОЛЮЦИЯ ЕВРАЗИЙСТВА И
ПОЗИЦИЯ П. П. СУВЧИНСКОГО**

Контуры евразийской концепции были заложены в книге князя Н.С. Трубецкого «Европа и человечество», изданной в 1920 г. в Софии. Евразийские принципы далее излагались в сборниках «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» (София, 1921), «На путях. Утверждение евразийцев» (София, 1922), «Россия и латинство» (Берлин, 1923), «Евразийский временник: Непериодическое издание» (Берлин, книги третья, четвертая, пятая, 1923, 1925, 1927), «Евразийство (Опыт систематического изложения)» (Париж, 1926). С 1925 по 1937 г. вышло 12 выпусков «Евразийской хроники». Сборник «Тридцатые годы» (Париж, 1931) подвел итоги десятилетней деятельности евразийцев. В 1931 г. П.Н. Савицкий под псевдонимом Степан Лубенский выпустил «Евразийскую библиографию», содержащую пространные аннотации всех важнейших изданий.

В ряду основоположников нового пореволюционного идейно-теоретического течения часто в тени своих единомышленников – филолога, культуролога Н.С. Трубецкого, экономиста и географа П.Н. Савицкого, богослова и историка Г.В. Флоровского, историка Г.В. Вернадского, юриста, политолога Н.Н. Алексеева – остается П.П. Сувчинский. Чтобы указать сферу увлечений и деятельности этого масштабного человека, следует прибегнуть к длинному ряду определений: искусствовед, философ, культуролог, музыковед, литературный и музыкальный критик, пианист, педагог, публицист, издатель, наконец, идеолог евразийства. Им были написаны историософские очерки о России, о Н.Ф. Федорове, носившие полемичный и острый характер: «Сила слабых», «Эпоха веры», «К преодолению революции», «Инобытие

русской религиозности», «Страсти и опасности», «Идеи и методы», «К познанию современности» и др. Н.А. Бердяев привлекал П.П. Сувчинского к участию в сборнике «София». В 1923 г. для «обслуживания евразийского движения» было создано «Евразийское книгоиздательство», и организационные вопросы остались на плечах Петра Петровича. Он выступал не только с программными, теоретическими работами, но писал также литературные критические статьи: «Знамение былого (о Лескове)», «Типы творчества (памяти А. Блока)», «По поводу Апокалипсиса нашего времени В. Розанова». Всю жизнь мечтал об издании, в котором сочетались бы музыка, поэзия и философская мысль, т. е. те сферы культуры, которые волновали более всего.

П.П. Сувчинский обладал способностью и стремился осуществить прорыв в новое духовное пространство, извлечь свежие смыслы из окружающего мира. Чего стоит его бурная деятельность после Февраля 1917 г.! Поэтому сдвиг, происшедший в сознании интеллигенции в первые десятилетия XX в., носившееся в воздухе некое общее настроение и мироощущение, требующее обобщений на стыке разных наук, захватили его, стали основой для единения с весьма разными по подходам и научным интересам людьми. Атмосфера рождения красоты и освобождения от «современной, безобразнейшей из безобразнейших» культур рождала желание смести все старые направления и создать новые, на совершенно других основаниях¹. Не случайно Н.С. Трубецкой предупреждал П.П. Сувчинского: «...ужасно боюсь, как бы Вы, общаясь там с разным футурьем, не утратили чувство меры и не сдали Ваших романтических позиций. У Вас есть некоторый соблазн левизны, любовь к “последнему крику” в области искусства. Не забывайте, что левизна ведет к сатане, к антихристу»².

В эмиграции секрет популярности евразийской концепции заключался, прежде всего, в том, что новое идейное течение способствовала преодолению острого духовного кризиса соотечественников за рубежом, объясняла причи-

¹ Трубецкой Н. С. Письма П.П. Сувчинскому 1921-1928. – М., 2008. – С. 30.

² Там же. – С. 31.

ны революции, изгнания, указывала пути выхода из создавшегося положения. А.А. Кизеветтер метко заметил, что евразийство развивалось, или, по крайней мере, психологически определялось в прихожих тех помещений, в которых томились эмигранты, ожидая устройства своей судьбы¹. Русская интеллигенция пережила разочарования в связи с поражением демократических чаяний в революции 1905 г., эйфорию Февральской революции, трагедию Первой мировой войны, ужасы Гражданской войны, горечь изгнания. По словам бар. А. Штейгера, евразийство «родилось в оскорбленном интеллигентском самолюбии, не выдержавшем двойного позора: крушения демократии... и позора крушения Белого Движения»².

П.П. Сувчинский испытал тяготы переезда в Константинополь, затем Софию, откуда вырвался в Берлин (1921 г.). Н.С. Трубецкому он писал, что чувствует себя в Берлине очень одиноким³. После долгих размышлений и советов с друзьями в 1925 г. он перебрался в Париж. П.Н. Савицкий по этому поводу писал своему единомышленнику в июле 1924 г.: «Подумав, я перестаю возражать против Вашего переселения в Париж. 1) Некоторое значение имеет и большая дешевизна жизни во Франции. Но не это – важное, 2) важнее то, что Париж становится гораздо более существенным русским центром, чем Берлин; ...создается обстановка, в которой Вашу, совершенно исключительно хорошо выполняемую Вами роль евразийского посла Вам удобнее и плодотворнее нести в Париже, чем в Берлине»⁴. П.Н. Савицкий, проживавший в Праге был озадачен тем, как теперь поддерживать «общение, которое, ведь, есть живой нерв всего дела», и предлагал продолжать систему «частных съездов» где-нибудь в южной Германии, т.е. «посередине между местожительствами всех нас», поскольку от «общих» толка мало, ибо «получается не съезд, а Бедлам»⁵.

¹ *Мейснер Д.И.* Миражи и действительность: записки эмигранта. – М., 1960. – С. 188.

² Младоросс. – 1932. – № 15. – С.7.

³ Государственный архив РФ (ГАРФ). – Ф. 5783. – Оп. 1. – Д. 359. – Л. 5.

⁴ ГАРФ. – Ф. 5783. – Оп. 1. – Д. 359. – Л. 4.

⁵ Там же. – Л. 4 об.

³ ГАРФ. – Ф. 5853. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 115.

1920–1922 гг. стали временем создания евразийской системы взглядов, обсуждавшихся в основном в узком кругу университетских профессоров и преподавателей в Софии. В 1923–1928 гг. произошло распространение и углубление евразийских основ, переориентация с научно-творческой на пропагандистскую деятельность. С осени 1926 г. в Париже открылся евразийский семинар. К евразийству стали примыкать русские офицеры, появилась необходимость создания евразийских организаций на местах. Евразийские группы образовались в Праге, Париже, Брюсселе, Белграде, Лондоне, городах Германии, Польши. Сами евразийцы наиболее важными ячейками признавали парижскую, пражскую, варшавскую.

Диспуты и доклады евразийцев собирали тысячи человек. Генерал фон Лампе в своем дневнике 20 марта 1925 г. сделал следующую запись: «Был на лекции евразийцев, с большим подъемом читал Савицкий... Оппонировали целых 10 человек, из которых только двое “за”, остальные “против”. А между тем такой полной аудитории я не видел в Берлине даже в период, когда здесь было много народу»¹. Целый штат разъездных лекторов по всему свету устраивал различные мероприятия для пропаганды и разъяснения основных принципов евразийской теории. В эти годы к евразийцам шла молодежь, особенно на Балканах и в Чехословакии. Литературно-публицистическая и издательская деятельность их приобрела широкий размах.

В евразийской теории Россия-Евразия предстает как особая самостоятельная цивилизация, отличная от Европы и Азии. Поэтому культура России не есть ни культура европейская, ни одна из азиатских, ни сумма или механическое сочетание из элементов той и других. Она – специфическая культура, обладающая не меньшей самоценностью и не меньшим историческим значением, чем европейская или азиатские.

Важнейшей религиозной основой культуры Евразии провозглашалось православие. История России рассматривалась как история рождения, становления и развития Православной Русской Церкви. РПЦ – это симфониче-

ски-личное бытие евразийско-русской культуры и высшая форма этого бытия, ибо культуру создает и определяет религия. Культурное единство сказывается на единстве этнологическое, а этнологический тип выбирает (находит) «свою» территорию и по-своему ее преобразует. Этнологический тип Евразии составили евразийцы. При том, что первенствующее значение принадлежит русскому народу. Чтобы осознать себя русскими, подчеркивали идеологи евразийства, необходимо осознать себя евразийцами.

Евразийцы ставили задачу вытеснить чужеродную коммунистическую идеологию, заменив ее идеологией евразийской: «Побороть коммунизм может только новая живая идеология, возникшая не из угашенного, но из полного энергии творческого духа. Такую идеологию и дают евразийцы»¹. Коммунизм оценивался не только как ложная, но и вредоносная вера, ибо свои еретические идеалы он утверждает путем самого жестокого принуждения.

П.П. Сувчинский разделял определяющие идеи евразийства: тезис об особых путях развития и роли России-Евразии; обоснование принципов жизни на христианских началах; веру в первичность духовной основы человеческой цивилизации; идею идеократического государства, а также главную идеологическую и философскую антитезу евразийцев – «Восток» и «Запад». Он отстаивал самобытность и неповторимость культуры России – в противовес западной, признавал не случайную и огромную роль революции, которая расчистила почву для самостоятельного развития и преобразований в судьбе России.

О себе П.П. Сувчинский говорил, что отпетым белоэмигрантом никогда не был, и не мог понять логики Советской власти, принявшей С.В. Рахманинова, закоренелого белоэмигранта. И всегда стоял на точке зрения «признания и объяснения» русской революции². «Опыт зла», который выпал на долю России, писал он, не должен заслонять главное, а именно то, что «революция, изолировав большевистский континент и выведя Россию из

¹ Евразийство и коммунизм. – Б. м., б. г. – С. 20.

² Петр Сувчинский и его время. – М., 1999. – С. 329.

всех международных отношений, – как-то приближает, помимо воли её руководителей, русскую государственность (пока скрытую под маской коммунистической власти) к отысканию своего самостоятельного историко-эмпирического задания и заставляет вдохновиться им». Он являлся наиболее последовательным выразителем той точки зрения, что «сама судьба в последний, может быть, раз открывает возможность для русского народа найти свои самоначальные и самостоятельные пути и возможности, чтобы побороть в лице революции злосчастное свое «западничество» и начать создавать по-новому, хотя и в каком-то соответствии с самым старым, свою духовно-эмпирическую судьбу». Иначе «все страстные мечты и пророчества русских прозорливцев о назначении России» можно считать «видением всего лишь великой исторической возможности, которую сама же Россия сознательно отвергла, предпочитая отдать себя общей судьбе европейской цивилизации»¹. Кризис петербургской России Петр Петрович связывал, в первую очередь, с ее «отрывом от национальной культурной почвы». В этом смысле Октябрьскую революцию считал совершенно неизбежной и необходимой. Несмотря на все искажения и трагические испытания, послеоктябрьская Россия, по его убеждению, вернется к истокам и осознает уникальность своего культурно-исторического пути как Евразии.

В статье «К преодолению революции» Сувчинский называл революцию катастрофой, предсказанной и предреченной (например, страстными и упорными предостережениями-пророчествами К.Н. Леонтьева), имеющей глубокие и далекие причины в историческом прошлом России. Одна часть общества давно ставила осуществление революции своей задачей, а другая – правительство и русский консерватизм – признавали ее неминуемостью и боролись с ней. Эта катастрофа явилась апогеем социалистической европеизации, опалила и возмутила все стороны и сферы русского бытия, обострила «осознание русской культурно-политической особенности». Если на первом этапе революции развернулись главным образом социально-политические преобра-

¹ Евразийский временник. – Берлин, 1923. – Кн. 3. – С. 50-51.

зования, то в дальнейшем революционный процесс сосредоточился в области духовно-религиозной. 1917 год стал результатом не столько воли революционных элементов, сколько всенародного процесса обнищания державного самосознания, корни которого протягиваются в исторические судьбы России XVIII и XIX вв. Правительственно-охранительная идеология была слишком оторвана от жизни, правительство на деле опровергало свои идеологические предпосылки о создании самостоятельной судьбы для русской государственности. Потеря духовно-культурного лика России сказывалась в массах как помрачение державного самосознания всего народа¹.

Петр Петрович, в отличие от большинства евразийцев, которые объявляли основной причиной революции внешний фактор, последствия европейского влияния, разрушившего единство системы ценностей в России, наряду с Л.П. Карсавиным, которого П.П. Сувчинский активно вводит в круг евразийцев с 1923 г., концентрировал свое внимание на внутренних факторах. Такой подход приводил к углубленному анализу культурно-исторической жизни России. «Ни у одной страны, – писал философ в «Письмах в Россию», – нет столько внутренних врагов и такого чувства самоотвращения, как у России. И неприязнь, и эксцессы гонительства, возникают именно по отношению к самому русскому культурному типу»². Поскольку народ чувствовал себя весьма неуютно в политическом, социальном и культурном устройстве Российской империи, не понимал идею собственного государства, и, потеряв с ним связи, в 1917 г. санкционировал государственный распад России. Таким образом, революция стала следствием разрушения господствовавшей с XVIII столетия государственной идеи. Русские крестьяне не столько с готовностью приняли большевистские лозунги классовой борьбы и экспроприации помещиков, сколько желали освободиться от культурно чуждого и непонятного для них высшего сословия. Тем самым русское общество вновь пришло к той однородности, которой оно обладало в допетровские

¹ Евразийский временник. – Берлин, 1923. – Кн. 3. – С. 34, 35, 40-41.

² Версты. – Париж, 1928. – № 3. – С. 130.

времена. Это обстоятельство почти безгранично приветствовалось П.П. Сувчинским и его единомышленниками. Факт, что большевики, осуществившие этот переворот, установили в России деспотический режим и диктат единомыслия, евразийцев почти не смущал. То и другое полностью соответствовало российским традициям, полагали они. Политическая система Московского государства также была весьма жесткой, в Московской России тоже все слои общества, включая и власть имущих, подчинялись одной-единственной идее, которой они беззаветно служили, – православию. «Единственно верный материализм – это христианство» – говорил П.П. Сувчинский¹.

История России рассматривалась как история рождения, становления и развития Православной Русской Церкви, которая есть симфонически-личное бытие евразийско-русской культуры и высшая форма этого бытия. Религиозное единство России-Евразии выражается, с точки зрения евразийцев, и как единая симфоническая культура, в которой руководящее положение принадлежит культуре собственно русской. Евразийцы утверждали, что культуру создает и определяет религия. Как писал П.П. Сувчинский, русская культура концентрически выражает религиозно-нравственные основы мирозерцания русского народа. Важнейшей религиозной основой культуры Евразии называлось православие. В этом контексте становится более понятным лейтмотив его статьи «Мирозерцание и искусство»: «Церковь, в известном смысле, была исконной формой и регулятором духовной жизни человечества. Она не только живой, обладающий полнотой и правдой организм, но также и точный, конструктивный механизм. Можно сказать, что посредством своего механизма она осуществляет свое органическое бытие. Пафос Церкви – в ее

¹ *Никитин В.* Свидетельские показания в деле о русской эмиграции. (Книга беженского житья) / публ. М.Ю. Сорокиной // Диаспора. Новые материалы. – Париж; СПб., 2001. – Т. 1. – С. 594.

органичности, в ее строгих формах, в непреложности ее догматов и канонов.

Ее энергии и силам нет другого выхода, как ввысь и вглубь»¹.

Но в процессе революции, замечал П.П. Сувчинский в статье «Инобытие русской религиозности», обозначился кризис и Русской Православной Церкви. Был разрушен дореволюционный быт, который являлся формой русской религиозности, «истинным смотрением Божиим», на который церковь опиралась. Следовательно, необходимо сомкнуть пробудившуюся жизнедеятельность всего народа и возродившееся религиозное сознание. Православное творческое вдохновение откроет народным массам новое сознание веры, русский народ неизбежно вернется к православным ценностям. Более того, Евразия в новых, пореволюционных условиях призвана обновить культурный мир Запада, размывая политически большевизм, писал Сувчинский².

Чтобы преодолеть катастрофу, необходимо создавать противореволюционную идеологию, но не на прежних концепциях (политическое равноправие, гражданская свобода, демократическая республика, монархия и т.п.), которые являются производными ценностями определенного типа мирозерцания (европейского). Следование им во многих случаях ведет к тому, что правительство становится формально-догматическим защитником неправды, а устремления к правде все чаще начинают выражаться в формах антиправовых и разрушительных.

Более того, писал П.П. Сувчинский, «нет ничего более внутренне не русского, всесторонне ошибочного и стилистически фальшивого, чем все Думы Таврического Дворца, которые привели к логическому концу – к разгону Учредительного Собрания». Сложившаяся в России западническая политическая система свидетельствовала о «деградации русских интеллигентских кругов». Столыпин, октябристы, кадеты... были тактиками, а не идеологами-двигателями. «Башня» Вяч. Иванова и земский начальник, проводящий

¹ София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии / под ред. Н.А. Бердяева и при ближайшем участии Л.П. Карсавина и С.Л. Франка. – Т. 1. – Берлин, 1923. – С. 123.

² Евразийский временник. – Берлин, 1923. – Кн. 3. – С. 82, 92, 106.

стольпинскую аграрную реформу, – это абракадабра, утверждал П.П. Сувчинский в статье «Два ренессанса»¹. Эсер Вл. Лебедев в ответной статье «О ренессансах, сухопарых бегунах, плацдармах и народничестве» встал на защиту революционного движения, обвинив оппонента в искажении исторической картины. «Между “Башней” и земским начальником, – писал Лебедев, – находился тот слон, которого не заметил Сувчинский. Это революционная демократия». Именно народники проложили первый мост от интеллигенции к народу, замечал он. П.П. Сувчинский, по его мнению, просмотрел характер русского культурного подъема 1890-1900-х гг., который характеризовался, с точки зрения Лебедева, не именами З. Гиппиус и господ Флоренских и Розановых, как бы ни были они талантливы, а громадным культурным подъемом, связанным с политическим пробуждением широких народных масс. Душой русского революционного движения Лебедев считал народничество – единственное русское массовое общенародное, а, следовательно, глубоко национальное движение. Он обвинял оппонента в преувеличенно восхищенной оценке большевизма. «Быть может, молодой идеолог евразийства, - отмечал автор статьи, - хотел продемонстрировать эту большевистскую мощь на ущербе лишь для того, чтобы убедительнее показать, что большевизм мог уничтожить и уничтожил все “старые” политические течения и, сходя в гроб, очищает место совершенно “новым” политическим “силам”, и в том числе евразийству»².

Залогом политической победы большевизма П.П. Сувчинский в статье «К познанию современности» назвал социальную пассивность консерваторов-славянофилов, не сумевших мобилизовать в 1900-х охранительно-творческие силы имперского правящего класса. Коммунисты же, со своей стороны, проявили огромную энергию, «открыв для русского народа в про-

¹ Версты. – Париж, 1926. – № 1. – С. 139.

² Воля России. – Прага, 1926. – № 12-1 (1927). – С. 77.

цессе грандиозного переворота величайший социально-практический плацдарм»¹.

П.П. Сувчинский как евразиец считал новым идеалом политической организации общества – идеократическое государство. Монархия давно перестала быть формой автократической власти и превратилась в «технический атрибут политической жизни», но при ней «верховная власть вынесена за пределы государственно-политического корпуса всего народа». Будущая российская власть потребует от народа огромного политического напряжения и жертв. А это возможно, если не будет «вынесенной» инстанции верховной власти, на которую легко свалить обвинения и недовольства. Тем самым изнутри будут ликвидированы «все революционные разрывы и надломы», а русская государственность будет сочетать «в себе народный суверенитет с началом народоводительства»².

Установившийся после революции в России новый тип государственности позволит, по мнению П.П. Сувчинского, «рабоче-народной полуинтеллигенции» получить организационный навык, «понимание руководящего значения идеи», обрести «подлинный и большой стиль государственного дела»³, т. е. создаст условия для перехода к идеократии. Под идеократией имелась в виду система государственного устройства, охватывающая религиозную, историческую, этнографическую, социальную и другие области. В статье «Новый “запад”» Петр Петрович противопоставил «западному» принципу свободного равенства, при котором неравенство прикрывается якобы свободой, а свобода погибает в неравенстве, «русский» принцип несвободного равенства. Существование советской власти, писал он, «поставило, как перед Россией, так и перед всем миром, проблему нового типа государства, которое можно было бы назвать в противоположность нейтральной, безответственной государственности западных демократий государством страховым», вы-

¹ Евразийский временник. – Париж, 1927. – Кн. 5. – С. 27.

² Сувчинский П.П. Монархия или сильная власть // Евразийская хроника. – Париж, 1927. – Вып. 9. – С. 22-23.

³ Сувчинский П.П. К типологии правящего слоя Новой России // Евразийская хроника. – Париж, 1928. – Вып. 10. – С. 13-14.

ражая социально-этическую ее сторону. Поэтому уже не Запад, а Россия становится страной разрешенных проблем. Отсюда вытекал вывод, что для новых европейских поколений Евразия станет новым Западом, где решаются или ставятся на разрешение проблемы новой государственности¹. Впервые после многолетней борьбы, считал П.П. Сувчинский, «власть и революция очутились не в противоположении друг к другу, а в небывалом со времен Петра Великого сочетании». В этих условиях миф о Ленине приобретал новый смысл, который поднимал его имя до высот исторического гения, отвечал «политической интуиции русского народа», представляющего образ революционера неразрывно от образа «всероссийского устроителя и распорядителя». В отличие от «сумрачных и надрывных фанатиков русского героического подполья» в Ленине, «в его бодром и энергичном оптимизме, часто, правда, переходящем в вызывающий цинизм, смогли впервые согласоваться две основные силы русской истории: революция и власть»².

Политическое устройство СССР евразийцы расценивали как лжеидеократию, поскольку коммунисты руководствовались ложными, с их точки зрения, идеями. Поэтому надо было заменить марксистскую идеологию евразийством, чтобы построить идеократию. С этой целью планировалось влиять на политическую власть, а затем захватить лидирующие позиции. Если большевики пришли от идеи к власти, то евразийство, говорил П.П. Сувчинский, может стать в центр политических событий исключительно в обратной последовательности: от власти к идее. Закрепившись в кадрах компартии как единственном организованном политическом корпусе и овладев государственной пирамидой советской власти, можно будет, полагал он, перейти к «идеократизации».

¹ Евразия. – 1928. – 1 декабря.

² Евразия. – 1929. – 12 января.

Включение евразийцев в государственный аппарат означало бы его принципиальное изменение. В противном случае философ предрекал евразийству превратиться в правое охранительное движение¹.

Сблизиться с представителями СССР – дипломатами, учеными, писателями, приезжавшими в Париж, и через них влиять на власть было поручено возглавляемой П.П. Сувчинским кламарской группе. Представлялось, что такие связи будут способствовать распространению евразийства в СССР. По мнению Петра Петровича, «Маркс отлично разработал, как надо свергнуть капитал, но в дальнейшей стройке многого не хватает: ни предначертаний Маркса, ни новых идей у советского правительства. И вот тут и должны прийти на помощь евразийцы. Пока же они могут пригодиться большевикам как некий передаточный пункт для сношений с границей, пункт, менее одиозный для границы, чем сами большевики». Таким образом, считал П.П. Сувчинский, евразийство в конце 1920-х гг. вступило в новую фазу².

Предвестником нового этапа стал журнал «Версты» (вышло всего три номера). А.М. Ремизов считал душой «Верст» именно П.П. Сувчинского: «В нем было что-то от русской истории, когда он появлялся, переполненный евразийством: его мысль зажигалась и сверкала»³. 4 марта 1926 г. С. Эфрон писал В.Ф. Булгакову, что в Париже «зачинается» новый журнал и что он один из трех редакторов, первый номер сдается в печать, и что выход его будет подобен взрыву бомбы, – хотя журнал будет вне политики, а также вне «всякой эмигрантщины». С начала 1926 г. Д.П. Мирский усиленно собирал деньги на издание проевразийского журнала «Версты» и обратился к Харрисон за помощью. Она не только пожертвовала на журнал 50 фунтов стерлингов, но и посоветовала обратиться, в частности, также к Леонарду Вулфу, а

¹ Тезисы П.П. Сувчинского к Пражскому совещанию евразийцев // Политическая история русской эмиграции. 1920-1940 гг.: Док. и материалы / под ред. проф. А.Ф. Киселева. – М., 1999. – С. 272-273.

² Прокофьев С. Из Дневника (1925-1930) // Вишневецкий И.Г. «Евразийское уклонение» в музыке 1920-1930-х годов: История вопроса. Статьи и материалы А. Лурье, П. Сувчинского, И. Стравинского, В. Дукельского, С. Прокофьева, И. Маркевича. – М., 2005. – С. 419. Запись от августа 1929 г.

³ Минувшее: Исторический альманах. – Вып. 3. – Париж, 1987. – С. 246. (прим. 55).

через него – к крупнейшему тогдашнему британскому экономисту и весьма состоятельному человеку Джону Мейнardu Кейнсу, члену влиятельного интеллектуально-художественного кружка Блумсбери (к каковому принадлежали и Вулфы). В письме Вулфу от 1 февраля 1926 г. Д. Мирский заявлял, что затевает журнал вне политики, главным образом для того, чтобы печатать талантливых, но не востребованных в эмиграции писателей – таких, например, как А. Ремизов, – а затем просил о посредничестве в контакте с Кейнсом насчет спонсорства. Тонкий ход заключался в том, что, как Д. Мирскому стало известно через Харрисон, Кейнс был лично знаком с Ремизовыми, а жена Кейнса, знаменитая русская балерина Лидия Лопухова испытывала большую симпатию к супруге Ремизова Серафиме Павловне Довгелло. В том же письме Вулфу, однако, дипломатичный Д. Мирский утверждал, что Л. Лопуховой якобы понравился сам Алексей Михайлович. В итоге Кейнс, хотя и не сразу, дал на журнал 20 фунтов¹.

Вопрос об именовании журнала решался в спорах, которые ярко характеризуют настрой его создателей. А.М. Ремизов предлагал название «Орда», затем «Ясак», а когда П.П. Сувчинский придумал «Версты», возражал ему: «лучше крепкое ВЕРСТА». Д.П. Святополк-Мирский допускал «Улус», «Ясак». Он был против «Верст» – названия, напоминавшего, по его мнению, затасканные, похожие друг на друга «Недра», «Костры», «Огни» и другие и настаивал на том, чтобы журнал назывался «Крысолов», ибо, считал он, именно «Крысолов» может объединить Плотина с Артемом Веселым². Цветаева считала, что лучше – «ШАТЕР (просто – костер – царственность – сила). В ШАТРЕ – и ОРДА, только за шатром. И мужское. Лучше Орды! Шатер – укрывающее, но не удушающее. Дом (или дворец) со сквозняком. А что у Гумилева – Шатер (название сборника стихов Н. Гумилева – *З.Б.*) – тем

¹ Диаспора. Новые материалы. - Париж; СПб., 2001. – Т. 2. – С. 356, 365.

² Саакянц А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. – М., 1997. – С. 436.

лучше! Гумилев – большой поэт, и такое воссоединение приятно. Кроме того, ШАТЕР – как простор – как костер – ДЛЯ ВСЕХ»¹.

Совсем просоветской считается газета «Евразия» (вышло всего 35 номеров), издававшаяся на деньги, полученные П.Н. Малевским-Малевичем от богатого англичанина Г.Н. Сполдинга, мецената, увлеченного идеей сближения западной и восточной цивилизаций. 24 октября 1928 г. С.С. Прокофьев записал в своем Дневнике: «Сегодня вышел первый номер еженедельной газеты «Евразия», над выпуском которого Сувчинский работал как каторжник – и оттого и не было видно. «Ну, теперь полегчает?» – спросил я его. «Куда там, – ответил Сувчинский, – теперь надо выпускать второй номер...» Интересна также запись от 22 декабря 1928 г.: «На «Евразию» около 60 или 80 тысяч подписок из Кремля, а Сувчинскому – угрозные письма от правых эмигрантов. Он сияет»².

Помимо философских и литературоведческих статей в журнале, газете публиковались статьи о ленинизме, социальной природе советской власти, о том, до чего «жива» литература советская и «мертва» эмигрантская и сколь благоприятные политические условия в СССР для развития и процветания талантов. В состав редколлегии помимо П.П. Сувчинского вошли Л.П. Карсавин, П.Н. Малевский-Малевич, Д.П. Святополк-Мирский, С. Эфрон, П.С. Арапов, В.П. Никитин, А.С. Лурье. В «Евразии» сотрудничал Н.В. Устрялов (очевидно по приглашению П.П. Сувчинского, с которым состоял в переписке), считавший, что национал-большевизм соприкасается с евразийством публикациями, письмами, мыслями.

В появлении «Верст» П.Н. Савицкий, увидел первые признаки идеологического уклона. К моменту выхода газеты «Евразия» он прекратил участие в ее редактировании (т. е. с 24 ноября 1928 г.; последний же номер вышел в сентябре 1929 г.), о чем сообщил П.П. Сувчинскому и Н.С. Трубецкому. В

¹ Цветаева М.И. Собр. соч. в 7 т. – Т. 6. – М., 1995. – С. 314.

² Прокофьев С. Из Дневника (1925-1930) // Вишневецкий И.Г. «Евразийское уклонение» в музыке 1920-1930-х годов: История вопроса. Статьи и материалы А. Лурье, П. Сувчинского, И. Стравинского, В. Дукельского, С. Прокофьева, И. Маркевича. – М., 2005. – С. 419.

январе 1929 г. евразийцами было принято решение публично объявить, что газета «Евразия» не есть евразийский орган. Прежде всего парижская группа обособилась от этой газеты. Ее поддержали евразийцы Варшавы, Берлина, Балкан, Англии. Белградская (15 декабря 1928 г.) и пражская (5 января 1929 г.) группы в своих обращениях к редколлегии еженедельника «Евразия» рекомендовали более критически относиться к официальной советской информации по всем отраслям «строительства» СССР, чтобы издание «не производило бы впечатления казенного советского органа»¹.

По версии Д. Мальмстада, гостившие в январе 1928 г. у М. Горького в Сорренто П.П. Сувчинский и Д. Святополк-Мирский приглашали писателя к участию в газете, но без успеха. Основные принципы евразийства для него оставались неприемлемыми².

Обозначившийся раскол евразийского движения получил название «кламарского». На собрании евразийцев 3 февраля 1929 г. Н.С. Трубецкой и П.Н. Савицкий констатировали у П.П. Сувчинского уклон в марксизм. Его обвиняли в подмене ортодоксального евразийства элементами других, ничего общего с евразийством не имеющих учений (марксизм, федоровство), о чем писал Трубецкой в редакцию «Евразии» 5 января 1929 г. (О разрыве с Николаем Сергеевичем П.П. Сувчинский вспоминал болезненно). П.Н. Савицкий назвал сторонников газеты комуноидами, а газету – «официозом не евразийцев, но комуноидов»³. П.Н. Савицкий считал идейный поворот кламарцев прямой изменой принципам евразийства. В № 7 «Евразии» от 5 января 1929 г. было помещено письмо Н.С. Трубецкого в редакцию газеты, констатировавшего раскол движения, и заявлявшего о выходе автора из газеты и евразийской организации. В Париже П.Н. Савицкий, Н.Н. Алексеев, В.Н. Ильин опубликовали брошюру «О газете «Евразия» (Газета «Евразия» не есть евразийский орган)». К ним присоединился Н.С. Трубецкой. Они

¹ ГАРФ. – Ф. 5911 – Оп. 1. – Д. 102. – Л. 4.

² К истории «евразийства»: М. Горький и П.П. Сувчинский. Публикация Джона Мальмстада // Диаспора. Новые материалы. – Париж; СПб., 2001. – Т. 1. – С. 334.

³ ГАРФ. – Ф. 5911. – Оп. 1. – Д. 91. – Л. 8, 10.

утверждали, что евразийство несовместимо с марксизмом, который должен являться только объектом анализа, в том числе для выяснения причин его значения и успеха, чтобы учесть их в самостоятельной евразийской конструкции. Вместо этого «газета «Евразия» сделала марксизм субъектом идеологических построений и тем отреклась от евразийской системы»¹. Сувчинского критиковали за отход от евразийской идеи, за уклон к «всеединству» Н.Ф. Федорова и апологию советского строя. Однако он и значительно позже, уже в 1960-х гг., называл Федорова «одним из величайших русских праведников», к которому недаром «ходили, совершая как бы паломничество, Толстой и Достоевский»².

Клармарцы же во главе с П.П. Сувчинским ответили в «Евразии» опровержением существования каких-либо других евразийцев, кроме них самих, заявив о себе как о главной парижской группе. 12 января 1929 г. в передовой статье отмечалось, что философия Общего Дела Федорова сыграла немалую роль в самораскрытии евразийства. А марксизм ценен установкой на действие, а не на мирозерцание. Эта сторона идеологии и привлекала лидера клмарцев.

В письме от 11 февраля 1930 г. М. Горькому из Парижа П.П. Сувчинский сообщал, что эмигрантские деятели, группировавшиеся вокруг газеты «Евразия» (десять человек), окончательно разочаровавшись в евразийском движении, хотели бы служить СССР; эти люди «являются вполне сознательными... идеологами советского дела». В связи с тем, что газета «Евразия» прекратила существование из-за отсутствия средств, П.П. Сувчинский выразил желание «издавать хотя бы ежемесячный журнал» и советовался с Горьким, где найти материальную поддержку для этого издания.

Писатель откликнулся, выразив понимание серьезности задуманного предприятия: «Совершенно согласен с тем, что, работая за рубежом России,

¹ Алексеев Н.Н., Ильин В.Н., Савицкий П.Н. «О газете “Евразия”». – Париж, 1929. – С. 4.

² Петр Сувчинский и его время. – М., 1999. – С. 333.

Вы и Ваша группа принесете значительно больше пользы родине, чем принесли бы, работая в ее границах, в хаотическом и мощном грохоте ее строительства». А также запросил, какие средства необходимы на организацию еженедельника и на издание его в течение года¹. В тот же день М. Горький о просьбе П.П. Сувчинского сообщил И.В. Сталину: «У нас делать им [Сувчинскому и Святополк-Мирскому – З.Б.] нечего. Но я уверен, что они могли бы организовать в Лондоне или Париже хороший еженедельник и противопоставить его прессе эмигрантов. ...Далее - бывшие евразийцы могли бы в известной степени влиять и на французских журналистов, разоблачая ложь и клевету эмигрантов. Может быть, Вы найдете нужным поручить т. Довгалеvскому вступить в сношения с Сувчинским и дать Вам отчет о его, Довгалеvского, впечатлении?» Далее он уверял И.В. Сталина, что «эти “евразийцы” люди несравнимо более крупного калибра», чем адепты сменовеховства, безуспешно пытавшиеся поставить за рубежом советский журнал. Вместе с изложением собственных соображений М. Горький переслал И.В. Сталину также письмо П.П. Сувчинского, скрыв этот шаг от автора. В последующей корреспонденции П.П. Сувчинский отказался «из-за политического положения во Франции» от организации журнала или газеты. Но предложил выпускать четыре сборника в год, считая, что каждый из них обойдется в 130 английских фунтов в месяц. Отправляя и это письмо «Иосифу Виссарионовичу и Г.Г.» Ягоде, заместителю председателя ОГПУ, М. Горький заключил: «Мое мнение: сборники - оружие недостаточно активно-боевое и поэтому не нужны. «Евразийцев» хорошо бы использовать для журнала “За рубежом”. Хорошо зная быт интеллигенции и мелкой буржуазии, они могут быть полезными осведомителями»². Сотрудничество состоялось, хотя и не активное³.

¹ К истории «евразийства»: М. Горький и П.П. Сувчинский. Публикация Джона Мальмстада // Диаспора. Новые материалы. - Париж; СПб., 2001. - Т. 1. - С. 338.

² «Жму Вашу руку, дорогой товарищ». Переписка Максима Горького и Иосифа Сталина. Публикация, подгот. текста, вст. и комментарии Т. Дубинской-Джалиловой и А. Чернева // Новый мир. - 1997. - № 9. - С. 171, 172 (сноска 1 к письму № 4).

³ К истории «евразийства»: М. Горький и П.П. Сувчинский. Публикация Джона Мальмстада // Диаспора. Новые материалы. - Париж; СПб., 2001. - Т. 1. - С. 340-342.

(Горький и в дальнейшем переписывался с Петром Петровичем.) Так «клармарское евразийство» перестало существовать.

«Левые» убеждения П.П. Сувчинского дали основание обвинить его в сотрудничестве с НКВД после похищения генерала Е.К. Миллера и ареста Н. Плевацкой в 1937 г. Но он подал в суд и выиграл дело¹.

П.П. Сувчинский, видимо, неоднократно хотел вернуться в Советскую Россию. СССР был для него единственной реально существующей Россией, единственным местом, где решалась ее судьба. Еще в болгарский период эмиграции его друг, С. Прокофьев, в одном из писем наставлял: «В Софье, я понимаю, можно с ума сойти, но это не резон лезть сейчас в Россию, когда там как раз самая гадость созревает». Дело в том, что летом 1922 г. П.П. Сувчинский получил предложение Б.Л. Яворского, председателя музыкальной секции и члена ученого совета Наркомпроса, работать в Москве. Все тот же С. Прокофьев в письме от 30 июля из Этталя (Бавария) размышлял: «С точки зрения практической, необходимо решить, надо ли Вас бросить на это дело немедленно или же лучше сберечь Вас и бросить в него на несколько лет позднее, когда можно будет работать при более благоприятных условиях. Если Вы находите, что сейчас и без Вас обойдутся, то тогда лучше сохранить себя в резерве, с тем, чтобы вступить в работу свежим, при тех условиях, где Вам будут ясны Ваши возможности. Вбивать основы хорошо, но если при взмахе молот будет ударяться о притолоку, то польза будет малая.

С точки зрения эмоциональной, надо решить: закидаете ли Вы сейчас от безделья (точнее, от отсутствия полноты деятельности) – или же чувствуете себя свежим, работающим и готовым к работе. Если первое, то надо ехать к Яворскому и рискнуть встречей с тамошними минусами, иначе грозит сход с рельсов и потеря прямой линии. Буде же Вы чувствуете, что наоборот, силы у Вас накаплиются, или если не накапливаются, то хранятся без утечки, или, наконец, просто, что Вы сможете превозмочь засос эмиграции еще в течение

¹ Петр Сувчинский и его время. – М., 1999. – С. 29.

нескольких лет, то ехать не надо, ибо свежие силы пригодятся не только при вколачивании свай, но и при возведении стен»¹.

В апреле-мае 1930 года С. Прокофьев нашел друга после долгого отсутствия «в несколько беспокойном состоянии духа: он по секрету собирался в СССР. В этом отношении у него уже налажены связи кое с кем в Москве, а главным образом с Горьким»². В это же время вернуться в Россию собирался Д.П. Святополк-Мирский. «Я тоже подал прошение о визе, - говорил П.П. Сувчинский. Странно, в один день с Мирским: он в Лондоне, я в Париже – о возвращении в Россию. Ему дали, а мне отказали. ...Социально мы были одинаковы. И вот ему дали, а мне отказали». Выступивший инициатором возвращения Горький обещал и того, и другого на родине устроить³. Н.А. Бердяев, напротив, на этой почве с П.П. Сувчинским разошелся. Терзания по поводу возвращения посещали Петра Петровича еще неоднократно. Д. Мальмстад пишет, что в 1937 г. тот даже побывал в СССР. Тогда «у него открылись глаза, по крайней мере, на то, что происходило в культурной сфере страны, и он вернулся во Францию»⁴. Основанием для такого заключения стали строчки из письма П.П. Сувчинского: «Хорошо в Париже после Казани!». Однако М.В. Козовой опровергает подобные домыслы.

Во второй половине 1930-х гг. П.П. Сувчинский, опять же по сведениям Мальмстада, сосредоточил свою общественную деятельность в просоветской организации «Союз возвращения на Родину», где видную роль играла его бывшая жена В.А. Гучкова-Трэйл. После Второй мировой войны Указами Верховного Совета СССР от 10 ноября 1945 г. и 20 января 1946 г. эмигрантам было предоставлено право получить советское гражданство и вернуться

¹ Петр Сувчинский и его время. – М., 1999. – С. 74.

² Прокофьев С. Из Дневника (1925-1930) // Вишневецкий И.Г. «Евразийское уклонение» в музыке 1920-1930-х годов: История вопроса. Статьи и материалы А. Лурье, П. Сувчинского, И. Стравинского, В. Дукельского, С. Прокофьева, И. Маркевича. – М., 2005. – С. 420.

³ Лосская В. Марина Цветаева в жизни: Неизданные воспоминания современников. – М., 1992. – С. 206.

⁴ К истории «евразийства»: М. Горький и П.П. Сувчинский. Публикация Джона Мальмстада // Диаспора. Новые материалы. - Париж; СПб., 2001. – Т. 1. – С. 335.

на родину. П.П. Сувчинский 11 ноября 1946 г. сообщил И. Стравинскому, что «после мучительного колебания» решил не возвращаться в СССР¹.

Связь с родиной на протяжении всей жизни поддерживалась активным общением и перепиской с советскими деятелями культуры: Э. Мейерхольдом, И.Э. Бабелем², И.Г. Эренбургом, Л.И. Шестовым, М. Горьким, Б.Л. Пастернаком, М.В. Юдиной, искусствоведом М.В. Алпатовым, К.Ю. Стравинской, племянницей композитора, музыковедом И.В. Нестьевым и др. Л. Собинов, приехав на гастроли в Париж в 1930 г., звал Петра Петровича на свой концерт. Продолжалась дружба с С. Прокофьевым, который посвятил П.П. Сувчинскому 5-ю фортепьянную сонату (1923 г.). Петр Петрович написал для композитора первый вариант текста «Кантаты о Ленине» (позже Кантата к XX-летию Октября), составив выборку отрывков из классиков марксизма-ленинизма. Впервые Кантата была сыграна лишь 5 апреля 1966 г. в Москве.

Отойдя от политического евразийства, П.П. Сувчинский полностью погрузился в искусство. В 1957 г. он писал Б.Л. Пастернаку, что уже много лет занимается только музыкой. Однако в 1947 г. в журнале «Contrepoints» появился его гневный протест против уравнивающего сопоставления двух систем: нацистской и советской³.

Петр Петрович стал влиятельным лицом в художественной жизни столицы Франции.

А.В. Иванов

ЕВРАЗИЙСКИЙ МИР И ДУХОВНО-ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

¹ К истории «евразийства»: М. Горький и П.П. Сувчинский. Публикация Джона Мальмстада // Диаспора. Новые материалы. – Париж; СПб., 2001. – Т. 1. – С. 330.

² Известно, что И. Э. Бабель (которого приглашали к сотрудничеству в журнале «Наш Союз», органе Союза возвращения на родину во Франции, но тот отказался в силу незначительности гонораров) 2 марта 1928 г. подарил П.П. Сувчинскому свою книгу «Закат» с надписью «на память».

³ Петр Сувчинский и его время. – М., 1999. – С. 33.

Глобализация жизни мирового сообщества носит крайне противоречивой и неоднозначный характер. Господствующий ныне техногенно-потребительский сценарий глобализации по западным ценностям и образцам (некоторые исследователи справедливо называют его вестернизацией) начинает вызывать все более широкую волну критики в разных странах, учитывая, что бесконтрольный технический прогресс чреват катастрофическими сценариями, а установка на безудержный рост материального потребления ведет к экологической катастрофе и духовной деградации человека. Можно привести еще целый ряд аргументов, демонстрирующих тупиковый характер нынешней стратегии мирового развития.

1) Господствующие рыночно-либеральные правила экономической игры выгодны развитым странам Запада, но оборачиваются массовым обнищанием населения Азии, Африки и Латинской Америки, а также во все возрастающей степени государств бывшего СНГ. Разрыв между уровнем жизни США и Европы и уровнем жизни «развивающихся» стран продолжает неуклонно расти. При этом основные природные ресурсы страны-лидеры бесконтрольно черпают именно из кладовых слаборазвитых стран. Политика же развитых стран в отношении Ирака, Афганистана, Ливии и Сирии дает все основания говорить о насильственном навязывании правящей элитой Запада рыночно-либеральной стратегии глобализации всему остальному миру.

2) Неуклонно ухудшается экологическая ситуация по всему миру. За два последних десятилетия площадь лесов в мире сократилась на 2 млн. кв. км. За то же время количество рыбы в пресных водоемах уменьшилось на 50%. 70-80 % злокачественных опухолей связано с плохой экологической ситуацией. При этом западные страны потребляют 2/3 мировых природных ресурсов и выбрасывают в атмосферу 60% углекислого газа.

3) Нарастает число природных и антропогенных катастроф. По прогнозам ученых, количество чрезвычайных ситуаций в ближайшие годы будет только расти. Если в 60-х годах от ЧС природного и техногенного характера пострадал в среднем 1 человек из 62 проживающих на Земле, то в 90-х уже 1

из 29. В мире установилась тенденция ежегодного роста числа пострадавших (на 8,6%) и материальных потерь (на 10,4%) в результате чрезвычайных ситуаций.

4) В наихудшем положении оказываются территории Земли, хранящие и производящие наиболее важные для жизни биосферные ценности (воздух, воду, древесину и черноземы, чистые и полезные продукты питания, рекреационные услуги), т.е. горные и аграрные регионы. В самом же привилегированном положении находятся финансово-политические центры типа Нью-Йорка, Токио, или Лондона с офисами крупнейших транснациональных компаний, банками, биржами и штаб-квартирами глобальных финансовых структур. Многие аналитики в связи с этим прямо заявляют о перевернутом характере пирамиды человеческих ценностей, где средства (экономика и финансы) явно превратилось в самоцель;

5) Идет зримая деградация духовной культуры человечества, когда молодые люди умеют мастерски оперировать с компьютером и путешествовать по Интернету, но отличаются при этом нравственной инфантильностью и низким культурным уровнем развития. Все это сопровождается культивированием опасной технократической мифологии, будто все жгучие проблемы человечества можно решить исключительно путем развития науки и техники: проблемы продовольствия – созданием генно-модифицированных продуктов питания; здравоохранения – выращиванием искусственных человеческих органов и вживлением чипов; энергетики – дальнейшим развитием атомной отрасли и освоением энергетических ресурсов ближайшего Космоса. Но человеческий организм и природа – не механизмы, где частями можно комбинировать по человеческому произволу. Отрицательное влияние тех же ГМО-объектов на природные экосистемы и на человеческий организм – факт, получающий все более массовое и все более страшное подтверждение. Не смыкается ли здесь вроде бы рациональная наука с самой настоящей черной магией, где воздействием на часть хотят добиться изменения целого ради телесного бессмертия, вечной молодости или власти. Если добавить к этому

публичную проповедь «философии» безграничных чувственных удовольствий и самоценного телесного комфорта, активное распространение пост-модернистских жизненных установок типа «все дозволено» и «надо жить, играя», – то нарастающий духовный регресс, пожалуй, перевесит все достижения технического прогресса последних десятилетий.

Стремление западных идеологов глобализации убедить общественное мнение в том, что альтернатив нынешнему сценарию глобализации нет, опровергается многими фактами. Во-первых, иная модель глобализации уже реально осуществлялась в рамках мировой системы социализма – знаменитый Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ), и его возможности остались далеко не исчерпанными, о чем с ностальгией сегодня вспоминают многие здравомыслящие люди в Восточной Европе и на Востоке. Во-вторых, неуклонный рост международного терроризма в странах третьего мира – есть прямое следствие несправедливого и неравномерного распределения мировых материальных ресурсов. В-третьих, налицо лавинообразное нарастание противоречий внутри самих стран «золотого миллиарда», особенно в связи с агрессией НАТО против Ливии и Сирии, долговым кризисом в Европе и кризисными процессами в экономике США – локомотиве западной глобализации. Немудрено, что углубляющийся системный кризис техногенно-потребительской цивилизации активизировал поиски иных оснований и целей мирового объединения среди интеллектуальной элиты различных стран.

Евразийский культурно-географический мир, занимающий внутреннее континентальное пространство Старого Света (или евроазиатского материка) от Северного Ледовитого океана до великих хребтов Центральной Азии на юге и от монгольского хребта Хинган на востоке до Карпат на западе является тем регионом Земли, на котором существуют благоприятные условия для перехода к иной стратегии мирового развития и, соответственно, мировой интеграции, которую можно назвать *ноосферной или духовно-экологической*. Однако прежде чем перейти к ее анализу – необходимо хотя бы вкратце остановиться на самой евразийской идее и уникальных ресурсах евразийско-

го пространства, оказывающихся особенно востребованными в современную кризисную эпоху.

Приходится с горечью констатировать удивительный парадокс, характеризующий сознание правящих элит на постсоветском пространстве: чисто идеологические (коммунистические, либеральные, религиозные, националистические) конструкции циркулируют на нем очень широко, а вот евразийское мировоззрение, в рамках которого национальные ценности органично уживаются с ценностями надэтническими и которое опирается на объективные характеристики самой Евразии (ее ландшафта, климата, этнического своеобразия, истории), – остается достоянием узкого круга интеллигенции.

Единственная страна, положившая евразийскую идею в основу своей внутренней и внешней политики, – это Казахстан, что является его безусловным и неопределимым вкладом в дело грядущей евразийской интеграции. К сожалению, Россия – другая наиболее обширная и репрезентативная по своей срединности часть евразийского пространства – в течение последних двух десятков лет находилась в плену сугубо западных глобалистских установок, обернувшихся для нее тяжелыми цивилизационными провалами. Именно России и Казахстану, а также Китаю¹ по самому их геополитическому положению и этническому составу населения суждено стать локомотивами как интеграции самой Евразии, так и превращения ее в центр мировой политики, основанной на принципах миролюбия и взаимопонимания между народами, а также уважения к сложившимся политическим системам и типам мировоззрения. Создание Шанхайской организации сотрудничества – прямой шаг в указанном направлении.

При этом все большее подтверждение находит ключевое теоретическое положение классиков евразийства: Евразия по совокупности объективных параметров не может быть отнесена ни к западному, ни к восточному культурно-географическим мирам, а пространственно-

¹ Благодаря тому, что Синьцзян (особенно Джунгария) является частью евразийского пространства, мы вправе считать Китай не только великой восточной, но и евразийской державой.

географически, геополитически, этнически, культурно и хозяйственно представляет собой **срединный мир-материк**, возникший позже восточных и европейских цивилизаций, впитавший в себя многие их культурные достижения, но сумевший за последние шесть столетий (особенно в XIX–XX веках) приобрести ярко выраженное своеобразие и важнейшее место в историческом процессе. Евразия – континентальный мост; политический, транспортный и культурный посредник между мирами Востока и Запада, ось мирового геополитического равновесия. Неслучайно западные геополитики-атлантисты, типа Макиндера, называли его районом-сердцем (или Хартлендом).

Здесь надо четко заявить, что евразийская идея – это вовсе не идеологическая выдумка группы русских эмигрантов во главе с Н.С. Трубецким, П.Н. Савицким, Н.Н. Алексеевым и некоторыми другими учеными, а синтетическая научно-философская форма цивилизационной самоидентификации России, у истоков которой стоят М.В. Ломоносов¹ с его верой в Сибирь и Россию Азиатскую и А.С. Пушкин с трактовкой Руси Великой как собора славянских, тюркских, монгольских, угро-финских и палеоазиатских народов Севера. Евразийские идеи можно найти у Ф.М. Достоевского², К.Н. Леонтьева³, Д.М. Менделеева⁴ и Н.К. Рериха. Важный вклад в развитие евразийских идей внесли в XIX веке выдающиеся культурные деятели Казахстана – Абай и Ч.Ч. Валиханов. Последний, будучи другом Ф.М. Достоевского и существенно повлияв на становление евразийских установок последнего, факти-

¹ *Ломоносов М.В.* Для пользы общества... М., 1990.

² См.: «Зимние заметки о летних впечатлениях» и особенно материалы из «Дневника писателя» за 1880-1881 годы, в которых великий русский писатель не только подвергает блестящей критике русское западничество и европейский либерализм, но прямо призывает россиян не стыдиться своих азиатских корней, которые «восстановить и пересоздать надо».

³ Ему принадлежит идея, что Россия – самобытный «славяно-туранский мир со своими азиатскими владениями» (*Леонтьев К.Н.* Избранное. - М., 1993).

⁴ В работах великого русского ученого заложены основы эконом-географического взгляда на развитие России, которое не может быть организовано «ни по английскому, ни по германскому образцу». Здесь необходимо учитывать особенности именно евразийского пространства: суровый климат, огромные континентальные расстояния, редкую заселенность, полиэтничный состав населения.

чески впервые открыл миру самобытные культурные ценности кочевых народов Евразии и лично явил идеал ученого-евразийца, в ком любовь к родной казахской культуре органически сочеталась с любовью к братскому русскому народу и к другим народам Евразии. Нельзя не отметить и такого интересного выразителя евразийской идеи, как монгольский исследователь Э. Хара-Даван, который впервые проанализировал идеи и деятельность Чингисхана¹.

Фактически основоположники евразийства не изобрели в мировоззренческом плане ничего принципиально нового, а, скорее, творчески обобщили, развили и научно обосновали ту совокупность идей, которая уже присутствовала в трудах их предшественников. Оригинальные вариации евразийской идеи в последние десятилетия XX века предложили такие выдающиеся русские мыслители как Л.Н. Гумилев и В.В. Кожин, А.С. Панарин и Н.Н. Моисеев. Интересные варианты евразийских идей развиваются сегодня казахстанскими и монгольскими учеными².

На территории Евразии, несмотря на все исторические перипетии и конфликты, сложилась единая евразийская суперэтническая общность с традициями мирного общежития, общими фундаментальными ценностями³, а, самое главное, с уже реально сбывшимися в истории образцами этнокультурного синтеза⁴. В условиях нарастающего конфликта цивилизаций, особенно конфликта западного секуляризованного мира с исламским, необхо-

¹ *Хара-Даван Э.* Чингисхан как полководец и его наследие. - Алмат-Ата, 1992.

² *Селиверстов С.В.* Казахстан, Россия, Турция: по страницам евразийских идей XIX–XXI веков. Алматы, 2009; Цэдэв Н.Х. Евразийская идея глазами монгола // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: Материалы Шестой Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Барнаул, 25-26 июня 2012: в 2 т. Т.1. - Барнаул, 2012.

³ Проведенные в течение ряда лет этносоциологические исследования в Казахстане, Монголии и Сибири выявили безусловную близость евразийских народов в плане приоритета коллективистских и неприятия рыночно-либеральных ценностей (Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация (под ред. Ю.В. Попкова). - Новосибирск, 2010. С. 219).

⁴ *Иванов А.В.* Алтай как эталонная территория Евразии // Межкультурный диалог в условиях приграничного сотрудничества: опыт Ассамблеи народов Казахстана и перспективы развития. Материалы международной научно-практической конференции. Усть-Каменогорск, 10-12 декабря 2009. - Усть-Каменогорск, 2010.

димом политически актуализировать и информационно популяризировать этот гигантский потенциал межэтнического, межконфессионального и межкультурного евразийского взаимодействия. Это – подлинное культурное взаимообогащение, а не пресловутая толерантность с ее базовым принципом: «Я не трогаю вас, а вы не трогайте меня», которая сегодня трещит по всем швам в той же Европе.

Народы Евразии, особенно бывшего СССР, имеют бесценный исторический опыт изживания двух равно ложных техногенно-потребительских альтернатив в лице капитализма и командно-административного социализма. На повестке дня стоит задача перехода к принципиально новому типу цивилизационного существования, где будут сохранены лучшие черты обеих систем, но на принципиально новом духовно-экологическом фундаменте.

У классиков евразийства мы обнаруживаем стратегически значимую идею, что именно на срединном евразийском пространстве суждено сложиться какому-то принципиально новому типу цивилизационного существования, снимающего крайности капитализма и социализма, национализма и космополитизма, плана и рынка, частной и коллективной собственности, политико-экономической централизации и регионализации.

Создание таможенного союза между Казахстаном, Россией и Беларусией, а также тесная хозяйственная, научная и культурная интеграция в рамках ШОС – не только очень важный шаг к такому евразийскому «хозяйственно-географическому организму, но и путь к формированию единого евразийского континентального рынка, о необходимости которого говорил тот же П.Н. Савицкий¹. Без приоритета континентальных стран в торговле друг с другом, считал он, им будет крайне сложно по одиночке противостоять «океаническим» (западным) государствам, которые имеют целый ряд объективных конкурентных преимуществ: дешевизна морских перевозок по сравнению с континентальными, компактность территорий, мягкий климат,

¹ Савицкий П.Н. Континент Евразия. - М., 1997.

контроль над финансовыми потоками и стратегическими экономическими решениями в мире.

Это требование преимущественной евразийской экономической интеграции, повышающей и нашу общую, и индивидуальную конкурентоспособность, – совершенно естественно преломляется и конкретизируется на уровне трансграничного регионального сотрудничества, например, на том же Алтае, где сегодня имеется тенденция и к территориально-производственной кооперации, и к созданию алтайского сегмента единого континентального рынка. Естественно, здесь особенно важно проведение принципа взаимного учета интересов и добровольности участия в интеграционных процессах.

Важнейшей линией евразийской интеграции являются наука и образование, где роль интеграции университетов в рамках ШОС и формирования единого образовательного пространства в рамках ШОС трудно переоценить. Следует твердо помнить: связи на основе низшего и материального – всегда неустойчивы и ненадежны, и всегда подвержены исторической конъюнктуре; а связи на основе высшего и духовного – это самые прочные, почти сверхвременные, бытийственные связи. Укрепите равноправное научное, образовательное и культурное взаимодействие между народами и увидите, как самым чудесным образом они будут инициировать экономическую, политическую и геополитическую интеграцию. Сам университетский дух утверждает ценность бескорыстного искания истины и творческого общения, противостоящие сребролюбию и эгоистическому обособлению; верности нравственным принципам вопреки бескрылому прагматизму. Возможно, именно единение научно-педагогической евразийской интеллигенции вокруг основополагающих духовных и экологических ценностей станет катализатором духовно-экологического объединения многонациональной Евразии. Хочется перефразировать слова видного русского философа В.Ф. Эрна и сказать: *«Время евразийствует»*.

Е. В. Кряжева-Карцева

МИСТЕРИЯ ЕВРАЗИИ: ТЕЛЛУРОКРАТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА ГЕОПОЛИТИКОВ-ИДЕОЛОГОВ ТРЕТЬЕГО ПУТИ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ В 1920-30-Е ГГ.

В последние годы растет количество работ по геополитическим проблемам, так как в начале XXI в. обозначился интерес к изучению геополитических концепций не только либо про-американски «правых», либо про-сталински «левых» (характерный для 1990-х гг.), но и альтернативных доктрин¹. Весьма актуально сейчас изучение трудов геополитиков, идеологов Третьего Пути, так как колоссальная трансформация идеологического поля, связанного с распадом СССР, привела к дискуссии о необходимости организации нового геополитического полюса. Именно поэтому, в начале века активизировались исследования работ идеологов Третьего Пути, которые творили в Европе и России в 20-е гг. XX века².

Специалисты, изучающие историю политических течений, особо отмечают начало XX в., когда не осталось уже ни одного влиятельного идейно-политического течения, которое бы не отстаивало собственный проект общественных преобразований – даже консерваторы стали «реформаторами», а то и «революционерами». При этом для размежевания доктрин зачастую использовалось понятие «третьего пути», которое использовали и западно-европейские социал-демократы, и голлисты во Франции, и представители христианской демократии. Однако во всех этих случаях речь шла об обосновании центристской политической стратегии, основанной на технократическом прагматизме или отказе от более радикальных политических проектов.

В совершенно ином ключе идея «третьего пути» предстала в тех идеологических проектах, которые были направлены не на поиск умеренного «центра», на принципиальное противопоставление всему партийно-

¹ См. подробнее: Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия: [сб.ст.] / Под. ред. Э. А. Паина. – М., 2010; Пономарев М. В. История стран Европы и Америки в новейшее время. – М., 2010; Умланд А. «Консервативная революция»: имя собственное или родовое понятие? // Вопросы философии. – 2006. - № 2.

² См. подробную историографию: Женин И. А. Восприятие России консервативными интеллектуалами Германии 1919-1933. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 2010.

политическому спектру. По образному выражению русского философа Семена Франка, эта идеология формировалась *«по ту сторону правого и левого»*. Становление ее произошло на рубеже XIX-XX вв., когда либеральные, консервативные и социал-демократические движения переживали радикальную перестройку, а европейское общество оказалось охвачено глубоким духовным кризисом.

Рубеж XIX-XX вв. – это уникальная историческая эпоха на переломе Нового и Новейшего времени. Благодаря перу Освальда Шпенглера она получила название - «закат Европы». Эйфория от торжества идеалов прогресса проходила в ходе социальных встрясок, затрагивающих все сферы жизни общества. Наиболее остро данный процесс проходил в странах «диктатуры государства» (устаревшая терминология: странах «второго эшелона»). Эту группу стран образовывали наиболее преуспевшие в «догоняющем развитии» - Германия, Россия, Австрия, Италия, Япония.

Именно поэтому, особый интерес вызывают труды немецких и русских авторов. Так как еще на рубеже XIX-XX вв., планетарный дуализм «Морской Силы» и «Сухопутной Силы» поставил Германию и Россию перед проблемой геополитической самоидентификации. Рождались теории-антитезы стратегии «Морской Силы» в работах немецких авторов - Хаусхофера, Шмитта и т.д., так и русских мыслителей-евразийцев. «Евразийцы» представляли собой не узкую школу, но широкую панораму воззрений, идущую от крайне левого национал-большевизма до крайне правого монархизма с ориентацией на аристократизм, элитарность и т.д. Но главное отличие евразийцев от других историко-политических тенденций в русской мысли XX в. состоит в том, что евразийцы привлекали к своему анализу не только этические и эстетические критерии (как это имело место почти у всех современных русских философов и публицистов), но обращались к понятиям геополитики, социологии, истории религий, этнологии и антропологии, что делало их позицию фундаментальной, научной, законченной и последовательной. «Евразийцам удалось преодолеть тот сентиментализм и то морализаторство, которые окрашивали

идеологические споры конца XIX - начала XX в. Благодаря этому их идеи несколько не устарели и не потеряли актуальность сегодня, в то время как политические формулы «чистых» левых или «чистых» правых той эпохи сегодня выглядят архаично и нелепо»¹.

Данная статья призвана очертить общие аспекты идейной преемственности геополитических теорий немецких геополитиков-континенталистов с геополитической доктриной евразийцев.

Теллурократические теории Хаусхофера и Шмитта

После I Мировой войны в Германии обострились нерешенные противоречия, возникшие в связи с процессами ускоренной модернизации, вследствие догоняющего развития за Францией, Англией и другими странами первого эшелона. Революция 1918 года и последующие демократические преобразования еще более запутали ситуацию. В такой ситуации в обществе родилось огромное количество теорий и концепций Третьего пути, которые предлагали революцию, тотальную, радикальную для преодоления кризиса в политическом и социальном пути Германии, но революцию - в направлении, не схожим с путем левых, т.е. ставилась задача преодоления «вильгельмизма», т.е. чисто правого, номинально монархического режима с одной стороны, и надвигающейся хаотической демократии с другой.

В Германии стали поговаривать об особом пути государства. Именно в Германии особую популярность получило самовыражение «Консервативная Революция», введенное впервые Томасом Манном. В Германии существовало множество вариантов консервативной революции, которую предлагали представители разных течений: младоконсерваторы (Артур Мюллер ван ден Брук, Освальд Шпенглер, Карл Шмитт, Отмар Шпанн, Вильгельм Штаппель и отчасти Вернер Зомбарт), национал-революционеры (Эрнст Юнгер, Франц Шаубеккер, фон Заломон), «бюндиш» (молодежные союзы: «Вандерфогель» («Перелетные птицы»)), национал-большевики (Генрих Лауфенберг и Эрнст

¹ Шатилов А. Открывая евразийский архив // Элементы. – 1993. - № 3. – С. 49.

Никищ), а также «фелькиш» (немецкие народники: Гвидо фон Лист, Йорг Ланц фон Либенфельс). Помимо мыслителей названных течений, был ряд авторов, которых в принципе нельзя отнести к какому-то течению, но от этого их заслуги в формировании идеологии Третьего Пути не уменьшаются. Это прежде Карл Хаусхофер, а также Карл Шмитт - немецкие геополитики, чьи теории Третьего Пути строились на знании сакральной географии предыдущих тысячелетий истории человечества. Это были своего рода продолжатели ариософской традиции¹, которые пришли к формированию эзотерической доктрины построения нового мира.

Различные теории Третьего Пути ориентировались на «реальную», «конкретную» политику в противовес «формальной логике» классовых идеологических концепций. Но, подобно своим оппонентам из либерального и марксистского лагеря, сторонники Консервативной Революции делали ставку на «глобальные изменения» а не «частичные реформы, создание принципиально новой социальной системы». В центре поиска «третьего пути» сказались обычные для консерватизма ценности социальной солидарности, представление об обществе как едином взаимосвязанном организме. Но органическая концепция была дополнена некоторыми базовыми категориями прогрессистской идеологии, в том числе понятием свободы как ценностной ориентации общественного развития. Идеалом являлась свобода «конкретной личности», гарантированная «подлинными субъектами» социальных отношений - сообществами, социальными группами, семьей, религиозной общиной и т.п., то есть корпоративная свобода, а не индивидуальная, классовая. Сама личность рассматривалась в этой связи как феномен духовный, а не материально детерминированный. При этом присущее консерватизму упование на стихийность и естественность развития общества сменилось стремлением к радикальным и целенаправленным преобразованиям. Основой их должно было

¹ Ариософия – духовное течение в Германии, которое преломило оккультные знания теософии, с наслоениями других религий в спекулятивные построения народнического движения.

стать не экономическое и политическое, а духовное строительство, совершенствование самого человека, социальное творчество.

Корпоративные движения ориентировались, прежде всего, на духовную консолидацию, а не на вступление в непосредственную борьбу за власть.

Поэтому-то, когда начался экономический кризис, не только веймарская демократия оказалась неспособной преградить дорогу фашистам к власти, но и идеологи Третьего Пути не смогли противостоять мифу крови и мечте в новый социальный порядок с полным господством арийцев, и подчинением других народов. Мечта о духовном величии человека переродилась в мечту о духовном величии арийцев. Ущемленный народ начал претворять свою «мечту» в жизнь под предводительством А. Гитлера отступившего в социальном, экономическом и геополитическом плане от консервативно-революционной ортодоксии.

Как нами уже было установлено, в Германии начала века Третий Дуть дал необычайно широкий спектр различных теорий и концепций. Большинство из них были призваны решать только внутривнутриполитические проблемы, но были и концепции, оценивающие и задающие векторы глобальным геополитическим процессам в мире.

Среди идеологов Третьего Пути особо можно выделить геополитиков-континентуалистов, которые очертили общие контуры доктрины - антитезы взглядам Мэхэна, Макиндера, Видаля де ля Блаша и других «талассократов». Это был своего рода эзотерический проект, т.к. проводя идею создания единого евразийского сообщества странами Восточной Европы, Средней и Центральной Азии с Россией и Германией, они опирались на принципы сакральной географии, говорящих о том, что в случае создания такого геополитического единства, страны в него входящие смогут управлять всей планетой, и противостоять атлантическому Западу. Таким образом, делался выбор не в сторону талассократических, капиталистических стран, и соответственно, их направления развития, а в сторону России и всех государств, для того чтобы

обеспечить немцам соучастие в мировом господстве теллуократии, и повернуть страну на духовный путь развития.

Таковыми были проекты построения теллуократической империи Хаусхофера и Шмитта, и они наиболее интересны для нас, т.к. России в новом геополитическом пространстве отдавалось не последнее место.

Геополитическая задача построения теллуократической империи ставилась исходя из накопленных знаний сакральной географии, во многом противоречила геополитике других народов, прежде всего, Англии, США и т.д., являлась ответной реакцией на неразрешенный узел противоречий вследствие ускоренной модернизации. Рассмотрим подробнее принципы сакральной географии, на знании которых строились теории Хаусхофера и Шмитта.

Два изначальных понятия в сакральной географии - суша и море. Именно эти две стихии - Земля и Вода – лежат в основе качественного представления человека о земном пространстве. На уровне глобальных геополитических феноменов, Суша и Море породили термины - талассократия и теллуократия, т.е. «могущество посредством моря» и «могущество посредством суши».

Исторически талассократия связана с Западом и Атлантическим океаном, а теллуократия - с Востоком и Евразийским континентом. Стороны Света в контексте сакральной географии также имеют свою качественную характеристику. Восток в сакральной географии традиционно считается «землей Духа», «родиной» Сакрального в наиболее полном и совершенном виде. Библия говорит о восточном происхождении Эдема. «Восток - это обитель богов», гласит сакральная формула древних египтян. Восток – место, где восходит, «вос-текает» солнце, Свет Мира, материальный символ Божества и Духа».

Запад имеет прямо противоположный символический смысл. Это «страна смерти», «мир мертвых». Запад – «царство изгнания», «колодец отчуждения», по выражению исламских мистиков. Запад это «анти-Восток», страна «заката», упадка, деградации, перехода из проявленного в непрояв-

ленное, из жизни в смерть, от полноты к нищете и т.д. (имеется ввиду духовное богатство). Запад - место, где заходит солнце, где оно «за-падает». Запад - это онтологический минус.

«По оси Восток-Запад выстраивались народы и цивилизации, обладавшие иерархическими характеристиками - чем ближе к Востоку, тем ближе к Сакральному, к Традиции, к духовному изобилию, чем ближе к Западу, тем больше упадок, деградация и омертвление Духа»¹.

В XX в. Запад стал центром «технологического» развития, на культурно-идеологическом уровне стали преобладать либерально-демократические, индивидуалистское и гуманистическое мировоззрение. Эти тенденции развития Запада оцениваются сейчас как положительные и на них ориентировались политики Европы и многих других стран. Таким образом, геополитики XX в. стали оценивать картину мира в противоположность сакральной традиции.

Шмитт и Хаусхофер ориентировались на такие понятия как «дух», «со-зерцание», «покорность сверхчеловеческой силе и сверхчеловеческой идее», «идеократия». Ставка была сделана на Восток, который вместо демократии и прав человека, тяготеет к тоталитаризму, социализму и авторитаризму, т.е. к различным типам социальных режимов, единых лишь в том, что в центре их систем стоит не «индивидуум», а нечто внечеловеческое - «общество», «нация», «народ», «идея», «религия», «культ вождя» и т.д.

Кроме оси Восток-Запад в сакральной геополитике также выделяется еще одна ось Север-Юг. «Наиболее древний и изначальный пласт Традиции однозначно утверждает примат Севера над Югом. Символизм Севера имеет отношение к истоку, к изначальному нордическому раю, откуда берет начало вся человеческая цивилизация.

Древние греки говорили с Гиперборее, северном острове со столицей Туле. И во многих других традициях можно обнаружить следы древнейшего, часто забытого и ставшего фрагментарным, нордического символизма. Ос-

¹ Дугин А. От сакральной географии к геополитике // Элементы. – 1993. - № 3. – С. 37.

новой идеей, традиционно связанной с Севером, является идея Центра, неподвижного Полюса, точки Вечности, вокруг которой вращается не только пространство, но и время, цикл. (...)

Соответственно Юг в сакральной традиции - это место, где Духовное приобретает свои грубые материальные формы, зримые очертания. Именно здесь день и ночь богов раскалываются на обычные человеческие сутки. Юг - это царство материи, жизни, биологии и инстинктов. Но нельзя видеть, как в случае с Востоком-Западом, здесь противопоставление добра и зла. Это лишь противопоставление Духовной Идеи и ее материального воплощения. И поэтому, в мире вполне может быть достигнута гармония, если Юг признает примат Севера и воплощает в жизнь духовную традицию Севера, создавая таким образом сакральные цивилизации»¹.

С течением времени изначальная ясность сакральной-географической панорамы изменилась и усложнялась. Так, в XX в. «Югом» стала практически вся планета, так как все больше сужалось на мир влияние изначального полярного центра. Континенты и их население предельно удалились от архетипов, родилась иллюзия «богатого Севера». Материальное благосостояние Англии, Голландии, США было применено к качественному критерию, и на этом развивались самые нелепые предрассудки о «варварстве» и «примитивности» южных народов. На самом деле именно в странах «богатого Севера» победили силы прямо противоположные Традиции, силы количества, материализма, атеизма, духовной деградации и душевного вырождения. «Богатый Север» стал символом сугубо материального благополучия, гедонизма, общества потребления.

Люди же «бедного Юга», в нормальном случае, пребывая в Традиции, до сих пор живут полнее, глубже, т.к. активное соучастие в сакральной Традиции наделяет все аспекты их личной жизни тем смыслом, которых давно

¹ Дугин А. От сакральной географии к геополитике // Элементы. – 1993. - № 3. – С. 41.

лишены представители «богатого Севера», истерзанные материальными страхами, внутренним самоотчуждением.

Единственным активным Северным центром, местом силы, откуда могли идти геополитические сакральные инициативы – осталась «срединная земля» с Тибетом в роли центра. «Срединная Земля - это «географическая ось истории» - «континентальное пространство, не подверженное влиянию вооруженных сил и морских держав». Эту континентальную массу Макиндер¹ называл «Хартлэнд». «История отныне пронизана постоянными диалектическими столкновениями между сушей и морем. На море, то есть на 3/4 поверхности нашей планеты, господствуют мореплаватели, тогда как суша, 1/4 планеты, является родиной степных наездников. Две доминирующих фигуры, моряк и всадник, викинг и монгол, находятся в постоянном движении, в которое их приводит неисчерпаемая динамика»².

Географическую ось истории - Центр Вращения образуют Россия, Урал, Западная Сибирь, Казахстан, Синьцзян и Монголия. Сердцем же оси истории является Тибет.

Немец Карл Шмитт (1888-1985), известный юрист, политик, философ и историк находился под влиянием идей сакральной географии. Шмитт вывел концепцию «номоса», под которым он понимал форму организации бытия, которая устанавливает наиболее гармоничные соотношения как внутри социального ансамбля, так и между этими ансамблями. В книге «Номос Земли» Шмитт показал, каким образом специфика того или иного земного пространства влияла на развивавшиеся в ней культуры и государства. Он сопоставил

¹ Сэр Хэлфорд Дж. Макиндер (1861-1947) ярчайшая фигура среди геополитиков. Разработал свою главную идею в 1904 г. в короткой статье, озаглавленной «Географическая ось истории». Под этим термином он понимал континентальное пространство, «хартлэнд» (букв. «сердечная»), защищенную от истории, которая сотрясает весь остальной мир. История, с точки зрения Макиндера, пронизана постоянными диалектическими столкновениями между сушей и морем, между гигантской континентальной массой, образованной Европой, Африкой и Азией, и океанской массой, где господствуют морские англосаксонские державы. Континентальная масса имеет «середину», образованную Россией, Уралом, Западной Сибирью, Казахстаном, Монголией.

² *Стойкерс Р.* Теоретическая панорама геополитики // *Элементы. Геополитические тетради.* – 1992. - № 1. – С. 5-6.

между собой различные исторические «номосы», особенно подчеркивая дуализм между отношением к пространству кочевников и оседлых народов.

Но самый важный вывод из анализа «номоса земли» заключается в том, что Шмитт вплотную подошел к понятию глобального исторического противостояния между цивилизациями Суши и Моря. При этом, как и в сакральной Традиции, Шмитт связывает Сушу с историей «традиционного общества», со строгой и устойчивой формой, а море с постоянным изменением. «Номос» моря влечет за собой глобальную трансформацию сознания. Социальные, юридические и этические нормативы становятся «текучими». Так родилась новая цивилизация. Новое время и технический рывок, открывшие эру индустриализации, обязаны своим существованием геополитическому феномену – переходу человечества к «номосу» моря. «Достаточно посмотреть на глобус и увидеть, что то, что мы сегодня называем Востоком - это огромные континентальные массы суши. Для сравнения: огромные пространства западного полушария покрыты великими планетарными морями, Атлантическим и Тихим океанами. Так не скрывается ли за противостоянием Востока и Запада противостояние между континентальными и морскими мирами, противоположности земного и морского начал ?

В определенные моменты крайнего напряжения, история человечества интенсифицируется через прямое противопоставление этих начал. Что же сегодня ? «Равновесие нарушено»¹. Так геополитическое противостояние англосаксонского мира «внешнего полумесяца» приобрело у Шмитта социально-политическую дефиницию. «Номос» моря есть реальность, враждебная традиционному обществу. «Предположение подтверждает актуальность вопроса о новом «номосе» Земли»².

По Шмитту, развитие «номоса» Земли должно привести к появлению Государства-континента, так называемого «большого пространства». Этапы движения к Государству-Континенту проходят от городов-государств через

¹ Шмитт К. Новый «номос» Земли // Элементы. Геополитические тетради. – 1993. - № 3. – С. 29.

² Там же.

государства территории. Появление сухопутного Государства-континента является исторической и геополитической необходимостью, для того чтобы противостоять «номосу» моря. «большое пространство», организованное в гибкую политическую структуру имперско-федерального типа должно компенсировать многообразие национальных, этнических и государственных волеизъявлений на территории Евразии, служить регулятором возможных локальных конфликтов.

В отличие от унифицированной пангерманистской модели Гитлера и от советского интернационализма «Большое Пространство» Шмитта основывается на культурном и этническом плюрализме, на широкой автономии, ограниченной лишь стратегическим централизмом и тотальной лояльностью к высшей властной инстанции. При этом Шмитт подчеркивал, что такого рода объединение должно произойти, чтобы «Бегемот» (Силы Суши) могли противостоять «Левиафану» (Силы Моря). Правда перспективы создания такого объединения зависят от политической воли, распознающей историческую необходимость такого геополитического шага.

Если Шмитт говорил о необходимости создания Евразийского «большого пространства» в противовес силам «Внешнего полумесяца», то Карл Хаусхофер (1869-1946), доктор Мюнхенского университета, создал конкретный проект создания «континентального блока» по оси Берлин-Москва-Токио, для того, чтобы «Бедный Север» евразийского Востока вместе с «Бедным Югом» простирающимся по окружности всей планеты, могли сконцентрировать свои силы в борьбе против «богатого Севера», атлантического Запада, после чего должно произойти утверждение Сакрального управления Севера.

В таком блоке ничего случайного не было - это был адекватный ответ на стратегию «Богатого Севера», который не скрывал, что самой большой опасностью для него было бы создание аналогичного евразийского альянса. Хаусхофер писал в статье «Континентальный блок»: «Евразию невозможно задушить, пока два самых крупных ее народа – немцы и русские всячески

стремятся избежать междоусобного конфликта, подобного Крымской войне или 1914 году: это аксиома европейской политики»¹.

Эту мысль Хаусхофер проводил в своих статьях и книгах. Эта линия получила название – «ориентация на Восток», поскольку предполагала самоидентификации Германии, ее народа и культуры как западного продолжения евразийской, азиатской традиции. Следует отметить, что концепция «открытости Востоку» у Хаусхофера совсем не означала «оккупацию славянских земель». Речь шла о совместном цивилизационном усилии двух континентальных держав - России и Германии, которые должны были установить «Новый Евразийский Порядок»².

В своей статье «Континентальный блок: Берлин-Москва-Токио» Хаусхофер писал: «Нет сомнения, что наиболее грандиозный и важным событием в современной мировой политике является перспектива образования могущественного континентального блока, который объединил бы Европу с Севером и Востоком Азии.

Но проекты такого масштаба не рождаются лишь в голове у того или иного государственного деятеля, будь он столь же велик, как обладавшая способностью перевоплощаться знаменитая греческая богиня войны. Осведомленные люди знают, что такие планы готовятся в течение долгого времени... Я предпринимаю систематические исследования этого вопроса, позволявшие мне постоянно следить (подчас непосредственно присутствуя при образовании этих политических объединений) за кузницей судьбы, а иногда вносить в нее свой скромный вклад»³.

Исходя из этой концепции, Хаусхофер тайно рекомендовал известный германо-советский пакт, заключенный в августе 1939 г. Он развил свою теорию и приблизительно через год предложил план большого континентального евразийского союза, объединив в него Испанию Франко, Италию, Фран-

¹ Цит. по: *Дугин А.* Основы геополитики. – М., 1997. – С. 72.

² Термин «Новый Порядок» впервые был употреблен не нацистами, как считает большинство, а японцами.

³ *Хаусхофер К.* Континентальный блок: Берлин-Москва-Токио // *Элементы.* – 1996. - № 7. – С. 32.

цию Виши, Германию, Россию и Японию против Британской Империи. В ноябре этот проект был представлен Молотову и Сталину, которые его проигнорировали, не дав никакого ответа. Стремясь к завершению этого большого континентального объединения, Хаусхофер всегда поддерживал движение за независимость индусских, арабских стран, персов и т.д. надеясь «сбросить оковы, надетые британским империализмом на евроазиатское побережье»¹. Он писал: «С первых минут после обнародования советско-германского пакта о ненападении мы наблюдаем чрезвычайный переворот в индийском общественном мнении. До этого англо-индийские газеты были наполнены фразеологией на тему укрепления демократии во всем мире; именно ради этого должна была существовать Индия. Но стоило только возникнуть грандиозному проекту, призраку европейской континентальной политики, как это мнение, подобно резкому изменению погоды, полностью переменялось. Теперь индийцы полагают, что Советский Союз, безусловно, но мог бы причинить значительные неприятности в Индии - для этого ему будет достаточно вмешаться и переправить свои армии через перевалы.

Грандиозное и столь ослепительное во всей полноте эффектов зрелище евроазиатской континентальной политики подготавливалось по отдельности многими людьми. Оно было не случайным броском в неизвестность, но сознательным исполнением великой необходимости»².

Итак, на короткий момент действия пакта Риббентропа-Молотова, великий евразийский проект Хаусхофера, казалось, становится реальностью. Это могло дать колоссальные планетарные результаты. Запад был бы обречен. Народы мира были бы освобождены от гнета капитализма и империалистической эксплуатации. Возникла бы новая уникальная цивилизация...

Но вторжение войск Гитлера в Советский Союз разрушило великий проект, доказав очередной раз, что Гитлер не мог оторваться от европейской

¹ *Стойкерс Р.* Теоретическая панорама геополитики // Элементы. Геополитические тетради. – 1992. - № 1. – С. 7.

² *Хаусхофер К.* Континентальный блок: Берлин-Москва-Токио // Элементы. – 1996. - № 7. – С. 36.

традиции, национал-социалистический расизм входил в прямое противоречие с сакральной географией, и неявно подталкивал немцев к талассократической стратегии.

Карл Хаусхофер был вынужден подстраивать свои теории под политическую конкретику, происходили его контакты в высших сферах Англии, был заключен пакт Антикоминтерна, т.е. создание оси Берлин-Рим-Токио. Хаусхофер внешне приветствовал его, силясь представить его предварительным шагом на пути создания полноценного «евразийского блока». Он не мог не понимать, что антикоммунистическая направленность этого союза и появление вместо центра (Москвы) полуостровной второстепенной державы, есть противоречивая карикатура на «континентальный блок».

Победила пангерманская концепция. Началось охлаждение Гитлера к Хаусхоферу хотя до этого он благоволил к нему, видимо сказалась протекция друга Гесса. В 1944 году же, его почти считали «врагом народа», так как его сын Альбрехт участвовал в покушении на Гитлера 20 июля 1944 г., и был казнен. Несмотря на подобную двусмысленность положения Карла Хаусхофера, он был причислен союзниками к «видным нацистам». Не выдержав стольких ударов судьбы и крушения всех надежд Карл Хаусхофер вместе со своей женой Мартой совершили самоубийство в 1946 году.

Таким образом, поражение Германии во II Мировой войне было концом не только национал-социализма, который искажил вправо консервативно-революционную идеологию, но и поражением всей идеологии Третьего Пути, так как победители - и левые и правые - на нюансы внимания не обращали.

Петр Николаевич Савицкий –

идеолог теллурократической доктрины Евразийского господства

Период с 1917 по 1928 г. был временем мучительного поиска Россией своего места в мировой цивилизации. Втянутая в войну страна не смогла решить стоящие перед ней модернизационные задачи. Более того, война породила новые противоречия. Усиливающаяся экономическая разруха, угроза

голода, миллионные жертвы, вызванные войной, серьезные изменения в психологическом настроении общества приблизили страну к революционному взрыву в феврале 1917 г.

В отличие от первой русской революции 1905 г., в 1917 году самодержавию не удалось «переломить ситуацию» в свою сторону, не удержали власть и либералы.

Захват власти большевиками в октябре 1917 г., породил не только Гражданскую войну, индустриализацию, коллективизацию и всю череду событий советской истории, известным нам по учебникам. Такой резкий поворот в истории, который явился следствием ускоренной модернизации, ускоренного развития и всех последствий насилия государства «сверху», помог осознать что Россия имеет свой, совсем непохожий на другие страны путь развития. И альтернативой буржуазному государству была не только монархия и советское государство большевиков, но и нечто третье -Идеократия.

Евразийство - это идеологическое течение, представители которого предлагали для России Третий Путь, Консервативную Революцию. Евразийцев называли иногда «славянофильскими футуристами», поскольку они сочетали традиционализм и даже архаизм со стремлением к удовлетворению народной потребности в социальной справедливости, к некапиталистическому и даже, возможно, социалистическому пути развития. Евразийцы мечтали об особом идеократическом государстве, «особом мире». «...Не между чересчур конкретным народом и чересчур отвлеченным человечеством лежит понятие «особого мира». Совокупность народов, населяющих хозяйственно-самодовлеющее (автаркическое) месторазвитие и связанных друг с другом не расой, а общностью исторической судьбы- вот то целое, которое отвечает вышеуказанному требованию. Это не есть биологическая единица. Забота с благо этого целого не есть расширенное своекорыстие,-ибо, поскольку данное развитие автаркично, благо всех населяющих его народов не наносит ущерба никаким другим человеческим коллективам. А в то же время такое целое не есть расплывчатая, безликая масса, подобная «человечеству».

Из этого следует, что территория подлинно идеократического государства должна совпадать с каким-либо автаркическим особым миром. Только при автаркии государство может гарантировать себя от вмешательства иностранного капитала.

При идеократическом строе должны будут исчезнуть последние остатки индивидуализма, и человек будет осознавать не только себя, но и свой класс, свой народ как выполняющую определенную функцию часть органического целого, объединенного в государстве»¹. Таким образом, под идеократией евразийцы понимали форму недемократического, нелиберального правления, основанную на нематериалистических мотивациях. Такого рода форма могла воплотиться и в теократической соборности, и в народной монархии, и в национальной диктатуре.

К сожалению, евразийцы не смогли создать целостной программы переустройства России, их проекты во многом носили утопический характер. Находясь в эмиграции, евразийцы были лишены возможности активно участвовать в политической жизни России, и поэтому русский Третий Путь фактически раскололся на национал-большевиков, увидевших в сталинизме определенный поворот к народно-имперской стихии (Среди них можно назвать Эфрона и Карсавина, которые открыто сотрудничали с СССР), и национал-социалистов, солидаризовавшихся с немцами в надежде осуществить на русских землях, после предполагаемого поражения советской России в войне, вариант русского национал-социализма. Некоторые евразийцы, такие как Трубецкой и Флоровский, в конце концов, оставили политику и геополитику и углубились в исследование Третьего Пути исключительно в богословской сфере.

Однако, возвращаясь к актуальным теориям евразийцев, необходимо затронуть творчество Петра Николаевича Савицкого (1895-1968), в наибольшей степени из всех евразийцев интересовавшегося геополитикой.

¹ Трубецкой Н. С. Об идее – правительнице идеократического государства // Элементы. – 1993. - № 4. – С. 22.

Савицкий был экономистом, учеником В.Вернадского и П.Струве. После революции эмигрировал в Болгарию, затем переехал в Чехословакию. В 1921 г. вместе с князем Н.С. Трубецким возглавил евразийское движение, в котором геополитические факторы играли центральную роль.

Концепции Савицкого необычайно близки к концепциям немецких консервативных революционеров. Такая же верность истокам с творческим прорывом в будущее, укорененность в русской национальной традиции с социальным модернизмом, техническим развитием и политикой нетрадиционных форм. Однако, все же Савицкий выражает самую законченную версию континентализма, выражая самую радикальную позицию «номоса» Суши, теллуократии. Это связано с тем, что Россия абсолютно «средина», в то время как геополитическое положение Германии -двойственно; геополитикам приходилось выбирать между юго-западной, славянофобской, католической, в некоторых аспектах «талассократической» буржуазной Германией и северо-восточной германо-славянской, социалистической, русофильской, протестантской Пруссией. Шмитт и Хаусхофер сделали выбор в сторону России, однако славянофоб А. Гитлер повел страну в другом направлении, что и привело к кошмарному поражению.

Савицкому же не приходилось делать выбора, он ясно осознавал, что Россия теллуократическое государство, и в силу культурных традиций, и в силу географического положения. В статье «Географические и геополитические основы евразийства» он писал: «Россия имеет гораздо больше оснований, чем Китай называться «Срединным государством» («Чжун-го», по-китайски). И чем дальше будет идти время - тем далее будут проясняться эти основания. Европа для России есть не более, чем полуостров Старого материка, лежащий к западу от ее границ. Сама Россия в этом материке занимает основное его пространство, его торс»¹. В силу того, что Россия занимает такое положение, Савицкий считал, что не следует считать ее и продолжением

¹ Савицкий П. Географические и геополитические основы евразийства // Элементы. – 1993. - № 3. – С. 51.

Европы, и Азии. Это самостоятельный мир. Это хартлэнд - сердце планеты, издревле сакральная территория планеты. Сакральная география всегда характеризовала Центр как точку северную, что практически соответствует местоположению России. Недаром Савицкий утверждал, что Россия-Евразия и есть синтез мировой культуры и мировой истории, развернутый в пространстве и времени. Он писал: «Своеобразная, предельно четкая и в то же время простая географическая структура России-Евразии связывается с рядом важнейших геополитических обстоятельств. Природа евразийского мира минимально благоприятна для разного рода «сепаратизмов» - будь то политических, культурных или экономических. «Мозаически-дробное» строение Европы и Азии содействует возникновению небольших замкнутых, обособленных мирков». И далее: «В Европе и Азии временами бывало возможно жить только интересами своей колокольни. В Евразии, если это и удастся, то в историческом смысле на чрезвычайно короткий срок»¹.

Исходя из принципа «цельности», «соборности», «всеединства», Савицкий приходит к отрицанию конкретных расовых, религиозных, культурных, языковых и идеологических проблем. Все они надуманы, т.к. Россия-Евразия всегда носила синтетический характер, и в этом ее сила; а основополагающим принципом равновесия признается «месторазвитие». «Россия-Евразия» есть «месторазвитие», «единое целое», «географический индивидуум», - одновременно географический, этнический, хозяйственный, исторический и т.д. и т.п. «ландшафт»². Лишь синтез, равновесие двух позиций дают России равновесие, так было на протяжении многих веков истории. «Недаром над Евразией веет дух своеобразного «братства народов», имеющий свои корни в вековых соприкосновениях и культурных слияниях народов различных рас - от германской (крымские готы) и славянской - до тунгусско-маньчжурской через звенья финских, турецких, монгольских народов. Это

¹ Савицкий П. Географические и геополитические основы евразийства // Элементы. – 1993. - № 3. – С. 53.

² См. подробнее: Савицкий П.Н. Географический обзор России – Евразии // Мир России-Евразия. – М., 1926. – С. 219-232.

«братство» выражается в том, что здесь легко просыпается воля к общему делу. История Евразии, от первых своих глав до последних, есть сплошное тому доказательство»¹. Все проблемы России - это лишь следствие нарушения равновесия: в XIX и начале XX вв. традиции были по временам замутнены нарочитым «западничеством», которое требовало от русских, чтобы они ощущали себя «европейцами» (каковыми на самом деле они не были) и относились к другим евразийским народам, как «азиатам» и «низшей расе». Такая трактовка не приводила Россию ни к чему, кроме бедствий». Для того, чтобы преодолеть проблемы предлагалось следующее: «Необходим синтез. Необходимо умение сразу смотреть на социально-историческую среду и на занятую ею территорию». При этом, «современная Россия должна решительно и бесповоротно отказаться от прежних методов объединения, принадлежащих изжитой и преодоленной эпохе методов усилия и войны. В современный период дело идет о путях культурного творчества, о вдохновении, озарении, сотрудничестве»².

Однако мало объединить территории, необходимо создание особого евразийского государства, выразителя идей. Россия как центр, прежде всего духовного развития, должна была по мысли Савицкого противостоять миру талассократических государств, миру в котором размывались и размываются этические и юридические нормы, миру индивидуализма и предпринимательства. Для этого предполагалось создание государства идеократического государства, которое должно было строиться, отправляясь от изначального духовного импульса, сверху вниз. Вся структура государства должна была соизмеряться в согласии с априорной Идеей, и во главе этой структуры должен стоять особый класс «духовных вождей».

Третий Путь не был выбран Россией, хотя большевиками был предпринят ряд шагов, которые вызывали симпатию у евразийцев. «Большевики к настоящему моменту, к середине 1921 г., действительно «собрали» Россию.

¹ Савицкий П. Географические и геополитические основы евразийства // Элементы. – 1993. - № 3. – С. 54.

² Там же.

«Невоссоединенными» остались не более 1/10 территории и 1/5 населения бывшей Империи. Говорить в этих обстоятельствах о «расчленении» России является прямым недоразумением»¹. Именно поэтому, евразийцы не принадлежали к «белому» движению, то есть их не следует к ним относить, так как не стремились к разрушению строя большевиков, ради того, чтобы добраться до власти; выше были интересы России. Савицкий ясно осознавал, что нет еще силы, которая могла бы воплотить их замыслы в жизнь. «Те, кто желают падения большевиков во что бы те ни стало, могут, конечно, надеяться и верить, что кто-то придет, кто-то все устроит. Но такая вера не является обязательной для всякого национально мыслящего. Она станет таковою, если этот «кто-то» придет, но не раньше»².

Объективный анализ исторической действительности привел к тому, что большинство евразийцев позитивно относилось к Советскому государству. Савицкий же, после взятия советскими войсками Праги в 1945 г., был арестован и осужден на 10 лет лагерей. В 1956 г. он был реабилитирован.

В наше время в России бесспорно происходит возрождение интереса к различным политическим идеям. Беспристрастный анализ политических идеологий является насущной необходимостью, так как Россия занята сейчас поиском своего исторического места в мировом пространстве. Это обязывает очередной раз проанализировать не только объективные условия сегодняшнего существования, для того, чтобы действовать в соответствии только с минутными потребностями, но прежде всего, исторические задачи развития нашего государства в геополитическом пространстве.

Такого рода задачи ставились перед государством уже не раз, что позволяет обратиться к опыту прошлого.

Черeda революций в Европе в начале XX в., которая явилась следствием ускоренной модернизации в России, Германии и других государствах, поставила ряд стран перед выбором - куда идти. Страх перед застарелым про-

¹ Савицкий П. Н. Еще о национал-большевизме (Письмо П. Струве) // Элементы. – 1994. - № 4. – С. 20.

² Там же. – С. 21.

шлым и пугающим будущим, заставлял искать некий Третий Путь, который бы спас от пугающего капитализма, и, тем не менее, дал мощь государствам. Геополитики России и Германии видели выход в абсолютизации сакрального принципа противостояния Суши и Моря, теллуократических и талассократических государств. Немецкие исследователи Хаусхофер, Шмитт отождествляли Германию с осью Суши, стремились создать из Германии «Большое Пространство», которое должно противостоять англосаксонской талассократии. Эти авторы мыслили будущее Германии только в стратегической интеграции с евразийской Россией.

Русские же евразийцы сконструировали законченную версию континентализма, выражая самую радикальную позицию «номоса» Суши, теллуократии, идеократической цивилизации.

Идеи Третьего Пути практически не были приняты во внимание, что, вероятно, и предопределило расплату. Так, Германия на полвека выпала из истории, потерпев поражение во II Мировой войне. Советские же руководители с легкостью разрушили гигантский евразийский организм, развалив СССР, что без боя и сопротивления привело к практически к такой же ситуации, как в послевоенной Германии, а именно, сокращению пространства, разрушению экономики, социальной сферы.

Возможно, что анализ геополитических задач современной России, изучение идей мыслителей Консервативной Революции, поможет в итоге понять, что Россия имеет собственную задачу развития, которую она не может заимствовать ни у Запада, ни у Востока. Россия - это Евразия, это синтез лучшего с сохранением духовного начала общества.

Линькова Е.В.

ИСТОКИ ЕВРАЗИЙСТВА В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Ф. И. ТЮТЧЕВА

В самовозрастании культурно-мировоззренческого понятия «Русская идея» исследователи выделяют несколько этапов, зачастую соответствующих подъему национального самосознания народа. **К истокам национального духа**

можно отнести такие произведения, как «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, «Слово о полку Игореве», «Сказание о князьях Владимирских». Такие события, как Куликовская битва, Отечественная война 1812 года являются знаковыми в становлении «Русской идеи». К «Русской идее», ее особенностям и смыслу обращаются философы и общественно-политические деятели России на протяжении XIX в. В наследии западников и славянофилов, отечественных консервативных и либеральных мыслителей, велся горячий спор о сущности российской цивилизации, о роли и месте России в мире, об особой миссии и национальной идентичности. Сущность понятия «Русская идея», его становление, эволюцию, пытались проследить и мыслители XX столетия, в частности, представители такого направления русской историософии, как евразийцы. Представители евразийства (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Л.Н. Гумилев и др.) определяли Россию, как цивилизацию не относящуюся ни к Европе, ни к Азии. По мысли евразийцев, Россия – самобытное государство, со своим специфическим государственным строем, общественными отношениями и т.д. Важный элемент в доктрине евразийства – это противопоставление России западноевропейским странам, русской идеи государственности и власти – западноевропейским политическим институтам и ценностям.

Однако подобные мысли, высказанные евразийцами в XX столетии, имеют довольно давнюю историософскую традицию. Идеи «особости» России, несхожести моделей западноевропейского и российского развития, можно встретить у таких представителей отечественной философии XIX в., как славянофилы и почвенники. А одним из первых мыслителей, обратившихся к вопросу русской самобытности и создавших глубокую историософскую концепцию развития России, был Федор Иванович Тютчев. Именно он, поэт, дипломат, русский общественный и государственный деятель, в 1840-х – начале 1870-х гг. предложил общественно-политическую и геополитическую доктрину, в которой четко обозначил сущностные особенности российской цивилизации, определил место и роль России в мировой истории. Во многом,

тютчевские идеи легли в основу и были дополнены и развиты евразийцами уже в XX столетии. Ф.И. Тютчев развил и конкретизировал идеи Н.М. Карамзина, создал не только теоретическую формулу, но и умонастроение, влиявшие на становление мировоззрения таких мыслителей и общественных деятелей России как К. Леонтьев. Н. Данилевский. Ф. Достоевский. П. Валуев. К. Победоносцев и др. Идеиные установки Ф.И. Тютчева были основаны на глубоком переосмыслении исторического пути России, его духовно-нравственных ценностей, национальных интересов и ориентиров. Именно сохранение и развитие национальных начал в сфере государственного строительства, общественных отношений, внешнеполитического курса являлось для мыслителя залогом процветания России.

Для Ф.И. Тютчева проблема цивилизационной самоидентификации России, ее роли в мировом историческом процессе стала едва ли не преобладающей во всех его историософских и геополитических построениях.

Согласно историософским воззрениям Ф.И. Тютчева, Россия не принадлежала ни Востоку, ни Западу. Россия – это некая третья сила, которая во многом не вписывается в ход мировой истории в европейском понимании этого процесса. Различие между Россией и Западом происходит как в области веры, так и в сфере самого жизненного и государственного устройства, духовных и моральных ценностей. Ф.И. Тютчев был не склонен сводить все различие между Россией и Западной Европой только к догматическим разногласиям между католичеством и протестантизмом, с одной стороны, и православием, с другой. Он указывал, что различие это намного глубже. Поэт полагал, что историческое призвание и судьба России отличны от судеб Запада. Россия несет в мир торжество права и историческую законность, тогда как Европа – Революцию. Революция, по мнению Ф.И. Тютчева, – «враг христианства»¹, и только Россия остается в XIX в. практически единственной страной, которая пытается жить «с Богом», сохранять высшую божественную ле-

¹ Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма. В 6-ти томах. - М., 2000-2005. - Т. 3. - С. 144.

гитимность верховной власти в самодержавии и духовные традиции византийского христианства, не растерять свою идентичность как восточной державы, опирающейся на религиозно-нравственный фундамент Православия. По его мнению, государственное будущее и мировое призвание России зависят именно от действенного сохранения и полноты осознания православной основы ее исторического бытия. Ф.И. Тютчев писал, что, по Божественному Промыслу, Восточная Церковь, настолько соединилась с особенностями государственного строя и внутренней жизнью общества, что стала высшим выражением духа нации, «синонимом России», «священным именем Империи», «нашим прошедшим, настоящим и будущим»¹.

Размышляя о «другой» – Восточной Европе, Тютчев отмечает, что Россия служит ее стержнем, а с другими славянскими народами ее связывают духовно-исторические корни. Россия для Ф.И. Тютчева – основа Восточной Европы, которая являет собой особый мир, единый по своему духовному началу, живущий своей собственной, самобытной жизнью: «Пора самым решительным образом предъявить Западной Европе, что есть и Восточная и что имя ей – все та же проклятая Россия, с давних пор столь подозрительно ненавистная всему цивилизованному миру!...»². Ф.И. Тютчев не противопоставлял Россию Западной Европе. Он подчеркивал, что Россия – это и есть Европа, но Европа Восточная, имеющая свое историческое право на существование и на достойную роль в международной политике. В качестве исторической задачи им обосновывалась необходимость создания новой Европы – Восточной, основанной на ценностях православной цивилизации. «Лозунг завтрашнего дня – это возрождение Восточной Европы, и пора бы нашей печати усвоить себе это слово: Восточная Европа как определенный политический термин»³, – писал Ф.И. Тютчев в 1868 г.

В статье «Россия и Германия» Ф.И. Тютчев поставил вопрос о восстановлении исторических прав Восточной Европы – России, а позднее, в по-

¹ Там же. - С. 135, 137.

² *Тютчев Ф.И.* Указ. соч. Т. 6. - С. 351.

³ Там же. - С. 342.

слании императору Николаю I четко определил задачи и приоритеты России: «Западная Европа еще не была создана, когда мы уже существовали, и существовали, без сомнения, со славой. Все различие в том, что тогда мы назывались Восточной Империей, Восточной Церковью; мы и сегодня то же, что были тогда»¹. В своих трактатах Ф.И. Тютчев обозначил роль и место России в мировой цивилизации, называя ее Восточной Европой в противовес Европе Западной, т.е. Европу Петра Великого он противопоставил Европе Карла Великого, а славянские народы Ф.И. Тютчев видел составной частью Восточной Империи, главой которой являлась Россия. Более того, он не отделял славян от России и Восточная Империя для него – «это Россия в полном и окончательном виде»².

Эти мысли Ф.И. Тютчева получили свое развитие в стихотворении «День православного Востока», где сопоставляются, хотя и не отождествляясь три понятия: Православный Восток, Россия и Святая Русь. Святая Русь у Ф.И. Тютчева, в отличие от славянофильских построений, представляет собой не потерянный рай или утопию будущего, а существующую реальность, географически совпадающую с Российской Империей, а еще точнее – отражающую сферу интересов России во всей Европе. У мыслителя сложилось своеобразное разделение мира на Россию и Западную Европу. По мнению П.А. Будина, исследовавшего с историософской точки зрения это стихотворение, парадигма Ф.И. Тютчева создала непреодолимый конфликт между Россией и Западом, конфликт не только политический, но, как писал П.А. Будин, экзистенциальный.

Концепция Ф.И. Тютчева, отражающая взаимосвязи России и Запада, базировалась на глубоком изучении исторических взаимоотношений России и западного мира, на исследовании противоречий и точек соприкосновения этих двух цивилизаций. Тема России и Запада становится чуть ли не доминирующей в публицистике Ф.И. Тютчева (этой проблеме посвящены стихотво-

¹ Докладная записка императору Николаю I // Новое литературное обозрение. – 1992. - № 1. - С. 104.

² Тютчев Ф.И. Указ. соч. Т. 3. - С. 196.

рения, многочисленные письма, а также политические статьи 1840-х гг.)¹, что можно объяснить и его профессиональной деятельностью, и исторической обстановкой того периода, и противоречивой внешней политикой российского правительства, отношением общественного мнения Европы к России. Поэт, обращаясь к теме «Россия-Запад», пытался решить проблему столкновения европейской культуры и русских национальных традиций, которая ставилась перед российским обществом на протяжении веков. Ф.И. Тютчев стремился понять, а возможно ли мирное сосуществование этих двух цивилизаций, и будет ли целесообразным перенесение на русскую почву западно-европейских традиций. Говоря о взаимосвязях западного мира и России, мыслитель обратился к истории западной и российской цивилизации, и еще глубже – к истории Рима и Византии, преемницей которой являлась Россия. Эти две цивилизации, по его мнению, различаются в своих главных составляющих: в религии, в форме государственного устройства, в специфических чертах народов.

Венцом геополитической концепции Ф.И. Тютчева 1840-х гг. можно назвать две идеи, которые он ставил перед Россией и Западом: «1) окончательное образование великой Православной Империи, законной Империи Востока – одним словом, России ближайшего будущего, – осуществленное поглощением Австрии и возвращением Константинополя (в переписке и публицистических статьях Ф.И. Тютчева нередко возникает тема исполнения пророчества, согласно которому Константинополь, завоеванный турками в 1453 г., будет освобожден через четыре века. Это пророчество обсуждалось в западноевропейской и петербургской прессе и в светском обществе. Первоначально годом освобождения Константинополя назывался 1852 г., который, по мысли Ф.И. Тютчева, «всплывает как розовый листок над этим всемирным водоворотом»².); 2) объединение Восточной и Западной Церквей»³. Таким образом, Ф.И. Тютчев предполагал кардинальное изменение мира как в

¹ См.: *Тютчев Ф.И.* Полное собрание сочинений. Письма. В 6-ти томах. - М., 2002-2005.

² *Тютчев Ф.И.* Указ. соч. Т. 5. - С. 110.

³ Там же. - С. 201.

светской, так и в духовной сферах. Он полагал, что помощь, оказанная Россией Австрии в 1848 г., в скором времени приведет к ликвидации Австрийской империи и к ее полному поглощению Россией. Следствием распада Австрийской, а затем и Османской империй, по Ф.И. Тютчеву, должно было стать создание «славянской» империи под покровительством России. По его мысли, России, как законной наследнице Византийской империи, предстоит присоединить к себе земли, входившие прежде в состав Священной Римской империи, принадлежавшие немцам, но населенные славянами. При этом Ф.И. Тютчев даже определил границы этого всеславянского царства в стихотворении «Русская география» (1848 г.):

Семь внутренних морей и семь великих рек ...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная ...
Вот царство русское ...¹

Он заявлял о необходимости создания Великой Греко-Православной империи, объединяющей не только славян, но и все православные народы. Будущее славянского мира подчас рисуется Ф.И. Тютчевым в мифологической и аллегорической форме, особенно это характерно для его поэтических произведений.

В общественно-политической концепции Ф.И. Тютчева можно выделить ряд ключевых аспектов, которые, по сути, составляют основы русской государственности в мировоззрении мыслителя. Это симфония светской и духовной властей, православная духовно-нравственная традиция, стремление к соборности. Идеалом Ф.И. Тютчева стало сильное государство – Империя, в котором обязательным принципом является византийская формула симфонии властей: светской и духовной, т.е. гармония Государства и Церкви. Именно в православии мыслитель видел ту силу, которая способна сохранить

¹ Там же. Т. 1. - С. 200.

Россию как самодержавное государство, как Империю, получившую свою право на существования из рук Византии. Православные ценности в концепции Ф.И. Тютчева играют роль приоритетного элемента как в области государственного устройства, так и в общественных отношениях. Эти мысли прослеживаются не только в теоретических построениях поэта, но и в его лирике, посвященной проблемам поиска духовно-нравственных начал государственности и общественного устройства России: Растленье душ и пустота,

Что гложет ум и сердце ноет, -
Кто их излечит, кто прикроет?..
Ты, риза чистая Христа...¹

Для Ф.И. Тютчева Россия – это, прежде всего, христианская, православная Держава. Нужно отметить, что эта идея, отраженная в поэтических произведениях, публицистике и эпистолярном наследии мыслителя, вписывается в особую традицию религиозной и философской мысли, тип религиозного менталитета, который С.С. Хоружий справедливо называет «Восточнохристианским дискурсом». Этот философский процесс возникает как синтез патристике и аскетики (в форме православного исихазма), высшей формой которого является обожествление власти и ее носителя. Это выразилось в форме сакрализации Империи и Императора, а также в имперской идеологии, заимствованной из Византии.

Философ доказывал, что во внешнеполитическом курсе, как и во внутренних вопросах, Россия должна придерживаться византийского принципа Империи. «Венец и скипетр Византии»² заложили тот идеологический фундамент, на котором зародилось Русское государство, в византизме Ф.И. Тютчев видел и залог великого будущего России (в частности, эти мысли прослеживаются в следующих работах: «Записка», «Римский вопрос», «Россия и

¹ Тютчев Ф. И. Россия и Запад/ сост., вступ. статья, перевод и коммент. Б.Н. Тарасова. - М., 2007. - С. 139.

² Там же. - С. 163.

Запад», «Отрывок»¹, в переписке с И.С. Аксаковым, Э.Ф. Тютчевой, А.Ф. Тютчевой. А. М. Горчаковым и др.²).

Так, по мнению Ф.И. Тютчева, византизм, помимо базы для государственного строительства, является основой и внешней политики России. Византизм во внешнеполитическом курсе страны предусматривал соби́рание народов России в единое целое, где национальное, религиозное и все другие виды своеобразия, должны быть сохранены. Россия несет в себе великую историческую миссию создания максимально благоприятных условий для духовного и экономического развития всех славянских и православных народов.

Мыслитель стремился показать, что Россия не противостоит христианскому Западу, а является его «законной сестрой», хотя и живущей «своей собственной органической, самобытной жизнью»³. Ф.И. Тютчев называл Россию второй Европой, имеющей такое же право на существование, как и Западная Европа. Россия, переняв традиции, религию и идеологию Византии, возложила на себя обязанности защиты православного мира, в том числе и от римской католической церкви. Ф.И. Тютчев предлагал образовать великую православную Империю, законную Империю Востока, а также воссоединить две церкви – восточную и западную под эгидой православного императора. «Православный император в Константинополе, повелитель и покровитель Италии и Рима, православный папа в Риме, подданный императора»⁴. Россия – законная наследница традиций византийской государственности, а, значит, и носительница имперского идеала, должна взять на себя роль мировой цивилизации, полагал мыслитель. «В этом пункте Тютчев одним из первых в русской историософии пришел к идее о смене цивилизаций, став прямым предшественником Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, а впоследствии и

¹ Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма. В 6-ти томах. - М., 2002-2005. - Т. 3-6.

² Тютчев Ф.И. ПСС..... Т. 4-6.

³ Тютчев Ф.И. Россия и Германия. – В кн.: Русская идея. - М., 1992. - С. 96.

⁴ Цит. по: Цымбурский В.Л. Тютчев как геополитик // Общественные науки и современность. - 1995. - № 6. - С. 92.

евразийцев»¹. Тютчевская историософия явилась прообразом философских построений многих мыслителей более позднего периода: Н.Я. Данилевского, Ф.М. Достоевского, К.Н. Леонтьева, а затем и В.С. Соловьева с его теократическо-вселенско-имперскими планами. Она не утратила своей актуальности и для С.Н. Булгакова в 1918-1923 гг.: участники диалога «На пиру богов», вошедшего в 1918 г. в сборник «Из глубины», размышляли о русском Царьграде, предсказанном Ф.И. Тютчевым.

Мосейкина М.Н.

С.Г. ПУШКАРЕВ И ЕВРАЗИЙСТВО

Классическое евразийство сформировалось в начале 20-х гг. XX в. как историософская концепция и общественно-политическое движение в среде русской эмиграции. Учение евразийцев носило комплексный, системный характер и предлагало неоднозначный, но заслуживающий внимания и изучения взгляд на процессы исторического и общественного развития в России.

В своих историософских трудах евразийцы выступали сторонниками мультилинейности всемирно-исторического процесса и отвергали идею единого направленного развития отдельных национальных культур. Именно история занимала ведущее место в творчестве этих мыслителей, хотя в основе доктрины евразийства лежал также научный опыт лингвистов, этнологов, философов. Основателями данного направления русской пореволюционной мысли были П. Савицкий, Н. Трубецкой, Г. Флоровский, П. Сувчинский. Спустя какое-то время к ним подключились новые интеллектуальные силы, и прежде всего юрист Н.Н. Алексеев, историки Г.В. Вернадский, философ Л.П. Карсавин и др.

В середине 1920-х гг. к евразийскому движению примкнул и историк Сергей Германович Пушкарев, оказавшийся в эмиграции в Праге, где в то

¹ Общественная мысль России XVIII - начала XIX века: Энциклопедия. - М., 2005. - С. 559.

время возникло Русское историческое общество при Правлении Союза Русских Академических Организаций за границей (в разные годы возглавляемое Е.Ф. Шмурло, А.А. Кизеветтером, А.В. Флоровским и др.), которое являлось объединением ученых, исключивших из своей программы события «вчерашнего дня, оценку которых трудно, почти невозможно вести в рамках спокойного, беспристрастного анализа». Членами общества были П.Н. Савицкий, Г. В. Вернадский, Г.В. Флоровский, С.Г. Пушкарев, которые одновременно принимали участие в евразийских симпозиумах и все стали ведущими учёными в своих отраслях. Все это были люди науки, и их попытки определить Евразию, её географическое и культурное положение и вытекающую из этого специфику выразились в разнообразных научных исследованиях.

Собственно приверженцев евразийского движения в Праге, по мнению С.Г. Пушкарева, было немного - тридцать-сорок человек. «Это были в большинстве своем воины Белой армии,- вспоминал историк, - озлобленные на Европу за то, что она недостаточно помогла Белому движению во время гражданской войны, а потом не только не оценила, но даже не заметила великую историческую заслугу Белой армии, которая своей трехлетней борьбой истощила военные и финансовые силы красной империи и не позволила Ленину превратить Европу в Европейский Союз Советских Социалистических республик, к чему он так страстно стремился и чего мог бы так легко достигнуть в 1919-20 гг.»¹.

С.Г. Пушкарев регулярно посещал собрания евразийского семинара под председательством Петра Николаевича Савицкого, ощущая живую личную симпатию «к этому талантливому и полному духовной жизни вождю евразийского движения». При этом, как признавал сам С.Г. Пушкарев, на собраниях евразийского семинара ему часто приходилось выступать против господствовавшей там преувеличенной враждебности к европейскому Западу, в связи с чем он с иронией заявлял, что "состоит при евразийской церкви на должности штатного еретика". В свою очередь, это не раз служило пово-

¹ *Пушкарев С.Г.* Воспоминания историка. 1905-1945 гг. - М., 1999. - С.92.

дом для обвинения ученого в том, что он сидит «между двух стульев», на что Пушкарев парировал:

«...Вы совершенно правы, я сижу между двух стульев. Но всех стульев-то не два, а три, вот вам направо (жест правой рукой) - Азия, налево (жест левой рукой) - Европа, а я сижу между ними, но не на пустом месте, а на своем собственном стуле, называемом Евразией»¹. В 1925-1926 г. в Праге активно продолжал работу евразийский семинар, в рамках которого поднимались вопросы поиска ценного в национальном, а также путей объединения («народ - органическое единство особей»). Деятельность евразийцев была направлена на создание единства, собора и соборности народов. В связи с этим важным направлением работы Пражской евразийской группы было налаживание связей с представителями эмиграции из России из числа нерусских национальностей, в той или иной степени проявивших свою близость или выразивших интерес к евразийству. Это была многочисленная и разнородная в политических симпатиях украинская эмиграция, калмыки, группы горских народов Кавказа, а также до некоторой степени специфические сообщества русской эмиграции - казаки и компактные землячества сибиряков.

На заседаниях евразийского семинара С.Г. Пушкарев выступал с докладами о жизни и творчестве Я.Д. Садовского, об историко-философских взглядах Константина Аксакова, о проблемах парламентаризма. Именно в это время по просьбе П.Н. Савицкого он написал статью «Россия и Европа в их историческом прошлом», напечатанную в 5-й книге «Евразийского Временника» за 1927 год, в которой историк выступал против взгляда на Русь XIII в. как на «сторожевой пост» по охране европейской цивилизации от монгольских завоевателей и утверждал, что с восточными соседями-кочевниками русский народ «мирно уживался гораздо легче, чем с соседями западными», и даже больше того — «татары защищали Россию от Европы»². Пушкарев утверждал в своих статьях, что общезначимых законов историче-

¹ Пушкарев С.Г. Воспоминания историка. 1905-1945 гг.- М., 1999.- С.92.

² Пушкарев С.Г. Россия и Европа в их историческом прошлом. Прага // Евразийский Временник. Кн.5.- Прага, 1927.

ского развития не существует, ибо история имеет дело с явлениями индивидуально-неповторимыми и качественно-своеобразными.

Фактором, определявшим ход исторического процесса, евразийцы считали духовное развитие в различных его проявлениях. Новый, альтернативный либеральному порядок, с их точки зрения, должна была основываться не на личности, а на некой «великой идее», пронизывающей все сферы жизни общества. Такая господствующая идея («идея правительница»), формирующая ценностную шкалу исторического бытия народа, существует в любой культуре. Ее потеря (как это было в случае с утратой царизмом сильной объединяющей идеи) ведет общество к хаосу (или революции). Иными словами, единство или распад государственной жизни обуславливается наличием или отсутствием таковой объединяющей идеи.

В Праге С.Г. Пушкарев тесно сблизился с Г.В. Вернадским, с которым бок о бок проработал до самой смерти ученого и с которым его объединяли некоторые общие вехи в ранней биографии. Оба будущих историка в стремлении к более широкому видению и пониманию картины исторического развития и глубинных оснований исторического процесса, а также ощущая потребность в философской подготовке (Пушкарев к тому времени испытал «искушение марксизмом»), обучались в Германии¹. Г. Вернадский в Фрейбургском университете прослушал курс философии истории крупнейшего представителя баденской школы неокантианства Г. Риккерта. С. Пушкарев посещал лекции на философских факультетах в Лейпцигском и Гейдельбергском университетах, где в то время обучался также «примкнувший к школе Риккерта» С. Гессен (будущий ведущий неокантианец России)². В период обучения в Лейпциге С.Г. Пушкарев публикует в «Современнике» статью о творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина. В ней он выступает с критикой жизни русского народа, выражает надежду на возрождение России, связав ее с появлением общественного слоя (в духе будущей идеологии евразийства),

¹ Магеровский Е.Л. Пророк, обернутый вспять: С.Г. Пушкарев. 1889-1984 // Записки Русской Академической группы в США - Т. XIX. - Нью-Йорк. 1986. - С.8.

² Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. - М., 1997. - С. 527.

представители которого отстаивают принципы свободы, развития и справедливости.

Н.А. Андреев называл П. Савицкого и С. Пушкарева ближайшими друзьями Г. Вернадского, которые были «причастны к идейным путям и историческим трудам Георгия Владимировича»¹.

Оценивая роль Вернадского в евразийском движении, С.Г. Пушкарев замечал, что историк не принимал никакого участия «в извилистой политике евразийских «вождей», но ему были близки их историко-философские взгляды, сводившиеся, вкратце, к тому, что Россия-Евразия не есть «самая отстающая страна Европы», долженствующая эмитировать «передовые» страны западной Европы, но есть мир своеобразной и самобытной культуры, конечно, воспринимающей влияния и с Востока, и с Запад»². Высказываясь по вопросу о своеобразии русского исторического процесса и критике его европоцентристской трактовки, Г.В. Вернадский еще в ранних, дореволюционных работах заявлял о своем стремлении «посмотреть на дело с другой стороны» и представить Русь «не как восточную окраину Европы, а как западную окраину Азии»³ (8). Тогда же историк заложил основы своих будущих изысканий в области взаимовлияния славянской и кочевых культур («лес» и «степь», усвоенные из терминологии С.М. Соловьева).

Позже импульс развитию мысли в этом направлении дало сотрудничество с Н.П. Кондаковым и М.И. Ростовцевым. Знакомство же с евразийцами и их работами подтолкнуло Г. Вернадского к систематизации и концептуализации опыта прежних исследований. Промежуточным результатом этого стала работа «Монгольское иго в русской истории» (1925), в которой ученый сформулировал свои идеи об основных факторах русской истории, обозначив невозможность ее изучения с позиции прежних европоцентристских концеп-

¹ Андреев Н. Г. В. Вернадский // Записки Русской Академической Группы. - Т.9 (1975). - Нью-Йорк.- С.193.

² Пушкарев С.Г. Памяти проф. Вернадского // Записки Русской Академической Группы. - Нью-Йорк. - Т.7 (1973).- С. 12.

³ Вернадский Г.В. О движении русского племени на Восток. // Научный исторический журнал. - 1813-1914. - № 2.- С. 54.

ций. Он предложил рассматривать русскую историю только как составную часть истории монгольской империи — что было типично для евразийцев.

Логическим завершением явилась работа Г. Вернадского «Начертание русской истории» (1927) с кратким изложением основ предложенной им евразийской концепции истории России. Свои ранние теоретические взгляды историк облек в новую законченную форму, воспользовавшись терминологией евразийцев - в частности, П. Савицкого, который ввел в научный оборот понятие «месторазвитие». Вернадский также указывал на связь «народа... с пространством, которое он себе усваивает, с его месторазвитием»¹ (9).

Центральное место в евразийской концепции истории занимала оценка татаро-монгольского ига и восточного влияния в целом. В 1926 г. в книге «Евразийство. Опыт систематического изложения», являвшейся, по существу, официальным изложением программы евразийцев, в разделе «Общие положения» указывалось, что «термином «Евразия» они «означают особый материк, как место развития специфической культуры, евразийской и русской... Культурное и географическое единство Евразии сказывается в ее истории, определяет ее хозяйственное развитие, ее самосознание и ее историческую миссию в отношении Европы и Азии... Впервые евразийский культурный мир предстал на сцене как целое в империи Чингиз-хана... Монголы сформулировали историческую задачу Евразии, положив начало ее политическому единству и основам ее политического строя. Они ориентировали к этой задаче евразийские национальные государства, прежде всего и больше всего — Московский улус. Это Московское государство, органически выросшее из Северо-Восточной Руси... заступило место монголов и приняло на себя их культурно-политическое наследие»².

В трудах Г.Вернадского, П. Савицкого, С. Пушкарева с установлением зависимости Руси от Монгольской империи связывалось ее вхождение в си-

¹ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. - Прага, 1927. - С.5.

² Евразийство. Опыт систематического изложения / В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией: Хрестоматия по истории рос.общ.мысли XIX-XXвв. - М., 1997. - С. 580-588.

стему мировой истории, тем самым преувеличивались достижения монгольского периода. Вернадский считал, что «монгольское нашествие не было чем-то принципиально новым» по сравнению с другими движениями кочевников (печенегов, половцев). Оно «поставило русскую землю в теснейшую связь со степным центром и азиатскими перифериями материка», так как «русская земля попала в систему мировой империи — империи монголов» и т.д. Он писал, что в отличие от Польши, Литвы и Венгрии, установивших свою власть над частью русских земель, «монгольская империя не мешала внутренней культурной жизни своих частей, в том числе и земли русской... Это государство было — мировая империя, а не провинциальная держава». Больше того, «монголо-татарская волна поддержала на своем гребне оборону русского народа от латинского Запада». Историю Северо-Восточной Руси Г. Вернадский не выделял из истории Золотой Орды, хотя и признавал, что полного слияния «улуса Джучи» с «русской государственностью» не произошло. По его мнению, «Золотая Орда явилась преемницей сразу двух государственных миров: степного (частью половецкого) и лесного (северо-русского)» и имела, в соответствии с этим, «две столицы» — Сарай, как центр государственный, и Москву, которая являлась «главным центром в церковном отношении»¹.

Говоря о влиянии Золотой орды, С.Г. Пушкарёв отмечал большую веротерпимость татаро-монголов: «Татары не только не обнаруживали систематических устремлений к уничтожению русской веры и народности, но наоборот, проявляя полную веротерпимость, ханы монгольские выдавали ярлыки русским митрополитам на охрану прав и преимуществ русской церкви». Развивая эту мысль, историк противопоставлял «татарской нейтральной среде» романо-германский «Дранг нах Остен», в результате которого «прибалтийские и полабские славяне исчезли с лица земли»².

¹ Вернадский Г. В. Монгольское иго в русской истории // Наш современник.- 1992.- № 3. - С. 67-80.

² Пушкарёв С.Г. Россия и Европа в их историческом прошлом. Прага. // Евразийский Временник. - Кн.5. Прага. 1927.

В трудах евразийских историков отмечалось, что преимущество Востока над Западом оценили в средневековый период многие русские государственные деятели. В качестве яркого примера «древнерусского евразийца» друг Пушкирева Г.В. Вернадский приводил Александра Невского, который в противоположность Даниилу Галицкому, связавшему себя с Западом, «с гораздо меньшими историческими данными добился гораздо более прочных политических результатов». Князь Александр Ярославович выделил в монголах дружественную в культурном отношении силу, которая могла помочь ему сохранить и утвердить русскую самобытность от латинского Запада»¹ - так оценивал Г.В. Вернадский «восточническую» ориентацию Александра Невского и его ставку на Орду.

Давая оценку последующей европеизации России, Г.В. Вернадский, С.Г. Пушкирев и другие историки-евразийцы, указывали на ее поверхностный характер, следствием чего стал отрыв «верхов» русского общества от народа. В результате, со времен Петра I были вырыты две пропасти одна – между допетровской и петровской Русью; вторая – между народом и образованными классами. Эти последствия петровских преобразований евразийцы считали «глубоко пагубными» для России, уничтожившими самобытную русскую культуру².

С.Г. Пушкирев в своих трудах признавал заслуги Петра I в служении государству и народу, который отдавал свои силы и служил как солдат, генерал, законодатель, администратор и прокурор. На заседаниях Русского исторического общества историк выступил с двумя докладами, посвященными анализу экономической политики Петра I. Автор оспорил устоявшееся представление о меркантилизме как основе экономической политики русского царя. Он утверждал, что целью хозяйственной политики Петра I было не накопление «золота и серебра», но создание всесторонне развитого и, по воз-

¹ *Вернадский Г.В. Два подвига Александра Невского // Евразийский временник. Кн.4. - Берлин, 1925. - С.320-335.*

² См. об этом: *Вандалковская М.Г. Историческая мысль русской эмиграции. 20-30-е гг. XX в. - М., 2009. - С.148.*

возможности, самодовлеющего хозяйственного целого. Петр вынашивал мысль о промышленном «воспитании» нации на первых шагах как принуждение, а затем – правительственная помощь ремесленникам и всемерное поощрение частной инициативы, т.е. Петр признавал пользу свободной конкуренции между отечественными промышленниками¹. Вместе с тем, Пушкарев видел «немало пятен на солнце Петра Великого», к числу которых относил саму модель европеизации России «насильственным», «спешным», «малопродуктивным» путем. По мнению Пушкарева, эта европеизация, отдалив власть от народа, разрушила «религиозно-моральное и общественно-бытовое единство народа, которое существовало в Московской Руси», «сделало дворянство и чиновничество иностранцами в собственной стране»².

Особой критике со стороны евразийцев Петр I подвергался за его отношение к религии, прежде всего отмену патриаршества, падение духовного авторитета церкви. Эту линию, по мнению евразийцев, продолжил период правления Екатерины II, российских правителей XIX в., втягивавших Россию в европейскую систему ценностей и удалявших ее от религиозной допетровской традиции³.

В связи с этим евразийцы особо важное значение в истории придавали религии («совести народа»), которая «должна дать русскому народу целостную методику жизни». Именно Московское царство представляло из себя, по их мнению, «пример государства, базирующегося на религиозности, выросшей в быт». Сама мысль об образовании государства «родилась под влиянием и действием объединяющей народ религиозности».

По данной теме С.Г. Пушкарев высказывался в своем докладе «Церковь - это палладиум нации» на состоявшемся в Праге в июле 1929 г. общеэмигрантском съезде, посвященном проблемам воспитания русской молодежи.

¹ Емельянов Ю.Н. История в изгнании. Историческая периодика русской эмиграции (1920-1940-е гг.). - М., 2008. - С.113-114.

² Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. - М., 1991. - С.245-246 // Цит. по: Вандалковская М.Г. Историческая мысль русской эмиграции. 20-30-е гг. XX в. - М., 2009. - С.148.

³ Вандалковская М.Г. Русские историки-эмигранты в Чехословакии Т.Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства. - М., 2005. - С. 114.

жи за рубежом¹. В других своих трудах на эту тему, в частности - «Роль Православной церкви в истории русской культуры и государственности», «Свято-Троицкая Сергиева лавра» - историк показал, что досоветский русский патриотизм питался именно религиозными корнями и что государство российское формировалось как духовное явление при ближайшем участии церкви, в процессе преодоления язычества². Как видно, С.Г. Пушкарев, как и все евразийцы, не принимал коммунизма и хотел заменить его новой идеологией, основанной на христианстве, которая была призвана способствовать созданию цельной, «соборной» или «симфонической» личности, как каждого индивидуума, так и государства в целом.

К середине 1920-х гг. «над теоретической разработкой евразийского учения возобладаало евразийское движение, тесно связанное с политической деятельностью»³. В результате происходит затухание евразийства как интеллектуального и общественного течения на фоне идейно-политического сближения левых евразийцев (Л.П. Карсавин, Д.П. Святополк-Мирский, П.П. Сувчинский, С. Эфрон) с большевиками и сотрудничества с ними (в том числе в деле издания еженедельной газеты «Евразиец»). Вскоре и правое крыло стали покидать такие видные деятели, как Г.Флоровский (один из основателей евразийства и авторов «Исхода к Востоку»), П.Бацилли. Объясняя свои мотивы, Г.Флоровский в статье «Евразийский соблазн» писал, что движение ставит правильные вопросы, но даёт неправильные ответы. Евразийцы, говорил он, стремясь заменить коммунизм идеологией, основанной на религии, в то же время ошибочно толкуют сущность веры; в результате они прихорашивают то, что им представляется положительным в коммунизме и поддерживают то, в чём усматривают проявление силы; по мнению же Флоровского, это проявления не силы, а варварства, разрушающего подлинную природу

¹ *Доронченков А.И.* Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России. - Спб., 2001. - С.94.

² *Пушкарев С.Г.* Свято-Троицкая Сергиева лавра. - Прага, 1928; Он же. Роль православной Церкви в истории русской культуры и государственности. – Владимирова, 1938.

³ *Вандалковская М.Г.* Историческая мысль русской эмиграции. 20-30-е гг. XX в. - М., 2009.- С. 140.

России. Критика Флоровского основывается на религиозной концепции, отличной от концепции евразийцев; однако, он точно уловил причины напряжения, нараставшего в рядах движения. Отношение к Советскому Союзу вызывало в рядах евразийцев разногласия и было причиной того, что и другие евразийцы, в частности, С.Г. Пушкарёв, отказались идти с ними одним путём.

Говоря о сложившейся ситуации, С.Г. Пушкарев писал: «Среди верхушки парижского евразийства обнаружилось "сменовеховское" или примиренческое отношение к Советскому Союзу, а один из его вождей князь Святополк Мирский, известный литературный критик и историк литературы, прямо отправился в Москву.

Наше пражское евразийское возглавление не солидаризировалось с парижскими "уклонистами", но не возражало против их направления достаточно громко и определенно. Евразийская "масса", состоявшая из бывших белых воинов, не сочувствовала примиренческим тенденциям и постепенно отходила от евразийского содружества. Отошел и я»¹.

В связи с окончанием «дружбы с евразийством» Пушкарев усмотрел и в своей статье в "Евразийском Временнике" за 1927 год методологическую ошибку, имея в виду, что тогда он «частный случай выдал за общую тенденцию». Для характеристики отношений России и Европы ученый взял отношения Пскова с Ливонским Орденом в XIII-XV вв., который, по его оценке, был «агрессивным авангардом немецкого *Drang nach Osten*» и постоянно совершал нападения на Псковскую землю. Не удивительно, что отношение псковичей к немцам было враждебным. Но это, как пишет уже позже С.Г. Пушкарев, был только местный конфликт. В те же века Новгород Великий мирно торговал с немецкими городами Ганзейского союза, в городе был "Немецкий двор", а к ливонско-псковской борьбе Новгород относился нейтрально: в псковских летописях постоянно встречаются жалобы, что

¹ Пушкарев С.Г. Воспоминания историка. 1905-1945 гг.- М., 1999.- С. 93.

"новгородцы не помогошы"¹.

К моменту разрыва с евразийцами С.Г. Пушкарев – уже приват-доцент Русского свободного университета, член Русского исторического общества, профессор (с 1937 г.) кафедры русской истории в Братиславе. Тем не менее он продолжал сотрудничество с русскими эмигрантскими журналами, включая, «Евразийский временник», «Евразийскую хронику» и др., и публиковал книги и статьи по широкому кругу проблем, которые его коллега профессор Г.В. Вернадский в «Очерках по истории науки в России» классифицировал следующим образом: «история русского крестьянства, происхождение поземельной общины, крестьянское самоуправление; 2) государство-город в северной Руси (Псков), народная основа Московского царства: 4) донское казачество и его взаимоотношения с Москвой, значение церкви в истории России; Петр Великий, Ленин, Россия и Запад»².

Большой интерес представляет и рассмотрение Пушкаревым конкретно-исторических сюжетов. Хронологический отрезок - от образования Древнерусского государства до реформ Петра Великого наиболее показателен для определения концептуальных составляющих исторической концепции Пушкарева. Притом, что историк не создал собственной оригинальной концепции исторического развития России, многие его идеи можно рассматривать как отдельные элементы подобной концепции, обладающие новизной и оригинальностью, что может расширить историографическую базу будущих исторических исследований.

Во взглядах С.Г. Пушкарева на проблему государства, вопросы свободы, собственности, классов и кассовой борьбы проявились общественно-политические принципы историка, как сторонника консервативного либерализма. Через принципы социального и консервативного либерализма Пушкарев рассматривал проблему свободы и собственности в России. Основные утверждения, сделанные им как в исторических исследованиях, так и в пуб-

¹ Там же.- С. 93.

² *Вернадский Г.В.* Очерки по истории науки в России // Записки Русской академической Группы в США. Нью-Йорк, 1974. Т.8. С.194-200.

лицистических статьях, явились ответом на заключения западных историков о том, что история России - это история рабского состояния народа, не знающего понятия собственности. «Земля и воля» - центральные понятия народовольцев, станут и основными в творчестве Пушкарева, рассматривать которые он будет в противовес марксистским установкам в духе консервативного либерализма через решение проблем крестьянской общины и народного самоуправления. Наиболее ярко, по мнению историка, идея служения проявила себя именно в период Московского государства (XIV-XVII вв.).

Большое место в научном творчестве Пушкарева занимает крестьянский вопрос. Крестьянство он считал самым ярким выразителем внутренней сущности культуры народа, носителем народного «духа». Именно в истории крестьянства и, в частности, крестьянской общины Пушкарев пытался найти гармоничное сочетание общего и частного, свободы и необходимости. Вопрос о закреплении крестьянства историк рассматривал исходя из различения понятий: прикрепление к земле и прикрепление к лицу - это традиционный подход к вопросу о крепостном праве в отечественной дореволюционной историографии. В освещении указанной проблемы Пушкарев опирался на концепции Б.Н. Чичерина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова. В эмигрантской исторической науке выводы Пушкарева разделяли также А.А. Кизеветтер и К.И. Зайцев. При этом как сторонник либеральных ценностей свободы и собственности Пушкарев акцентировал внимание на отрицательной роли общины XVIII в. в усугублении крепостнического характера земельных отношений корпоративной властью общины над своими членами. Решающую роль в деле закрепощения крестьян, по мнению историка, сыграл Манифест о вольности и свободе российского дворянства, нарушавший отношение социальных групп в обществе и превративший крестьян фактически в рабов.

По своим историческим взглядам историк ближе всего стоял к представителям школы истории юго-западного права Ф.И. Леонтовича и М.Ф. Владимирского-Буданова. Но при этом необходимо учитывать то влияние, кото-

рое оказали на ученого идеи представителей консервативного либерализма, главным образом, П.И. Новгородцева и П.Б. Струве, что отразилось на интерпретации Пушкаревым хода исторического развития России и его отдельных исторических периодов.

В американский период эмиграции С.Г. Пушкарева его дружба и сотрудничество с Вернадским были продолжены. Последний развивал тему евразийской интерпретации отечественной истории, С.Г. Пушкарев был увлечен идеями пушкинианы и казакиады как эталона национальной гордости. В США Пушкарев издает свои самые заметные труды по русской истории. С 1957 по 1972 гг. под руководством Г.В. Вернадского (совместно с А. Лосским, Р. Фишером и А. Фергюсоном) С.Г. Пушкарев участвует в работе по подготовке трехтомной хрестоматии источников по русской истории с древнейших времен до Февральской революции с комментариями¹. Можно в этой связи говорить также о преемственности традиций исторической науки Российского зарубежья в развитии Русской академической группы в США, созданной в 1948 г. В результате, в послевоенный период, в частности, в Йельском университете усилиями С.Г. Пушкарева, Н.И. Ульянова, А. Долгошева сохранялись традиции Г.В. Вернадского, М.И. Ростовцева, Н.П. Толля.

Таким образом, стараниями профессиональных исследователей евразийская доктрина, зародившаяся в 1920-е годы, вооружилась оригинальной и цельной исторической концепцией. В свою очередь, идеи и терминология евразийцев выступили в роли «катализатора» синтеза иных теоретических компонентов мировоззрения историков. Обращение к наследию евразийцев и его трансформация в работах современных авторов ярко демонстрируют насущную потребность поиска новой национальной идеи, определения российской самоидентификации, своеобразия национального, государственного и общественно-политического устройства России, ее места в со-

¹ Вернадский Г. Русская историография. – М., 1998. – С. 347.

временном геополитическом пространстве.

С.А. Нижников

ДВИЖЕНИЕ ЕВРАЗИЙСТВА И ТВОРЧЕСТВО Л.Н. ГУМИЛЕВА*

1. Понятие евразийства

Обращение к изучению евразийского движения особенно важно и необходимо сегодня, когда Россия, уже в который раз, стоит перед выбором, сформулированным в начале века одним из родоначальников и вождей евразийского движения Н.С. Трубецким: или мы должны найти и освоить собственный путь выживания и прогресса, исходя из этно-географического и культурно-исторического своеобразия России, или, оставив все поиски, смириться с «кошмаром неизбежности всеобщей европеизации».

Как определенный комплекс идей и убеждений евразийство представляет собой течение в историко-философской мысли Русского Зарубежья, впервые заявившего о себе в 1921 г. изданием в Софии сборника *Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев*. Среди авторов сборника были четыре молодых эмигранта из России: экономист и географ П.Н. Савицкий (1895-1968), филолог Н.С. Трубецкой (1890-1938, сын известного философа С.Н. Трубецкого), выдающийся философ и богослов Г.В. Флоровский (1893-1979) и публицист и музыковед П.П. Сувчинский (1892-1985). Кроме того, в данном движении приняли участие Л.П. Карсавин, Г.В. Вернадский и др. Евразийцы занимались активной издательской деятельностью, в течение десяти лет выпустив шесть сборников статей, хронику движения и еженедельник *Евразия*.

Евразийство называют «последним проявлением оригинального исторического творчества в русской культуре»¹. Евразийцы подчеркивали роль

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-03-00029а.

туранско-азиатского элемента в истории формирования российской культуры и государственности. Все они занимали антизападническую, но далеко не все – антисоветскую позицию, пытаясь вскрыть объективный характер социалистической революции в России. Русская революция, считали некоторые из них, «прорубила окно в Азию». Они отказывались от культурно-исторического «европоцентризма», исходя из плюралистического восприятия культуры и отрицания существования универсального прогресса; разрабатывали «геософию» – геофилософские и геоисторические построения, в связи с этим их упрекали в чрезмерной географизации истории.

Одной из ключевых и харизматических личностей в классический период развития евразийства, «самым евразийским из евразийцев», был П.Н. Савицкий². В статье *Евразийство* (1925) он пишет, что оно представляет собой «новое начало в мышлении и жизни», дающее «новое географическое и историческое понимание России». По сути, термин «Евразия» означает сжатую культурно-историческую характеристику, включающую в себя влияния Юга, Востока и Запада. Под Югом подразумевалась византийская культура, влияние которой на Россию признавалось «длительным и основоположным». Кроме того, Савицкий считает, что Византия уже обладала «евразийской» культурой, что объясняется сочетанием в ней многообразнейших элементов: малоазийских, ближневосточных, африканских и др. Савицкий утверждал, что безрелигиозное общество и государство должны быть отвергнуты, ибо «евразийцы – православные люди»³. Он полагал, что евразийское мировоззрение должно основываться на религиозно-философских ценностях, уравновешивающих материальные таким образом, что любое «действие в хозяйстве и государстве» должно «решаться и освещаться озарением религиоз-

¹ Хоружий С.С. Русь – новая Александрия: страницы из предыстории евразийской идеи // *Начала*. – № 4. – М., 1992. – С. 17.

² Хоружий С.С. Россия, Евразия и отец Георгий Флоровский // *Начала*. – № 3. – М., 1991. – С. 28.

³ Савицкий П. Евразийство // *Русская идея: В кругу писателей и мыслителей Русского зарубежья: В 2-х томах*. – Т. 1. – М., 1994. – С. 215, 217.

ным»¹. Принципом «подчиненной экономики» П. Савицкий стремился связать свои экономическо-философские воззрения с традицией русской религиозной философии.

Однако движение евразийства в целом не было однозначным и неизменным. В его историческом развитии можно выделить, хотя и достаточно условно, следующие этапы: предысторию, классическое евразийство, позднее евразийство, неоевразийство и псевдоевразийство. Вся история классического евразийства насчитывает около двадцати лет и разбивается на три этапа:

1) первый, начальный (1921-1925), протекает преимущественно в Восточной Европе и Германии;

2) второй этап (1926-1929) связан более всего с Парижем, а ведущим теоретиком здесь выступает Л.П. Карсавин. Помимо него к движению примыкает много новых известных имен, среди которых историк Г. Вернадский, литературовед Д. Святополк-Мирский и др. Значительное место начинает занимать идейно-политическая активность, явно обнаруживается крен влево, к пробольшевизму. Значительную лепту в это внес и Л. П. Карсавин (1882-1952), ускорив внутри движения политизацию и поляризацию взглядов. Катализатором этих процессов стала газета *Евразия* (Париж, 1928-1929). И.В. Гессен, философ-неокантианец и один из вождей кадетов, так оценивал его деятельность: «Примкнув к евразийству, он разложил это движение лубочным восхвалением сталинского национализма и циническим провозглашением советской работы “общим с нами делом”». «Коммунисты.., – писал Карсавин, – бессознательные орудия и активные носители хитрого Духа Истории... и то, что они делают, нужно и важно»². Оценивая четырехлетнее участие Карсавина в евразийском движении С. Хоружий пишет следующее: «Карсавин ничего не понял в феномене тоталитаризма. Он идеализировал его ги-

¹ Ильин И.А. Самобытность или оригинальничанье? // *Начала*. – № 4. – М., 1992. – С. 428

² Хоружий С.С. Жизнь и учение Льва Карсавина // Карсавин Л.П. Религиозно-философские сочинения. – Т.1. – М., 1992. – С. XLVI.

бельные черты и верил в кабинетную утопию светлого будущего России, которое откроется при замене “коммунистической псевдоидеократии” истинной евразийской идеократией...»¹.

3) на этом этапе (1930-1939) движение, после ряда глубоких кризисов и принципиальных расколов идет на убыль, оно продолжает существовать лишь в разрозненных малозначащих группах

С.С. Хоружий характеризует это движение следующим образом: «прежде всего евразийцы признавали, что старая Россия со всей ее государственностью и укладом, общественными силами и партиями потерпела крушение и канула в вечность. Мировая война и русская революция открывают собой новую эпоху. Но главные черты этой эпохи – не только исчезновение прежней России, а также и “разложение Европы”, всеобъемлющий кризис Запада. Евразийство родилось как порыв, слагающийся из двух отталкиваний: от прошлого и от чужого. Прошлым была императорская Россия, чужим – Запад». Вскрывая существенные недостатки рассмотренного движения, С.С. Хоружий подчеркивает, что если взгляды первых евразийцев “очистить от преувеличений, от идеологических передержек, в культурфилософских анализах первых евразийцев откроется немало свежих, умных подходов и наблюдений. Идя по стопам Ключевского, Савицкий много полнее и зорче, чем это умели раньше, показывал влияние среды обитания на склад национальной истории. А.Н. Трубецкой в своих работах, по существу, выступал первым идеологом будущего антиколониалистского движения...”². Вместе с тем в современной оценке евразийской идеи иногда превалируют крайности.

2. Предыстория евразийства

Говоря о предыстории евразийского движения, невозможно обойти славянофильство. Новое движение, прежде всего и без сомнения, было связано именно с ним. Хотя о том, что «России надо овосточиться» сказал в

¹ Там же. – С. L.

² Хоружий С.С. Жизнь и учение Льва Карсавина // Карсавин Л.П. Религиозно-философские сочинения. – Т.1. – М., 1992. – С. XXXIX, XLII.

1836 г. уже любомудр Вл. Титов. И это еще было до знаменитого выступления Хомякова *О старом и новом*, в связи с чем «евразийство могло бы считать себя не младше младших славянофилов, а старше старших...»¹. Евразийские предчувствия можно обнаружить еще у старших славянофилов – Данилевского и Страхова. Вместе с тем и столь же несомненно обнаруживаются и различия во взглядах старших славянофилов и евразийцев. Прежде всего, это связано с этнографическим смещением: евразийцы отказались от идеи славянского единства и обнаружили подчеркнутый крен к Азии. В собственно духовной сфере они, вместе с этим, отказались и от последовательного проведения принципа христианского персонализма.

По словам П. Савицкого, историческое своеобразие России явно не может определяться принадлежностью к «славянскому миру». Формула «евразийство» как раз учитывает «невозможность объяснить и определить прошлое, настоящее и будущее культурное своеобразие России преимущественным обращением к понятию “славянства”»². В евразийстве оживают предсказания К. Леонтьева об особом пути России. Но этот путь уже не связывается напрямую со славянством, ибо «перед судом действительности, – написано в предисловии к евразийскому сборнику, – понятие “славянства” не оправдало тех надежд, которое возлагало на него славянофильство», так как термин “славянство” не определяет сложившегося на данный момент культурного своеобразия России.

Уже Ф.М. Достоевский указывал, что «вся наша русская Азия, включая и Сибирь, для России все еще как будто существуют в виде какого-то приписка, которым как бы вовсе даже и не хочет европейская наша Россия интересоваться». Достоевский, поднимая этот вопрос в *Дневнике писателя* за 1881 г., указывал, пытаясь образумить наиболее ретивых западников-либералов, что Россия находится не в одной только Европе, но и Азии, а русский человек «не только европеец, но и азиат». Он парадоксально для многих

¹ Хоружий С.С. Русь – новая Александрия... // *Начала*. – № 4. – М., 1992. – С. 17.

² Савицкий П. Евразийство // *Русская идея*... В 2-х томах. – Т. 1. – М., 1994. – С. 220.

утверждал, что «в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход!»¹. Достоевский был так убежден в этом, что не хотел даже обсуждать эту совершенно, с его точки зрения, очевидную вещь, – признание важнейшего значения Азии для России было для него аксиомой.

Вместе с тем он считал, что необходимо «оздоровить» взгляд России на Азию, освободиться от «стыда», что назовут «азиатами». Это – ложный стыд, который может возникать или по невежеству, или из лакейства перед Европой. Достоевский не призывал отвернуться от «окна в Европу», но подчеркивал, что Азия может быть «исходом» для России в будущем. Он пишет, что «если бы совершилось у нас хоть отчасти усвоение этой идеи – о, какой бы корень был тогда оздоровлен! Азия, азиатская наша Россия, – ведь это тоже наш большой корень, который не то что освежить, а совсем воскресить и пересоздать надо! Принцип, новый принцип, новый взгляд на дело – вот что необходимо!»².

Оглядываясь в историческое прошлое Достоевский в целом положительно оценивал деятельность Петра I, «вдвинувшего» Россию в Европу, но вместе с тем считал, что этот толчок был слишком силен, что привело к определенному перекосу как в политике государства, так и в самосознании образованного российского общества. Всеобщее эпигонство и преклонение перед западной культурой Достоевский не выносил, следуя в этом славянофильской традиции.

Европа, «страна святых чудес», необходима для России: она такая же мать России, как и Азия. Велико значение России как для Европы, так и для Азии, но проблема, по его мнению, заключается в том, что российское дворянское общество, как и новоиспеченное революционно-демократическое и народническое, было воспитано в духе европоцентризма, и тем самым попало в зависимость от Европы, попало, прежде всего, в духовный плен, «духов-

¹ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. в 30-ти томах. – Т. XXVII. – Л., 1984. – С. 32-33.

² Там же. – С. 36.

ный Египет». Хотя Россия, по его словам, и делала все, шла даже на унижение, чтобы Европа признала ее своей, но этого так и не добились. Однако произошло это, по мысли писателя, не потому, что Россия слишком плоха и не доросла до Европы, а потому, что она слишком велика для нее и несет в себе всечеловеческую идею.

Если отношение России к Европе Достоевский сравнивает с пленением иудеев в Египте, то Азию он представляет как не открытую еще для России Америку, где заключено много надежд и возможностей. Исходя из этого понимания, он подчеркивает, что необходим «новый принцип и поворот», который развернул бы Россию к ее собственной Азии, что дало бы возможность отвлечься от копирования европейских идеологием и обратиться к поиску своей идентичности, выработке собственного целостного самосознания (в вариантах у Достоевского находим: «наш поворот в Азию был бы нам страшно здоров – уже одно то, что отвернемся на миг от Европы»; и еще: беды – «от первоначальной идеи, засевшей нам в голову, что мы только Европа, а не Азия [о вовсе не Азия!] А между тем [Азия вед<ь>] мы Азия – да, Азия!»¹).

Пророческий призыв Достоевского и объективное осознание им задач развития России не был услышан и осознан ни самодержавием, ни в достаточной мере большевиками, ни современными политиками. Россия опять на перепутье, опять смутное время захлестнуло ее...

3. Критики евразийской идеологии

Прежде всего, резкой критике подверг крайности евразийцев **И.А Ильин** (1883-1954) в статье *Самобытность или оригинальничанье*. Приведем красноречивую выдержку из нее:

¹ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. в 30-ти томах. – Т. XXVII. – Л., 1984. – С. 247-248.

...обезьянничал у запада – ясно, начинай немедленно обезьянничать у востока. Разве не так? Ведь вопрос духовной самобытности есть вопрос *географического и этнографического припадания*.

Но почему же нельзя без припадания? Разве самобытность не в том, чтобы *быть перед лицом Божиим самим собою*, а не чужим отображением и искажением? Ни восток, ни запад, ни север, ни юг... **Вглубь** надо; *в себя* надо; *к Богу* надо!.. Почему же именно в Азию, почему на восток?.. откуда же известно, что нас погубил запад, а не наше собственное, неумелое подражание?”. И далее “Перестанем быть полунемцами, полуфранцузами. Станем **истинно русскими татарами!**¹.

Ильин не мог принять политизированного евразийского «чингис-х-а-м-с-т-в-а» и «географического материализма, все снижающего и упрощающего». По его мнению, для увлечения “евразийством” нужны два условия: «склонность к умственным вывертам и крайне незначительный уровень образованности, уровень рабфака и комсомола»². Ильин пытался охладить наиболее пылких и поверхностных евразийцев, сохранивших от первоначального замысла этого движения лишь название.

Патрологический опыт Г. Флоровского. Флоровский – «самый “*не-евразийский*”» в кругу евразийцев, – по меткому замечанию С. Хоружего³ вначале принадлежа движению евразийства, а затем отошедший от него и вставший к нему в оппозицию, считал, что сперва это движение хотело быть призывом к духовному пробуждению, но потерпело неудачу в силу того, что представители его «увлеклись исканием легких и скорых путей», «вождедением быстрой и внешней удачи»⁴, увлеклись политическими задачами. И действительно, евразийство начало политизироваться, идеологизироваться,

¹ Ильин И.А. Самобытность или оригинальничанье? // *Начала*. – № 4. – М., 1992. – С. 61-62.

² Там же. – С. 62-63.

³ Хоружий С.С. Россия, Евразия и отец Георгий Флоровский // *Начала*. – № 3. – М., 1991. – С. 29.

⁴ Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли. – М., 1998. – С. 313.

занимая все более пробольшевистскую позицию. Флоровский ответил на этот процесс своей статьей *Евразийский соблазн* (1928), в которой он встал в оппозицию к данному течению. Исследователи отмечают, что эта работа и по сей день является самым основательным критическим рассмотрением евразийства¹. Он нисколько не разделял ни геософских, ни геоисторических построений, полагавших в основу самобытности исторического развития народа или цивилизации то или иное материальное или биологическое начало.

Уже в первом евразийском сборнике было представлено несколько политических направлений: от национал-большевизма П. Савицкого до антибольшевизма Г. Флоровского. В конце концов идейные расхождения разорвали первоначальное единство «настроения». И первым, – по словам А.В. Соболева, – оказался отторгнутым Г. Флоровский, «а вместе с ним отсекалась самая глубокая и самая значительная перспектива развития евразийских идей». Это произошло потому, что «все попытки Флоровского втянуть в орбиту евразийской духовной и интеллектуальной работы наиболее талантливые и плодоносные силы русской эмиграции натолкнулись на вполне объяснимую, но досадную политическую и общественную незрелость его соратников, на их амбициозность и склонность к “водительству”»². Так позднее П. Сувчинский стал троцкистом, выступал против участия И. Ильина в евразийском движении, перестал считаться с Савицким и Трубецким, дезинформировал их и интриговал.

Первоначально Г. Флоровский с воодушевлением включился в евразийский манифест. Он изначально был нацелен на глубинные историософские размышления: «“Исход к Востоку”, – писал он, – не символическая книга нового общественного направления. Задача его в другом – вновь поставить на обсуждение культурно-философскую проблему смысла русской истории и русской революции, привлечь внимание к проблемам духовного

¹ Хоружий С.С. Россия, Евразия и отец Георгий Флоровский // *Начала*. – № 3. – М., 1991. – С. 24.

² Флоровский Г.В. Догмат и история. – М., 1998. – С. 51.

творчества, пробудить глохнувший вкус к культуре, к чистым, а не прикладным ценностям»¹.

Чувствуя, что не все выступления евразийцев соответствуют его устремлениям, он пытался, не придираясь к словам, и других отвлечь от политики своими философскими рассуждениями. «Ведь, в конце концов, важно не то, что евразийцы думают, – пишет он в небольшой статье *Окамененное бесчувствие* (1925), – а то, о чем они думают (выд. мной, – С.Н.), – та правда, которую они ищут и видят». Досталось здесь и противникам евразийства: «Главное недоразумение спора состоит как раз в том, что большинство оппонентов вообще никакой правды искать не желают, а в евразийцах казнят именно беспокойство их искания»².

Флоровский не останавливался на критике западничества (как это делал, например, Н.С. Трубецкой), придавая решающее значение религиозно-метафизической ориентировке, основывающейся на *катастрофическом* мироощущении, на видении *исторического трагизма*. В определенном смысле его критика Запада была, тем не менее, более основательна, чем его коллег по движению. Он пытался задуматься над предельными судьбами европейской культуры, не отвергая ее с порога, а пытаясь вскрыть ее глубинные болезни. Он рассматривал историю Европы «в перспективе истории Христова дела на земле», то есть мыслил *религиозно-эсхатологически*. Пытался он также оправдаться за своих коллег, за слишком благодушное их отношение к большевистской революции. По его мнению евразийцы не «приемлют», а *учитывают* революцию, и никакого пробольшевизма в этом нет. По его мнению, «в СССР есть и Россия», и «СССР существует доселе именно потому, что еще есть Россия»³. Он считал, что евразийство знаменует собой битву за Святую Русь, и пытался перевести эту битву в духовную, религиозно-

¹ Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли. – М., 1998. – С. 131

² Соболев А.В. Своя своих не познаша. Евразийство: Л.П. Карсавин и другие // *Начала*. – № 4. – М., 1992. – С. 248.

³ Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли. – М., 1998. – С. 253

философскую, историософскую плоскость, но его усилия не увенчались успехом, что и привело к разрыву.

В одном из писем о. Георгий пишет, что он разошелся с евразийством еще в 1923 г., настаивая на христианской философии истории¹. Эти расхождения заметны уже в работе 1921 г. *Вечное и преходящее в учении русских славянофилов*, где он выступает против «ложного, антропологического национализма». Упрек евразийцам со стороны Флоровского состоит в том, что «они заняты морфологией России-Евразии и на это уходит все их внимание. Географическое единство и своеобразие “евразийской” территории настолько поражает их, что в их представлении подлинным субъектом исторического процесса и становления оказывается как бы территория, – даже не народы»². «Поэтому, – продолжает С.С. Хоружий, – евразийская философия истории оказывалась местнической и партийной, написанной духом национальной и геополитической розни; и неизбежно утрачивалось то качество *всечеловечности*, которое было сполна присуще старшим славянофилам, а Достоевским утверждалось затем как одна из заглавных ценностей российской культуры»³.

Кроме того, порок Петербургского периода истории России евразийцы целиком сводят к «разрыву» правительства с «народом». Флоровский не отрицает этого разрыва, но считает, что дело не только в этом, но и в «недостатке страха Божия, нравственной чуткости, духовного смирения и простоты». Выбор, с точки зрения Флоровского, необходимо делать не между «интеллигентской хилостью» и «новой народной “силой”, но между “греховным самоутверждением и творческим самоотречением в покаянной покорности Богу”». «Не от Духа, а от плоти и от земли хотят набраться они силы»⁴. Флоровский поэтому и не согласен со слишком благодушным отношением

¹ Хоружий С.С. Россия, Евразия и отец Георгий Флоровский // *Начала*. – № 3. – М., 1991. – С. 29.

² Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли. – М., 1998. – С. 328.

³ Хоружий С.С. Жизнь и учение Льва Карсавина // Карсавин Л.П. Религиозно-философские сочинения. – Т.1. – М., 1992. – С. XLII

⁴ Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли. – М., 1998. – С. 316.

евразийцев к большевикам. Однако революционную смуту и гражданскую войну, считает Флоровский, необходимо прежде всего преодолеть духовно, чего евразийцы не сумели понять.

Но основной недостаток идеологии евразийства, по мнению Флоровского, заключается в том, что они с «территориальной» точки зрения рассматривают и «религиозные принципы», которые для них – «*такое же общее начало как, начало “жизни”*». В итоге выходит так, что «религиозные принципы» получают по “месторазвитиям” многообразное выражение и только в совокупности этих “местных” выражений могут осуществляться». «Религиозные начала» у евразийцев «вводятся в состав культурно-типového своеобразия, в множественности “местных одежд”». Флоровский обвиняет здесь евразийцев в религиозном релятивизме, нечуткости к этой тонкой материи, ибо получается, что «все исторические религии и религиозные формы рассматриваются как равноправные “индивидуации” или воплощение общей религиозной стихии, одних и тех же “религиозных начал”»¹.

Флоровскому ближе старшие славянофилы, ибо их философия истории *христоцентрична*. Славянофилы осознали трагедию Запада, а евразийцы ее не замечают; славянофилы через имя Христа объединяют Россию и Запад, а евразийцы осуществляют крен в сторону Азии, при котором тонут и русские, православные черты. У евразийцев, считает он, смешиваются географические, этнические, социологические, религиозные мотивы. Религиозный мотив здесь стоит в общей цепи знаменателей что приводит к его нивелированию, когда забывается, что действительная религиозно-культурная граница полагается Православием. Понимая разницу вер, евразийцы пытаются утвердить некое религиозное единство Евразии, но «странным образом, – подчеркивает Флоровский, – без снятия граней по вере». Веротерпимость евразийцев распространяется и на мистическую сферу, что никак невозможно, слагается «соблазнительная и лживая теория “потенциального Православия”»². А

¹ Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли. – М., 1998. – С. 328.

² Там же. – С. 333-335.

само православие распадается у них на «многие исповедания», национальные по типу. Не согласен Флоровский и с превозношением евразийцами язычества, будто оно в своем саморазвитии приближается к православию, что то же должно произойти с буддизмом и исламом.

Заключает свой анализ отношения евразийства к православию Флоровский следующим выводом: «на Православие евразийцы смотрят и должны смотреть, как на культурно-бытовую подробность, как на историческое достояние России. Евразийцы чувствуют *православную стихию*, переживают и понимают православие как *историко-бытовой факт*, как подсознательный “центр тяготения” евразийского мира, как его (*именно его*) потенцию. И вместе с тем, конкретно-исторические задачи Евразии они определяют совсем не по этому “центру”, не из живого православно-культурного самосознания, но из размышлений теософического, этнического, государственно-организационного порядка... Россия превращается в их сознании в “Наследие Чингисхана”. Тем самым Россия выключается “из перспективы истории христианского, крещенного мира”, а “византийское наследство” заслоняется “монгольским”»¹. Не остается места для Церкви, а лишь для государства с церковью, когда последняя слишком нагружается миром и мирским. Флоровский упрекает евразийство в «кровавом почвенничестве», т.е. только территориальном, а не духовном. Духовное же почвенничество возможно, по видимому, лишь через глубину православия.

Таким образом, Флоровский вместо евразийских геософских понятий геофилософии и геоистории выдвигал противоположные им принципы духовного *творчества, эсхатологической историчности и всечеловечности*, ибо народный дух для него не дан биологически, но творится исторически через трансцендентную веру. Этим самым он сближался с линией, проводимой Достоевским и Вл. Соловьевым.

В.В. Зеньковский в работе *Русские мыслители и Европа* (1926) пишет, что евразийский замысел создания «православной культуры» был «крайне

¹ Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли. – М., 1998. – С. 336-337.

узок и беден», ибо он был сведен евразийцами к воссозданию «православно-го быта», «померкшего конкретно-народного исповедничества», что отнюдь не исчерпывает самой идеи православной культуры.

Кроме того, так как пафос евразийства лежит в борьбе с Западом, в нем «совершенно отсутствует внимание к опыту западного христианства», в связи с чем евразийцы «стоят как бы в исторической пустыне...». Так Н.С. Трубецкой считал, что европейская культура вовсе не есть общечеловеческая. «Европейская культура, – пишет Трубецкой, – есть продукт истории определенной этнической группы, которой *без всяких оснований* придают вид общечеловеческой». Зеньковский усматривает вину Трубецкого и евразийства в целом в том, что они не осознали «универсализма христианского идеала», который присутствует в основаниях и всей жизни западноевропейской культуры, и который не тождественен космополитизму. По мнению Зеньковского, в претензиях Европы на выработку общечеловеческой культуры нет шовинизма, потому что «идеалы, которые одушевляли и одушевляют европейскую историю, имеют не местный, а универсальный характер»¹.

Зеньковский заключает, что евразийство не может жить одной ненавистью к Западу, попытка же его разработать положительную идеологию, в основе которой лежало бы понятие «православной культуры», так и осталась попыткой. Зеньковский считает, что православие вообще вошло в евразийскую идеологию поверхностно и случайно.

Согласно современным исследованиям С.С. Хоружего, у евразийцев явственно виден «огрубленный материалистический подход к проблемам духовным, соединяемый с пристрастием к упрощенным схемам»². Этот «врожденный и родовой порок евразийства» не мог быть уничтожен формальными заявлениями о приверженности православию. Евразийская методология привела к тому, – подводит итог Хоружий, – что самобытность стала трактоваться «по преимуществу в материальных категориях, низводясь до этнических и

¹ Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. - М., 1997. – С. 83-84.

² Хоружий С.С. Россия, Евразия и отец Георгий Флоровский // Начала. – № 3. – М., 1991. – С. 28.

географических факторов – так что, в итоге, и православие, сколь бы оно исто-
тово ни утверждалось, приобретало качества местного или племенного куль-
та»¹. Этой тенденции к огрублению и заземлению духовной проблематики и
пытался противостоять Флоровский.

Из проведенного анализа казалось бы можно заключить об отрицатель-
ном отношении православных философов к евразийскому замыслу. Многие в
их критике объективно, но многое исходит из мировоззренческой определен-
ности, в то время как евразийцы пытались выйти за границы традиционного
мировоззрения, учитывая то, что Россия – полирелигиозное и межконтинен-
тальное государство. Между тем Флоровский рассматривал сущность
евразийства как не противоречащую его религиозному мировоззрению. Под-
черкивая, что учение отцов – единственно верное основание, он отмечал, что
«сама по себе “древность” еще не доказывает истинности». Предание отцов
для него не заключается в постоянстве обрядов и обычаев: предание – это
цветущее установление, а Церковь не должна быть связана буквой. Богосло-
вие не «наука, оно должно обращаться к “видению веры”»². В этом суть
«неопатристического синтеза» Флоровского.

Для Флоровского евразийство отнюдь не исчерпывается собранием по-
литических лозунгов, хотя логическим следствием разработанной философ-
ской концепции вполне может быть политическая реализация. Флоровский
исходит из «*примата культуры над общественностью*», считая, что в основе
всего должна находиться вера. В связи с этим он считал самым важным
национальным делом культурно-философскую рефлексию, а не политиче-
скую борьбу. «Или мы можем культурно возродиться и восстать в духе, или
Россия уже погибла», – утверждал он в 1921 г. Евразийское движение он
предлагал называть не политической партией, а «лигой русской культуры».
Флоровский стремился представить глубинную сущность «евразийского»
мировоззрения в установке сознания, ориентированной на личную ответ-

¹ Хоружий С.С. Жизнь и учение Льва Карсавина // Карсавин Л.П. Религиозно-
философские сочинения. – Т.1. – М., 1992. – С. XLII.

² Флоровский Г.В. Догмат и история. – М., 1998. – С. 377,381.

ственность, на творческое осознание проблем жизни, что должно привести к «внутреннему “перерождению” и спасению России. Евразийская идея рассматривается им как “истинный национализм”, как национализм не политический, а прежде всего духовный, ибо “нация есть начало духовное”»¹. Так как духовное основывается на безусловном уважении к личности, то Флоровский пытался отвести евразийское движение от большевизма (признавая одновременно историческую необходимость революции), но, увы, тщетно, что в конечном итоге и привело данное движение к разложению. Флоровский считал, что евразийская идеология лежит в плоскости «истинного национализма», который не может быть связан с большевизмом.

Таким образом, Флоровский призывал начинать разрабатывать и реализовывать евразийскую идею не с политической активности, не с экономического ремонта или государственной реставрации, и даже не с гипостазирования нации, а с духовного возрождения личности и культурного обновления. При этом «личность должна быть подлинным критерием и направляющим заданием культурного творчества».

Видя то, что движение евразийства включало в себя весьма разнонаправленных мыслителей, Флоровский пытался акцентировать внимание на том позитивном, что могло бы всех их объединить. В качестве объединяющего начала он не стремился выдвинуть какое-либо догматизированное верование (будучи сам православным философом), а общей настрой, характеризующийся принципиальным отвержением позитивизма, узкого рационализма и хилиастического историзма.

Особенно остро он критиковал последний (теорию прогресса) за его наивную, «малодушную и развращающую» веру в «имманентную целесообразность». Такую позицию и такое понимание исторического развития он называл самой «безответственной» и вредной настроенностью духа. Он считал, что спасти может не «логика истории», не «стихийно-неотвратимый

¹ Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли. – М., 1998. – С. 126.

процесс», а «интуитивно осязаемый “смысл жизни”». Данный исторический прогрессизм вырос на почве «рационалистического оптимизма», породив рассудочную «философию истории», поэтому Флоровский подвергает жесткой и глубокой критике установочные идеи немецкой классической философии от Канта до Гегеля, которые стали основой для различных форм социального утопизма.

Флоровский не брал на себя ответственность за все движение. Он признавался в том, что говорил исключительно от себя, не касаясь своих коллег по сборнику *Исход к Востоку*. Саму задачу данного манифеста евразийцев он видел в том, чтобы поставить на обсуждение культурно-философскую проблему смысла русской истории, привлечь внимание к проблемам духовного творчества, пробудить стремление к культуре, к истинным, а не мнимым ценностям. И не его вина в том, что его слова оказались «гласом вопиющего в пустыне».

Можно говорить об утопичности некоторых важнейших аспектов евразийского проекта. Так, например, природа (или «логика месторазвития», по Г.В. Вернадскому) предписывает народам Евразии жить врозь и общаться как независимым субъектам истории, а государство и государственная воля вынуждают их жить вместе. Имперские претензии русских царей также невозможно объяснить только «логикой месторазвития». Однако в современной ситуации суждения евразийцев уже не кажутся отвлеченными декларациями. А.В. Семушкин отмечает в этой связи, что «неустойчивость и проблематичность нашего теперешнего существования внушает и предлагает нам отнестись к доктрине наших эмигрантов-изгнанников как к “евразийскому завету” (А. Дугин), следуя которому, мы, возможно, обретем то, что до сих пор безрезультатно ищем – путь к искомому культурно-историческому самобытию»¹. Хотя, разумеется, теоретические вопросы и проблемы тем самым не

¹ Семушкин А.В. Прошлое и настоящее евразийской цивилизации // Евразийская идея и современность. – М., 2001. – С. 265.

разрешаются автоматически, что сказывается и на возможности их практического воплощения.

4. Неоевразийство и творчество Л.Н. Гумилева

Евразийское учение, таким образом, прекратило свое существование, не успев оформиться в последовательную и теоретически обоснованную доктрину. Этому препятствовали как разновидность генеалогических истоков, так и попытки евразийцев синтезировать научно-философские положения с идеологическими установками. Отсюда симптомы размежевания внутри движения уже в момент его организационного оформления. Однако это не помешало возникновению в последующем **неоевразийства, видным предшественником которого был знаменитый историк Лев Николаевич Гумилев.**

Евразийская идея требует дальнейшего анализа и развития, исходя из сегодняшней геополитической ситуации и внутреннего состояния, в котором оказалась Россия. Неоевразийство стремится ответить на этот новый вызов современности. Сегодня, надеемся, это понимают и теоретики, и власть. Еще в 2000 г. В.В. Путин отметил, что «Россия всегда ощущала себя евроазиатской страной. Мы никогда не забывали о том, что основная часть российской территории находится в Азии. Правда, надо честно сказать, не всегда использовали это преимущество. Думаю, пришло время нам вместе со странами, входящими в Азиатско-Тихоокеанский регион, переходить от слов к делу – наращивать экономические, политические и другие связи. Все возможности для этого есть»¹. И многое из заявленного уже сделано: созданы новые интеграционные структуры, заработало единое таможенное пространство, регион стоит на пути к созданию единого экономического пространства². Во многом

¹ Евразийство: теория и практика (Сборник статей). – М., 2001. – С. 3. В Послании Федеральному собранию в декабре 2012 г. В.В. Путин продолжил: «Мы будем идти по пути тесной интеграции. Тому примером Таможенный союз, Единое экономическое пространство России, Казахстана и Белоруссии. Это все уже работает, работает эффективно. Мы приступили к созданию Евразийского экономического союза и, конечно, будем идти по этому пути и решим эту задачу».

² В ответ на эти естественные интеграционные процессы госсекретарь США Хилари Клинтон в декабре 2012 г. заявила следующее: «Мы отмечаем некий сдвиг в сторону по-

благодаря этому план Збигнева Бжезинского по расчленению России пока не удался.

Неоевразийство продвинулось и в теоретическом плане, учтя современную ситуацию и те ошибки, практические и теоретические, которые допустило классическое евразийское движение. Александр Дугин говорит сейчас не только о православии как духовной основе евразийского движения, но и о «евразийской версии ислама», которые только в союзе способны противостоять геополитической экспансии протестантского атлантизма. Первые евразийцы не смогли в достаточной степени осознать этот факт, видимо, еще и потому, что сейчас – другая Россия, действительно многоконфессиональная. Согласно Дугину, как классические евразийцы так и их ортодоксально-православные критики, «...двигаясь наощупь, не без достаточного православного высокомерия, говорили о том, что ислам традиционных мусульманских народов России есть как бы не до конца осознанное Православие». На деле и Православие, и традиционный ислам «представляя собой полноценные и подлинные восточные традиции», будучи различными, принадлежат все же «к общему геополитическому семейству». Традиционный ислам, поэтому, ценен для Евразии не как “недоделанное Православие”, но как православная (=ортодоксальная) разновидность ислама»¹. Казань является третьей, евразийской столицей России. Только так, только сообщая духовно и геополитически интегрируясь, создавая единое полирелигиозное и многонациональное общество российское государство действительно сможет состояться и успешно конкурировать на мировой арене с другими геополитическими центрами силы. Эту задачу провидел и об этом писал также Л.Н. Гумилев.

Л. Н. Гумилев не отказывался, когда его называли евразийцем, в историю русской философии он вошел как представитель позднего евразийства и

вторной советизации региона. Только это не будет называться советским союзом. Это будет таможенный союз, или союз стран Евразии, или что-то в этом роде. Мы точно знаем, какой будет их цель, поэтому мы пытаемся продумать все способы замедлить этот процесс или не дать ему состояться»

[www.kp.ru/daily/25998/2926160/].

¹ Дугин А.Г. Евразийский ислам – органичный союзник евразийского христианства // Евразийство: теория и практика. – М., 2001. – С. 44

ученый, давший «сильный импульс развитию “неоевразийства”»¹. Сам он себя называл «последним евразийцем», вел переписку с Г.В. Вернадским и П.Н. Савицким. Гумилев получил известность как автор естественнонаучной теории этногенеза, в которой значительное, даже преобладающее место отводилось как географическому фактору, так и идее пассионарности, в основе которой также лежит идея не социального, а биологического и географического «месторазвития»².

Л.Н. Гумилев широко использовал понятие *этноса*. С его точки зрения этнос связывает как социальные, так и природные аспекты. Он есть как социокультурная общность, так и форма внутренней дифференциации вида *homo sapiens*, которая зависит, прежде всего, от географических условий жизни и форм хозяйственной деятельности. «Этничность» является универсальным признаком человека, ибо он обязательно принадлежит к какому-либо этносу. *Этнос* (от греч. «группа», «племя», «народ») вообще определяют как исторически возникший вид устойчивой социальной группы людей, обладающий неповторимой внутренней структурой: языком, обычаями, культурой, формами хозяйственной деятельности и т. д. Но в целом четкого определения этноса пока нет, его ищут биологи, географы, историки. К этническим общностям относят *племя, народность и нацию. Суперэтносы*, по мнению Л.Н. Гумилева (который и ввел это понятие), включают в себя целые регионы («Запад», «Мир ислама» и т. д.). *Этногенез* в трактовке Л.Н. Гумилева представляет собой локальный вариант внутривидового формообразования, обусловленный сочетанием исторических и географических факторов. Гумилев рассматривал этногенез через понятие «месторазвития» – когда характер территории оказывает определяющее воздействие на духовный склад и обычаи народа.

Формирование этносов он также соотносил с понятием *пассионарности*. Данное понятие занимает центральное место в теории этногенеза Гуми-

¹ Маслин М.А. Неоевразийство о судьбе России // Евразийская идея и современность. – М., 2002. – С. 206.

² См.: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. – СПб., 2001.

лева. Вот как он сам его определяет: «Я кажется, сделал открытие, я нашел пусковой механизм могучего естественного процесса, лежащего в основе рождения и гибели этносов, и дал ему отличное название: “пассионарность” – от латинского слова “passio” – страсть. Я понял, что рождению каждого нового этноса предшествует появление определенного количества людей нового пассионарного склада»¹. Пассионарный толчок образует начальную точку этногенеза, что связано с мутацией, происходящей в результате воздействия определенных географических факторов. Естественный срок жизни этноса – 1200-1500 лет.

Процесс этногенеза рассмотрен Гумилевым с позиций его энергетической природы, а в качестве источника исторического творчества названа биохимическая энергия живого вещества биосферы. Отдельные люди различаются, согласно теории Гумилева, по количеству биохимической энергии, которую они способны устойчиво извлекать из внешней среды. В этой связи Гумилев выделил три индивидуальных типа: «гармоничные люди», которые обладают достаточным количеством энергии для приспособления к окружающему миру; «субпассионарии», которые, будучи не в состоянии поддерживать бытовую устроенность, живут в погоне за сиюминутными удовольствиями; и «пассионарии», обладающие избытком биохимической энергии. Этот избыток они обращают в деятельность, направленную на творческое переустройство действительности.

Таким образом, Л.Н. Гумилев привнес в евразийство следующие положения: полицентризм, теорию пассионарности и учение о влиянии биосферы на процессы этногенеза. В целом Гумилев поддерживал основополагающие принципы евразийства, а если и подвергал их критике, то с противоположной от Г. Флоровского и В. Зеньковского стороны. Гумилев считал, что евразийцам «очень не хватало естествознания», хотя их доктрина замышлялась как

¹ Гумилев Л.Н. «...Если Россия будет спасена...» // *Начала*. – № 4. – М., 1992. – С. 5.

синтез гуманитарной науки и естествознания, истории и географии¹. Одним из важнейших принципов евразийства он считал *полицентризм*, согласно которому (и в противовес европоцентризму) признается множественность мировых культурных и цивилизационных центров. Европоцентризм в его понимании – «явление бедственное, а иногда даже гибельное». Даже космополитизм он рассматривал как форму навязывания Западной Европой своих навыков иным суперэтносам, что по сути является «космополитизмом европоцентризма» и «разновидностью шовинизма». В этом он отталкивался от работ Н.С. Трубецкого. Вместе с тем он полагал, что количество этих центров определяется согласно сходству ландшафтов, т.е. клал в основу своей теории географический принцип. Этнос для него – «это процесс адаптации к определенному ландшафту»². Считая, вслед за С.Н. Трубецким, что истинный национализм заключен в самопознании, он, тем не менее, связывал его с тем или иным «ландшафтом», а не только с комплексом духовных идей, утвердившихся в определенном этносе. Достоинства своей концепции Гумилев видел и в междисциплинарности: «В этой связи многократно усиливается роль географии. Благодаря евразийству и той солидной исторической подготовке, которой обладали евразийские теоретики, ныне можно объединить такие науки, как история, география и природоведение. И в этом я вижу главное научное достижение, а равно и главную научную перспективу евразийства»³.

Гумилев справедливо отмечал, что духовная культура евразийских народов в России слита в «радужную сеть единой суперэтнической целостности. Следовательно, любой территориальный вопрос может быть решен только на фундаменте евразийского единства. Евразийские народы связаны общностью исторической судьбы. Прошедшие десятилетия усилили эту связь». В одном из своих интервью, в самом начале 1990-х г., Гумилев ска-

¹ Гумилев Л.Н. Заметки последнего евразийца // *Наше наследие*. – М., 1991. – № 3 (21). – С. 480.

² Гумилев Л.Н. Заметки последнего евразийца // *Наше наследие*. – М., 1991. – № 3 (21).

³ Гумилев Л.Н. «... Если Россия будет спасена...» // *Основы евразийства*. – М., 2002. – С. 478.

зал: «Мы должны прежде всего осознать традиционные границы – временные и пространственные – нашей этнической общности, четко понять, где свои, а где чужие. В противном случае мы не можем надеяться сохранить ту этносоциальную целостность, которую создавали наши предки при великих князьях и царях московских, при петербургских императорах. Если мы сумеем эту целостность сохранить, сумеем восстановить традицию терпимых, уважительных отношений к формам жизни близких нам народов, все эти народы останутся в пределах этой целостности и будут жить хорошо и спокойно»¹.

Семушкин А.В.

ЕВРАЗИЙСТВО: ЗАКОНЧЕННАЯ ДОКТРИНА ИЛИ ПРОБЛЕМАТИЧНЫЙ ПРОЕКТ?

В языковой обиход россиян настойчиво и уверенно внедряется евразийская лексика, до недавнего времени бытовавшая лишь в узком кругу специалистов и знатоков. Теперь же она становится достоянием не только рядовых научных работников, политиков и журналистов, но и многочисленных граждан, причисляющих себя к образованной публике. При этом евразийская идея и все, что с ней ассоциируется, как правило, воспринимается довольно неоднозначно. Для одних евразийская доктрина актуальна до злободневности: в ней усматривается единственно верный стратегический проект оздоровления и возрождения современной России, подсказанный самим проведением и гарантирующий (в случае его осуществления) заглавное место нашего отечества в будущем мировом сообществе. Для других, наоборот, евразийство - предмет не надежд, а воспоминаний (любопытных штудий), или еще хуже - звучное и колоритное словечко, отстоящее от его

¹ Гумилев Л.Н. «...Если Россия будет спасена...» // *Начала*. – № 4. – М., 1992. – С. 16

первородного смысла так же далеко, как пресловутая «платоническая любовь» от платоновской метафизики Эроса.

О философии евразийцев принято говорить без уточнения границ, в пределах которых ее претензия на статус философского мировоззрения может быть оправдана. Предполагается, что таким правом она обладает безоговорочно, как если бы мы имели дело с мыслительным образованием, отвечающим привычным канонам философского знания. А между тем, не осмысляя и не пересматривая сам факт принадлежности евразийского движения к философии, мы рискуем рассуждать о нем не по существу философского дела. Вопрос не в том, чтобы усомниться в философичности евразийского учения: евразийство, безусловно, несет в себе типичное философское умонастроение и немислимо вне историко-философского контекста.

Вопрос в том, чтобы самое эту принадлежность выявить и описать в ее единичном духовно-историческом выражении и на этом основании аттестовать состав и сущностное ядро евразийской доктрины именно в качестве философской. Ибо, будучи немислимой вне истории философии, она в то же время мыслима в контексте внефилософского знания (например, истории, этнологии, этнографии, лингвистики, географии), причем мыслима настолько явно и настоятельно, что при знакомстве с евразийскими текстами невольно испытываешь недоумение: если это философия, то почему она так прозрачно контрастирует с традиционным архетипом философского сознания. Другими словами, проблематично не само наличие философии в учении евразийцев; проблематична та неявная и ускользающая от наблюдения линия, которая разграничивает собственно философские и околофилософские реалии в их теоретических построениях. Внятное обозначение этой линии - необходимое предварительное условие, при котором возможен предметный разговор о том, что с автоматической непосредственностью именуют философией евразийства.

Сами евразийцы, по-видимому, пользовались термином «философия» без опережающей установки на устойчивые границы его смысла. И это мож-

но понять, в особенности учитывая, что протогонисты и вожди евразийского движения (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский), при всех их научно-теоретических дарованиях, не были профессиональными философами или философами «божьей милостью». Ни определений философии, ни разъяснений и толкований ее природы и сущностного центра в текстах евразийцев не просматривается. Это, естественно, предрасполагало к свободному и некритическому обращению с понятием философии. У евразийцев, как правило, речь идет о философии в ее отношении к чему-то другому, но никогда, о философии в ее отношении к себе самой, к своему проблемному и назначенческому существу. В их представлениях она как бы лишена умозрительного и настроенческого самостояния.

Почти все исследования и проектные разработки евразийцев (не говоря уже о манифестах и программных сочинениях) посвящены истории, этнографии, географии. Но сами по себе эти науки, по мнению евразийцев, не в состоянии осмыслить и постичь планетарное таинство человеческой культуры. Поэтому над ними надстраиваются дисциплины более высокого теоретического ранга: «историософия», «этнософия», «геософия»; они как раз и претендуют на звание философии¹. Но отождествлять все эти дисциплины с философией не более правомерно, чем выдавать за философию учение Ламарка об эволюции видов (в его «Философии биологии») или учение Карла Линнея о происхождении и строении растений (в его «Философии ботаники»). Если и существует некая зоологическая или «ботаническая философия» (К. Линней), то она мыслима не иначе как философия в ее применении к определенной сфере эмпирической реальности, и потому мы вправе домогаться распознавания того, что такое философия сама по себе, в своих умопознавательных принципах и интенциях и до своего применения. В другом случае первичная функция философии понимается евразийцами в упрощенном позитивистском варианте О. Конта: философия уподобляется самодержице всей со-

¹ Трубецкой Н.С. К проблеме русского самопознания // Наследие Чингисхана. - М., 1992. - С. 93-102.

вокупности человеческого опыта; ее царственная суть и назначение заключается в обобщении, упорядочении и стратегии планирования всего частного-научного знания.

Иногда философия в понимании евразийцев вообще теряет какую бы то ни было связь с хрестоматийным содержанием философии, и тогда последнюю находят там, где ее по всем признакам безнадежно искать, не приравнивая ее к чему-то отдаленно напоминающему философию. Так, Н.С. Трубецкой, вопреки всяким ожиданиям, находит философию в Московской Руси, будто бы существовавшую там не в форме сознательной спекулятивной системы западного типа, а в виде неявного, но действенного по своей жизнестроительной функции «бытового исповедничества», в виде «подсознательной философской системы», воспринятой от туранского психического склада и вытеснившей из русской души греко-византийскую страсть к отвлеченному мудрствованию¹. (Именно в силу специфики туранского менталитета, полагает Н.С. Трубецкой, тюрки, в частности, монголы и турки не дали ни одного видного философа или богослова европейского подобию). Философия, подмеченная Н.С. Трубецким в средневековой Московии, сводится не к размышлению о сущем, не к разгадке загадки бытия, а к образцовому культовому благочестию, для которого духовно-практическое служение истине, как правило, предпочтительнее ее спекулятивного поиска. При всем своеобразии древнемосковской православной духовности, нельзя согласиться с непозволительной и искусственной процедурой переосмысления культа (как объекта философской рефлексии) в духе философии как таковой с ее свободой мыслящего самополагания, с ее сомнениями и никогда не окончательными результатами их преодоления.

Философия, таким образом, в евразийской доктрине не имеет дисциплинарной самостоятельности и понимается или по признаку обобщающего мышления (и тогда она занимает место, хотя и почетное, в ряду других наук),

¹ Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Наследие Чингисхана. - М., 1999. - С.136 сл.

или по признаку культовой ориентации сознания (и тогда она сближается, если не отождествляется, с религией). Но что более всего настораживает и смущает в евразийском облике философии, так это противоестественное и потому призрачное родство в ее пространстве таких расходящихся и непримиримых понятий как метафизика и идеология. В контексте евразийской мысли они почти синонимичны. Здесь окончательно размываются границы философии как суверенного знания, и при ее оценке теряешься в догадках: философия ли это или благожелательная решимость покушения на нее.

Примиришь метафизику и идеологию - все равно что примиришь свободу личностного мышления и принудительную (целесообразную) необходимость какого-то коллективного убеждения. Но именно этот логически немислимый, но практически осуществимый синтез и является, по расчетам евразийцев, гарантией жизнеспособности и подлинности мировоззрения. Все дело в том, чтобы реабилитировать «подмоченную» репутацию идеологии, снять с нее клеймо «ложного сознания» и противопоставить всем предшествующим ошибочным идеологиям «истинную идеологию», которая была бы «несомненно, т.е. абсолютно, обоснованной в своих истоках».¹ Эти истоки, как можно догадаться, следует искать не в утопической изобретательности отдельных лиц (идеологов) и не в интересах какой-то группы людей (класса), а в самих основаниях сущего, в трансцендентных (метафизически постигаемых) измерениях бытия. Тем самым метафизике предписывается роль, традиционно чуждая ее призванию, - роль прислужницы в реализации идеологического проекта возрождения России-Евразии. Попытка скрестить идеологию с философией (метафизикой) обернулась издержками для последней. Как бы евразийцы не критиковали марксистскую идеологию, их учение без натяжки напоминает марксизм наизнанку, и упрек в «славянофильском большевизме», брошенный им оппонентами, при всей его эксцентричности констатирует схематическое родство их «истинной идеологии» с идеологией большевизма. В обоих случаях предлагается программа счастливого обу-

¹ *Савицкий П.* Континент Евразия. - М., 1997. - С. 23.

стройства человечества. Различие только в выборе фундаментальных аксиом бытия, задающих условия мировой игры (в том числе идеологической): для марксистов эти условия - естественная необходимость и неизменные законы естества; для евразийцев - супранатуральное Существо (Абсолют), провиденциально порождающее мир и его нормативные и целевые масштабы.

Евразийское философствование собственно и сводится к попытке построения метафизически обоснованной идеологии. Эту попытку едва ли следует признать успешной, если, разумеется, допустить, что антиномия умозрительного (теоретического) и ценностного (практического) вообще разрешима в пределах доказательной и непротиворечивой философской системы. Европейский опыт их согласования, особенно в этическом рационализме Сократа и в трансцендентальном идеализме Канта, обнаружил тщетность и безнадёжность подобных притязаний. Примирить рационально-теоретическое и ценностно-практическое не удастся без ущерба для самой философии: при этом или практическое сознание преобразуется в духе мыслящей рациональности и тем самым теряет свою специфику (как у Сократа), или теоретическое сознание вынужденно обедняет философию, отказывая ей в праве на положительный метафизический дискурс (как у Канта).

И дело здесь не столько в просчетах, личных пристрастиях и заблуждениях отдельных философов, сколько в самой проблеме, неразрешимость которой сопоставима лишь с бесконечным опытом ее разрешения. Любая теория, ищущая примирения мыслеполагаемого и волеизъявляемого, сталкивается с их фатальной несовместимостью и в итоге отбрасывается к исходной точке их феноменологически очевидной внеположности друг другу. Не приходится сомневаться, что евразийцы пришли к этому итогу: они так же мало преуспели в преодолении антиномии «понятие-ценность», как и их предшественники. Поэтому если есть основания (а они, безусловно, есть) говорить о достоинствах и приобретениях философии евразийцев, то не иначе как с поправкой на бесцеремонную решительность, с которой они вытесняют из создаваемой ими философии бесценный опыт традиционной онтологии и гно-

сеологии. С точки зрения логики идеологической целесообразности, все это расценивается ими как безжизненный интеллектуальный обскурантизм, в лучшем случае грезящий об истине, вместо того чтобы использовать ее в качестве орудия индивидуального и национального делания. Евразийское движение с момента своего возникновения ориентировано не на разыскание истины, а на практический (национально-исторический) результат ее воплощения, и потому «обскурантам и гносимахам здесь делать было нечего».¹

И когда В. Ильин квалифицирует евразийское мирозерцание как «универсальную систему», построенную на надежных и достоверных основаниях², его утверждение воспринимается не более, чем заверение или декларация о намерениях. Во всяком случае, такой системы у евразийцев мы не находим, и не только потому, что такая система, по-видимому, мыслима лишь в качестве заветной и притягательной цели, к которой призвана стремиться философия без гарантии когда-нибудь ее обрести, но и потому, что философию евразийцев, в особенности ее метафизические составляющие, вряд ли приемлемо рассматривать как коллективный продукт работы философов-единомышленников. Ибо евразийцы солидарны далеко не во всем. Всех их объединяет сотериология России, т.е. разрабатываемая ими национально-этническая идея спасения России через постижение ее культурно-исторической самобытности и ее мирового предназначения.

Однако этого единства настроений, убеждений и чаяний оказалось недостаточным для философского взаимопонимания, что и предопределило расхождение евразийцев в толковании метафизики и метафизических оснований искомой «универсальной системы». Уже в первом евразийском сборнике «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» (1921), своего рода доктринальном манифесте движения, об авторах публикуемых в нем статей сказано, что «они написаны людьми, в некоторых

¹ Ильин В. Евразийство // *Ступени*. – 1992. - № 2. - С. 62.

² Ильин В. Социальные цели и достоинство евразийцев // О газете «Евразия». - Париж, 1929. - С. 21.

вопросах думающих по-разному».¹ Учитывая идейно-патриотическое единомыслие евразийцев, нетрудно догадаться, что к этим «некоторым вопросам» относятся в первую очередь фундаментальные вопросы философии, касающиеся метафизических основоположений и их креативно-причинностных связей с космическим, историческим и антропогенным процессом.

Это как раз тот перекресток умозрительных интересов, где все философы (метафизики) сходятся в постановке проблемы генеративно-беспредпосылочного начала сущего, но где они неизбежно расходятся в способах ее понимания и тем более разрешения. Ибо познавательное приближение к трансцендентному и, тем более, прорыв к нему прямо пропорциональны уменьшению круга лиц, пытающихся это сделать сообща. Диалог с трансцендентным персонален по определению и не знает свидетелей (даже «товарищей по партии»), и то, что открывается мыслителю в этом диалоге, не может приобрести авторитет абсолютной истины, если ей не «помогут» в этом усилия конфиссеонально-идеологического или организационно-догматического порядка.

Метафизика, способы ее обоснования, ее место в системе целостного мировоззрения, действительно, понимались евразийцами «по-разному», несмотря на то что их общие и неизменные конфессиональные настроения (православно-христианские), казалось бы, исключали разномыслие в этом направлении. И в этом нет ничего неожиданного, если иметь в виду, что по крайней мере некоторые мыслители, в целом приемля религиозно-богословскую доктрину христианства, тем не менее оставили за собой свободу метафизического суждения. Это обстоятельство не могло не сказаться на состоянии и судьбе евразийской «истинной идеологии» как единой системы принципов и утверждений.

Несводимость метафизики (философии) к идеологии и научному знанию дает о себе знать почти сразу же после организационного оформления движения (1921). На всем протяжении развития классического евразийства

¹ Исход к Востоку. - М., 1997. - С. 45.

(до 1929г.) в нем отчетливо просматривается полоса отчуждения, демаркирующая евразийский идейный комплекс на умозрительную (философско-богословскую) и «прикладную» (научную и идеологическую) стороны. Именно в этом заключается разгадка противоестественного, на первый взгляд, обстоятельства: метафизический потенциал евразийцев-философов (Г. Флоровский, В. Ильин, Л. Карсавин) развертывается в довольно условной зависимости от идейно-политической и культурно-исторической стратегии движения. Метафизика и принадлежность к евразийству как бы вопиют о своей внеположности друг другу: Г. Флоровский, тяготея к спекулятивному богословию, отвергает наукообразный «натурализм» и «географический детерминизм» евразийских вождей; В. Ильин выходит из евразийской организации не соглашаясь с просоветскими интонациями «истинной идеологии»; Л. Карсавин завершает свою «метафизику христианства» до того как он стал евразийцем (1926г.), и она имеет лишь косвенное отношение к его «феноменологии революции» евразийского периода.¹

И тем не менее говорить о евразийской метафизике (по меньшей мере, о метафизических интуициях в рамках евразийского умозрения) есть достаточно веские основания. Для историка философии знакомство с нею интересно и поучительно как с точки зрения типологии философских мировоззрений, так и с точки зрения эволюции и судьбы учения, которое взяло на себя смелость приписать метафизике функцию, по всем вероятностям противоположную ее природе, - функцию идеологического служения. В любом случае любопытно проследить мотивы евразийской тяги к обновлению метафизического мышления и те деформации, которые претерпевает традиционная метафизика, превращаясь в метафизику, какой она должна быть согласно евразийским представлениям.

Сами евразийцы не претендуют на авторитет новаторов и первооткрывателей. Свою волю к обновлению мышления они осознают как веление времени, побуждающее к беспощадной и бесповоротной «переоценке всех цен-

¹ См. Российский архив. Т. V. - М., 1994. - С. 475-497.

ностей» в связи с уже осуществившимся, по мнению евразийцев, фактом «заката Европы». Западная мысль, полагают они, закончила свою творческую миссию вместе с «убыванием души» европейской культуры, «вместе с упадком великих философских систем XIX в.»¹ Продлить свое существование философия может только при одном условии: она должна преодолеть западные нормативы мышления и возродиться на новых предпосылочных и целевых началах. Только тогда она в состоянии адекватно ответить на вызов новой, уже грядущей «органической эпохи», предвещающей новый культурный опыт и новые горизонты философствования. По идеологическим верованиям евразийцев, именно в России предрассветным блеском уже занимается «заря новой философской эпохи». Задача лишь в том, чтобы, прислушавшись к ее внушениям, рекомендациям и требованиям, послушно им внять и «объяснить основы нового научно-философского мирозерцания»².

Однако, как оказалось, в обход или вопреки накопленного (той же Европой) умозрительного опыта «сочинить» метафизику не удастся, не покушаясь на то, без чего она и немислима, и невозможна, - без учения о предмирном начале мира и механизме его развертывания в мировой процесс. Евразийцы чувствовали неизбежную в подобных случаях связь с метафизической традицией и при всем их неприятии западной философии не могли избежать явной или неявной преемственности с ней. Эта преемственность особенно недвусмысленна в отношении евразийцев к тем метафизическим системам прошлого, в которых монистически обосновывается причинно-целевая зависимость абсолютного начала всего сущего и обусловленного этим началом природного и человеческого миропорядка.

Именно поэтому евразийцам импонирует «идеология» Гегеля и Шеллинга, именуемая ими не иначе как «предвозвестница» нового миропонимания и жизнеотношения³. В духе их спекулятивной систематики проектирует-

¹ Евразийство (опыт систематического изложения) // *Савицкий П.* Континент Евразия. - М., 1997. - С. 20.

² Там же. - С. 20.

³ Евразийство // *Савицкий П.* Континент Евразия. - М., 1997. - С. 19.

ся евразийцами мирозерцание новой эпохи, понимаемое ими непременно как «органическое единство идеи». Способ его построения и изложения также мыслится по образу и подобию «вегетативной» лексики немецких метафизиков: в своем логическом генезисе система нового миропонимания «подобна развивающемуся из семени растению и является внутренне необходимым самораскрытием основной идеи». Однако так получилось, полагают евразийцы, что «идеология» немецких метафизиков «осталась непонятой» или извращенной (в марксистском материалистическом монизме) и потому нуждается в преобразовании в соответствии с требованиями и запросами «новой философской эпохи».

Избранный Гегелем и Шеллингом «путь от идеи к жизни» сам по себе признается верным и полностью принимается евразийцами, но способ нисхождения идеи к жизни, «небесного» к «земному», а так же практические результаты этого нисхождения (например, прусская государственность у Гегеля) не устраивают евразийцев. Не устраивают прежде всего потому, что в учении немецких метафизиков слишком преобладают элементы гностической (эволюционно-принудительной) онтологии и рационалистической схоластики; все это является соблазнительным и притягательным в лучшем случае для отдельных любопытствующих умов и никак не служит побуждением к «сознательно-волевой деятельности» человека и человеческой общности. В то время как для евразийцев важно, чтобы абсолютное начало не только мыслилось и гносеологически разъяснялось, но и обладало какой-то жизненно значимой ценностью. Оно должно обладать авторитетом безусловной святости, требующей к себе вероисповедного поклонения и предписывающей, на правах «категорического императива», нормативы человеческого волеизъявления и поведения. Другими словами, абсолютное начало («архэ») должно обладать прерогативой авторитарной духовной власти, диктующей параметры предвечной истины и пути их «соборного» осуществления на земле. Только при таком допущении абсолютное начало будет тем, чем оно, по логике «истинной идеологии» евразийцев, должно быть: не просто абсолютной

идеей, которую можно знать или не знать, но «идеей-правительницей», превращающей человека как наблюдающего и созерцающего существа в своего добровольного и практически-деятельного «подданного».

Отсюда понятно подсознательно-симпатическое тяготение евразийцев к типу миропонимания, напоминающему сакральные варианты первобытных (племенных) космогоний, в которых предвечное начало выступает не только в функции космообразующего импульса, но и в роли директивной инстанции, программирующей социально-бытовую строй жизни народа, в роли образца для подражания и попечителя племени или племенного союза. С той только разницей, что вместо божественного «пролога на небесах» (как правило, персонифицированного), у евразийцев выступает «правлящая идея», «абсолютно несомненная основная идея»¹, предопределяющая сценарий природно-исторического процесса, а вместо родоплеменной общности - евразийское единство народов и наций. Разумеется, к реконструкции архаической картины мира (мифа) евразийцы непосредственно не обращаются, и тем более не копируют ее. Речь идет лишь об архаизирующей интенции евразийского мышления, ищущего того же, что мы находим в мифопоэтическом диалоге «верха» и «низа», - сопряжения образотворческого вымысла и верования, понимаемого и волеизъявляемого, божественного «слова» и человеческого «дела». Ибо эффект соприкосновения божественного и человеческого как раз и есть та цель, которую евразийцы пытаются осмыслить и приблизить в своем проекте метафизически обоснованной идеологии, или «верующей философии» (В. Ильин).

Но главный ориентир и прообраз евразийской идеологической метафизики - библейская модель абсолютного начала и его отношения к миру и человеку, ибо «только Библия есть раскрытие последнего смысла». При этом Библия вовсе не рассматривается как руководство к действию, и тем более к мышлению. Признать авторитет Библии - не значит автоматически следовать ее речениям. Она скорее должна восприниматься как наиболее подходящий и

¹ Евразийств // *Савицкий П.* Континент Евразия. - М., 1997. - С. 19.

надежный ключ к постижению последней тайны (истины), и этого уже достаточно, чтобы не обойти ее стороной. «Последний смысл» не явствует из буквального прочтения библейского текста; он зашифрован в нем и должен быть извлечен через опыт научной и философско-богословской экзегетики, поскольку библейская метафизика - не система понятий, а система символических суждений (мифологем), нуждающихся в трансляции на язык рационального понимания и дискурса. Как выразился В. Ильин, Библия - прежде всего «вопрос, а не ответ»¹. Ответ принадлежит тому, кто овладеет библейским ключом к разгадке таинства единораздельности божественного и человеческого. Евразийство как раз и заявляет о готовности разрешить эту задачу в своем проекте «истинной идеологии».

Кроме того, евразийцы дистанцируются по отношению к Библии не только экзегетически. Как и всякого, кто задумывался над вероисповедным составом Библии, их смущает разнородность ее культовых слагаемых. Иудейский пласт (в особенности Тора) менее всего поддается трансформации в нужном (евразийском) направлении. Ветхозаветная концепция Бога отталкивает евразийцев своим чрезмерным и навязчивым антропоморфизмом. Для них неприемлемо Верховное Существо в образе мстительного и карающего судьи. Библейский (ветхозаветный) креационизм не согласуется с идеей провиденциальной мудрости: в акте творения мира и человека просматривается больше произвола и демонстрации мощи, чем милости и благодати Творца. Не говоря уже о том, что национальный в своих истоках иудейский Яхве не мог претендовать на роль абсолютного начала, взявшего под свое покровительство многонациональный евразийский Континент (Россию).

Наоборот, новозаветная религия кажется евразийцам идеальным субстратом для формирования метафизически обоснованной идеологии. Причем не только в силу исторической традиции русского православия, но и в силу заложенных в христианстве метафизических возможностей, в особенности при разрешении проблемы абсолютного и относительного, Бога и человека.

¹ *Ильин В.Н.* Шесть дней творения. - Париж, 1991. - С. 9, 6.

В иудейской религии Бог и человек разделены, и им не суждено встретиться; Бог всегда остается недоступным для человека; их связывает только божественный закон и человеческое обязательство его исполнять. В то время как в христианстве «Божество с человечеством соединено и только потому человечеству ведомо и доступно»¹. Богочеловеческая идея христианства как раз и лежит в основании метафизических претензий евразийцев создать проект абсолютно достоверной и «истинной идеологии».

Идейно-политические ориентации и предпочтения евразийцев (речь идет, заметим, не о политических программах или манифестах) самими участниками движения обозначены достаточно отчетливо и не дают повода для их неточного или превратного осмысления и толкования. Все они концентрируются вокруг идеологемы Третьего Пути, которая в своем политическом прочтении формулируется как срединный, “третий максимализм”, или максимализм продуктивного синтеза, в равной мере отвергающий как “правый максимализм” (реставрационно-монархический), так и “левый максимализм” (коммуно-большевистский), и в то же время ищущий творческого сближения и примирения архаизирующего традиционализма правых и революционного радикализма левых (Петр Савицкий, например, при всем своем традиционализме, считал себя единомышленником национал-большевика Н. Устрялова). При этом третий путь означает не отказ от первых двух, а отказ от их крайностей; он обращен одновременно и в будущее (“обетование”), и в прошлое (“наследие”). Отсюда антиномичные наименования и формулы евразийского мировоззрения и евразийской политической доктрины, типичные как для евразийцев, так и для их критиков: ”монархический социализм”, “славянофильский футуризм”, “православный большевизм”. В этом соединении несоединимого, примирении непримиримого евразийцы как раз и видели ключ к разгадке отечественной истории и средство для ее понимания и исправления.

¹ Евразийство // *Савицкий П.* Континент Евразия. - М., 1997. - С. 24.

Однако ясность политических ориентаций евразийцев контрастирует с неясностью и проблематичностью их организационно-политического самоопределения и статуса. По крайней мере, о партии евразийцев в политическом смысле этого слова говорить не приходится, в отличие от других эмигрантских идеологических течений (монархистов, кадетов, эсеров, национал-большевиков). В политическое объединение евразийство не только не сложилось, но и не тяготело к организации политического типа. Отчасти (если не по преимуществу) это объясняется разьединенностью политических идей и интересов евразийцев и живой политической реальности России (не говоря уже о том, что жалкое и умирающее состояние эмигрировавших партий не побуждало их к организационной активности). Поэтому их учение не производно от политических идей, например, идеи реванша. Оно зарождается как продукт умонастроенческих переживаний и теоретических размышлений изгнанников о смысле, истоках и судьбах потерянной ими родины. Политике без отечества они предпочли мысль об отечестве. Во всех их обобщениях, прозрениях и проектах (иногда отвлеченных и романтически-мечтательных) преобладают исторические, геополитические, культурно-исторические и этнопсихические реалии, объединенные сквозной и однозначно отмеченной мессианской идеей грядущего духовного возрождения России, а вместе с ней и всего человечества. В русле таких умозрительно-стратегических устремлений политика, как и партийно-политическая деятельность, мыслится евразийцами или как то, что периферийно соприсутствует магистральной идее национального самосознания, или как то, что в свое время исторически будет востребовано.

И все же евразийцы называли себя «организованной группой» (Н. Алексеев), сплоченной единством идеологических убеждений и принципов, уподобляющих ее любой политической организации, немислимой без членства и иерархического строения. И евразийцы допускали такое уподобление, исключая при этом тождество по существу. Свое организационное оформление евразийцы мыслили не в политических, а в умозрительно-символических

терминах, квалифицируя свое сообщество как «духовное объединение», или союз духовных единоверцев, осененных благодатью Последней Истины. В такой союз не записываются, а посвящаются; в нем не работают ни на себя, ни на другого, а «служат» высшей, провинциально заданной идее ради духовного обновления и преображения мира. Культовый характер евразийского «духовного объединения», по признанию самих евразийцев, роднит его с объединениями типа мистических католических орденов или масонства, культивирующих неортодоксальные способы духовного делания; однако близкий и приемлемый для евразийцев образец коллективного духовного служения – православный византийский исихазм, а еще ближе святоотеческая «партия» подвижников-аскетов, «которая действовала в старой Москве под именем заволжских старцев» (Н. Алексеев). Сама жизнь, в том числе и общественная, в евразийской перспективе предстает как святая обитель, монастырь, в котором обитают, трудятся и духовно преображаются старатели и служители «софийной бесконечности царства божия» (Вл. Ильин). Универсальной моделью для совершенного общества евразийцы считают православную церковь – «единственное непорочное выражение христианства». В ней происходит претворение грешного «земного Града» в «град Божий», причем евразийцы мыслят свое «духовное объединение» в роли «правлящего слоя», «мыслящей элиты», «духовно-интеллектуального предстоятеля народа», т.е. идеологов, созидающих и охраняющих господствующий режим, называемый евразийцами «идеократией» (власть идеи). Гражданское выражение этого режима – «демотия» (народность), отличная от демократии западного образца своим равенством не по закону, а по благодати. Евразийская партия в политическом смысле, по-видимому, потому и не сформировалась, что вожди и участники этого движения, претендуя на роль благодетелей отечества, имели дело не с реальным отечеством, а с гипотетическим государством.

Среди доктринальных заявлений и утверждений евразийцев идеологема «исхода к Востоку» кажется наиболее неожиданной, надуманной и вызы-

вающей. В ее звучании, безусловно, улавливается некий авантюрно-провокационный оттенок, затрудняющий и ограничивающий доверие к ней. И тем не менее эта идеологема продиктована соображениями, далекими от скандального умысла или литературно-публицистического самоутверждения. Ее смысл и идейное измерение глубже ее пространственно-географического звучания. За ней угадывается опыт десятилетних раздумий Н.С. Трубецкого о судьбах отечества (по его собственным признаниям), впервые концептуально представленный в его книге «Европа и человечество» (1920) – протоевразийской по своим умонастроениям и установкам. И вовсе не случайно, что первый евразийский программный манифест носит название «Исход к Востоку» (1921). В нем сформулировано и развернуто изложено исходное культурно-стратегическое условие, пренебрегая которым Россия, по убеждению евразийцев, обречена на перманентный застой и утрату цивилизационной самобытности. Это условие как раз и есть «исход к Востоку».

Н.С. Трубецкой сознавал, что при оценке евразийских симпатий к Востоку «легко быть неверно понятым». Как и следовало ожидать, доктрина «исхода к Востоку» в эмигрантской среде или не была понята, или понята превратно. Ее восприняли как «приват-доцентские выдумки», уверяющие в необходимости и полезности для России «обезьянничания» перед лицом Востока вместо прежнего «обезьянничания» перед лицом Запада. В этой идеологии усмотрели «самую дешевую, самую плоскую формулу» слабонервных псевдомыслителей, призывающих «шарахнуться на Восток» во имя «грядущего урало-алтайского чингисхамства» (И. Ильин). Евразийцев упрекали чуть ли не в предательстве. Им предъявляли обвинение в том, что «они не верны русской идее» и заслуживают наименования «азиатства, а не евразийства», ибо в своем заблуждении «более гордятся своей связью с Чингисханом, чем своей связью с Платоном», не говоря уже о том, что «Чингисхана они явно предпочитают св. Владимиру» (Н. Бердяев). В формуле «исхода к Востоку» евразийские оппоненты вычитали кощунственное требование: во имя оздоровления и возрождения отечества «на русской почве Азия должна

восторжествовать над Европой», благодаря чему Россия только и сможет обрести и проявить «свою, истинную азиатскую духовную природу» (А. Кизеветтер).

А между тем идеологема «исхода к Востоку», по логике евразийцев, должна прочитываться вне какой бы то ни было связи России с Востоком в его привычном историческом или географическом значении. В своем отношении к традиционным восточным культурам евразийцы сохраняют такой же пафос патриотической дистанции (пафос неприятия), как и к культуре Запада (отсюда резкое осуждение евразийцами оккультно-теософских религий восточного происхождения, популярных и притягательных в России начала века). Разница лишь в том, что, по мнению евразийцев, европейская цивилизация угрожает нашей самобытности и уже разрушает ее, поэтому для нас единственно приемлемое средство сохранить свое духовно-историческое первородство – бескомпромиссная борьба против «европейского, или романо-германского ига» (Н.С. Трубецкой); в то время как Восток в смысле культурной интервенции безопасен (ибо сам испытывает давление и агрессию со стороны западного цивилизационного стандарта), поэтому в отношении к нему оптимальной являются стратегия «мирного сосуществования» и взаимного культурного невмешательства (если не считать возможного временного союза России и Востока против глобальной европеизации автохтонных культур).

Мировоззренческая воля к Востоку в евразийском учении имеет не положительный, а отрицательный смысл, а именно не как направление к Востоку, а как направление от Запада. Ее главная интенция – не в тяготении к Востоку, а в требовании «отмежеваться от Запада» (П. Савицкий). Восточная ориентация евразийцев означает не более чем «взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока» (Н.С. Трубецкой), т.е. речь идет о видении и постижении России с того места, где она сама находится, и поэтому идеологема «исхода к Востоку» равнозначна исходу России к себе самой, к своей культурно-исторической идентичности, к своим истокам, сущности и целевым предна-

значениям. Евразийский «Восток», следовательно, локализуется в пределах самой России как этнокультурного, географического и геополитического (государственного) единства, и потому формула «исхода к Востоку» имеет в виду еще не завершенный Россией опыт самопознания; его завершение рассматривается евразийцами как единственное и неизбежное условие, пренебрегая которым Россия-Евразия не может рассчитывать на обретение собственной (евразийской) духовности и себя в качестве независимого и культурно значимого субъекта мировой истории.

Идея самосознания – сквозная и определяющая в учении евразийцев. Ее связующим и конструктивным влиянием отмечены и частности, и целостный образ их идеологической концепции. Она присутствует в их настроениях и размышлениях на правах первичного императива духовного и этносоциального домостроительства. И в этом ее отличие от типичных для европейской культуры форм моральной и гносеологической рефлексии – форм, как правило, индивидуальных по своей процедуре и по своим результатам. Самосознание для евразийцев – более чем операция рефлексирующего сознания индивида. Оно мыслится ими как процесс, происходящий не только в сознании индивида, но и во всем существе личности, причем в своей «персонологии» евразийцы расширяют понятие личности (в ее индивидуальном выражении) до понятия народной, национальной и даже «многонародной личности», имеющей (по аналогии с индивидуальной личностью) свой душевный строй, свою ментальность и даже свое природно-физическое тело («месторазвитие», природный ландшафт). Самосознание такой «многонародной личности» («симфонической») тождественно с жизненно-историческим процессом обретения социумом (в данном случае евразийским единством народов) своего провиденциального назначения; оно (самосознание) проявляет и выражает себя в качестве некоей «идеи-правительницы», пробуждающей в человеческой общности дух природно-исторического родства и побуждающей эту общность («многонародную личность») к «соборному» действию по воплощению ее провиденциально заданного проекта.

Для возврата к своей цивилизационной идентичности, полагает Н.С. Трубецкой, Россия должна, во-первых, совершить «революцию в сознании» и понять свою провиденциально заданную внеположность европейским либерально-демократическим ценностям; во-вторых, познав самое себя в качестве субъекта внеевропейской истории и культуры, Россия обязана предпринять «исход к Востоку», а именно к геополитическому и географическому Континенту - Евразия и преобразовать его в соответствии с заветами допетровской Московии и на основе имперских начал, унаследованных ею от Чингисхана.

Все это необычно, интересно и значительно, но для истины этого недостаточно. В особенности если речь идет о возможности и правомерности применения той или иной теории к практике социальных преобразований. Патриотические умонастроения в подобных случаях, как правило, убедительнее логических суждений. Любовь к «родному пепелищу» понять можно, но понять (и принять) утопический проект континентальной (евразийской) автаркии России - почти невозможно. По замечанию Льва Гумилева (в адрес Н.С. Трубецкого), это тот случай, когда «автор более прав, чем его утверждение». И когда А. Дугин заверяет, что рано или поздно евразийская доктрина «утвердится в качестве доминирующей идеологии Российской Государственности», то ему очень хочется поверить. Но от желания поверить до самой веры – дистанция огромного размера. После нашего опыта неудавшейся веры в известную идеологию эта дистанция заметно увеличилась. И все же евразийство – достойно нашего внимания. Евразийство завещает нам не только проект «истинной идеологии», но и приглашение к самопознанию.

Некоторые западные политики и политологи прогнозируют иную перспективу мирового социально-исторического процесса на ближайшее будущее: границы, контакты и конфликты между странами и народами в XXI веке будут определяться не идеологическими или экономическими факторами, а цивилизационными, т.е. принадлежностью людей к той или иной традиции, религии, культуре и тогда государства пестрого цивилизационного состава (типа России или Югославии) фатально обречены на распад и автоматически

сходят со сцены мировой политики (мнение С. Хайтингтона). Подобные пророчества звучат как предупреждения и вызов, ожидающий ответа. В контексте современного хозяйственно-политического быта России евразийские суждения уже не кажутся отвлеченными декларациями, какими они выглядят в контексте учения первых евразийцев. Более того, неустойчивость и проблематичность нашего теперешнего существования внушает и предлагает нам отнестись к доктрине наших эмигрантов-изгнанников как к «евразийскому завету» (А. Дугин), следуя которому, мы, возможно, обретем то, что до сих пор безрезультатно ищем – путь к искомому культурно-историческому самобытию.

РАЗДЕЛ II. ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ РАССМОТРЕНИЯ ВОПРОСОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Асмагамбетова Б.М.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕКСТЫ НА ЗАНЯТИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ РАБОТ Л.Н. ГУМИЛЕВА)

Особенностью современного этапа методики обучения русскому языку является обращение к тексту как к коммуникативной единице. Работа с текстом на занятиях русского языка способствует расширению словарного запаса, улучшению качества речи, развитию познавательного интереса и творческого потенциала, повышению интеллектуального уровня обучающихся.

Современное занятие должно быть нацелено не на репродуктивные формы работы, а на творческие. Особое значение для преподавателя приобретает умение отбирать тексты для занятий, которые создают обучающую и развивающую речевую среду.

Поскольку университет, где обучаются наши студенты, носит имя Льва Николаевича Гумилева, великого ученого, историка-этнолога, 100-летие со дня рождения которого все мы недавно отметили, считаем необходимым при обучении русскому языку обращение к текстам его работ. Преподаватели должны заинтересовывать и приобщать студентов к изучению творческого и научного наследия ученого, что, несомненно, расширит кругозор обучающихся, даст простор мыслям, будет способствовать привитию научного интереса. Материалы работ Л.Н. Гумилева можно успешно применять на занятиях русского языка в виде дидактических единиц. Тексты, которые имеют огромную познавательную ценность, следует использовать при написании различных видов диктантов, изложений, эссе, призванных развивать и совершенствовать коммуникативные навыки обучающихся.

Предлагаем **возможные задания** с отобранными для обучения текстами.

1. Перепишите текст, вставляя пропущенные буквы.

Пол..гаю, что князь Александр, так же как его с..ратники, принадлежал к пок..лению новых людей, поднявших Русь на (не)дос..гаемую высоту. Для данного вывода есть веские основания. Жертвенное поведение Александра Ярославича и его с..ратников слишком разительно отличает(?)ся от нравов (древне)русских удельных князей. Сформулированная Александром домини..анта поведения – альтруистический п..триотизм – на несколько ст..летий вперед определила принц..пы устройства Руси. Заложенные князем традиции союза с народами Азии, основанные на нац..ональной и религиозной терпимости, вплоть до XIX ст..летия привл..кали к России народы, жившие на сопредельных те(рр, р)иториях. И наконец, именно потомками Александра Ярославича Невского строилась в XIУ в. на р..звалинах древней Киевской Руси новая Русь. Сначал.. она называлась Московской, а с конца ХУ в. стала называт(?)ся Россией.

(Гумилёв Л.Н. Происхождение событий)

Послетекстовые задания.

1. Определите ключевые слова текста.
2. Составьте вопросы к тексту.
3. Ознакомьтесь с логической схемой текста, представленной в таблице.

Логическая схема текста	
Основной тезис	Князь Александр принадлежал к поколению новых людей, поднявших Русь на недостижимую высоту.
Аргумент 1	Жертвенное поведение Александра Ярославича и его соратников отличается от нравов древнерусских князей.
Аргумент 2	Сформулированная Александром доминанта поведения – альтруистический патриотизм – определила принципы устройства Руси.
Аргумент 3	Заложенные князем традиции союза с народами Азии

	вплоть до XIX столетия привлекали к России народы, жившие на сопредельных территориях
Вывод	Именно потомками Александра Ярославича Невского строилась в XIV в. на развалинах древней Киевской Руси новая Русь. Сначала она называлась Московской, а с конца XV в. стала называться Россией.

4. Укажите способ развития информации в тексте (параллельный, последовательный)

5. Устно передайте содержание текста.

2. Выразительно прочитайте текст. Составьте логическую схему текста. Определите способы связи предложений в тексте.

Древнейшим, из прочно закрепившихся в Азии, является, по-видимому, титул ХАНА. Он монгольского происхождения. Некоторые исследователи считают, что ещё более древней формой этого титула был ХАКАН, или КА-ГАН. Но, как будет видно из дальнейшего, согласиться с этим невозможно.

Первое упоминание о ханском титуле мы находим у одного из китайских историков третьего века христианской эры. Он пишет, что в его время монгольским народом тобатов управлял Линь-хан, бывший уже шестьдесят седьмым повелителем этого племени. Несомненно его предшественники, если не все, то во всяком случае последние, тоже носили этот титул.

Что же касается хаканов, то об их существовании мы узнаем на два столетия позже, когда те же китайцы отмечают, что вождь народа жужан, по имени Шелунь, в 402 году принял титул хакана, причем с уверенностью можно сказать, что его предшественники титуловались ханами, ибо один из них, убитый всего за семнадцать лет до этого, назывался Хото-ханом.

Таким образом, приходится сделать заключение, что ханский титул древнее хаканского.

Логическая схема данного текста будет включать иллюстрации (примеры, подтверждающие теоретические положения) и выглядеть следующим образом.

Логическая схема текста	
<i>Основной тезис</i>	Древнейшим, из прочно закрепившихся в Азии, является, по-видимому, титул ХАНА.
<i>Аргумент 1</i>	Первое упоминание о ханском титуле мы находим у одного из китайских историков третьего века христианской эры.
<i>Иллюстрация 1</i>	Он пишет, что в его время монгольским народом тобатов управлял Линь-хан
<i>Аргумент 2</i>	Что же касается хаканов, то об их существовании мы узнаем на два столетия позже
<i>Иллюстрация 2</i>	Вождь народа жужан, по имени Шелунь, в 402 году принял титул хакана, его предшественники титуловались ханами, ибо один из них, убитый всего за семнадцать лет до этого, назывался Хото-ханом.
<i>Вывод</i>	Таким образом, ханский титул древнее хаканского.

Важно научить студентов компрессии научного материала, умению конспектировать текст, видеть структуру текста, выделять главную информацию. Научный текст состоит из микротекстов, каждый из которых обычно имеет объём не более 7 предложений. Структура микротекста может включать пять частей: введение темы; развитие темы; появление новой информации, которая логически не следует из первой и второй частей, но определяет содержание следующих частей; логическое развитие новой информации (описание деталей, конкретных предметов); вывод, итог, объединяющий содержание всех частей микротекста.

Следует помнить, что микротексты имеют разновидности, которые различаются: 1) наличием или отсутствием связей «причина-следствие», «обоснование-вывод», «общее-частное», «условие-следствие» и др. 2) расположением этой связи в микротексте; 3) порядком следования смысловых элементов («от причины к следствию» или «от следствия к причине», «от утверждения к его обоснованию» или «от обоснования к выводу», «от общего к частному» или «от частного к общему»¹.

3. Прочитайте варианты текстов и определите способ изложения материала в каждом из них (индуктивный или дедуктивный). Объясните значения выделенных слов.

1) Известный ученый Лев Николаевич Гумилёв в книге «Этногенез и биосфера Земли», давая определение этнического стереотипа поведения, писал, что когда члены одного этноса вступают в контакт с членами другого этноса, то первое, что их удивляет, а иногда и шокирует, – это нормы отношений, принятые в другом этносе, Примеров этому множество. Так, древний афинянин, побывав в Ольвии, с негодованием рассказывал, что скифы не имеют домов, а во время своих праздников напиваются до бесчувствия. Скифы же, наблюдая вакханалии греков, чувствовали такое омерзение, что, однажды увидев своего царя, гостившего в Ольвии, в венке и с тирсом в руках в составе процессии ликующих эллинов, убили его. Рыцари, захватившие Палестину, возмущались арабским обычаем многоженства, а арабы считали бесстыдством незакрытые лица французских дам и т.д.

2) Известный ученый Лев Николаевич Гумилёв в книге «Этногенез и биосфера Земли» привел серию любопытных примеров. Так, древний афинянин, побывав в Ольвии, с негодованием рассказывал, что скифы не имеют домов, а во время своих праздников напиваются до бесчувствия. Скифы же, наблюдая вакханалии греков, чувствовали такое омерзение, что, однажды

¹ Русский язык и культура речи. Семнадцать практических занятий / Под ред. Е.В. Гангопольской, А.В. Хохлова. – СПб., 2006. – С. 201.

увидев своего царя, гостившего в Ольвии, в венке и с тирсом в руках в составе процессии ликующих эллинов, убили его. Рыцари, захватившие Палестину, возмущались арабским обычаем многоженства, а арабы считали бесстыдством незакрытые лица французских дам и т.д. Традиции одного народа (этноса) воспринимались другим как чудачества. Другой же народ считал их единственно возможным способом общежития и вовсе ими не тяготился. Причину этого Л.Н. Гумилев видел в существовании этнического **стереотипа** поведения.

4. Прочитайте микротексты, определите их разновидности. Выделите в каждом из них главную информацию и кратко запишите ее в виде одного предложения.

А. ШАХ – царский титул чисто персидского происхождения, Так титуловались персидские монархи до 226 года христианской эры, когда основатель династии Сасанидонов, Арташир Первый, принял титул ШАХ-ИН-ШАХА, что означает «царь царей». С той поры титул шаха присваивался в Персии некоторым крупным владетельным князьям и подчиненным шах-ин-шаху царькам.

Б. Одним из производных от шаха был титул ШАХРАДАР, соответствующий княжескому. Его имели некоторые правители подчиненных Персии областей.

В. Титул шаха позже был заимствован другими, смежными с Персией, странами, причем иногда он неразрывно связывался с названием соответствующего государства, Так, например, монархи Хорезма титуловались хорезмшахами, Ширвана – ширваншахами и т.д. Пользовались им и некоторые татарские ханы и князья, – очевидно, те, которые имели матерей-персианок царской крови.

Г. Турецкие монархи в последние века официально титуловались ПАДИШАХАМИ. Этот титул соответствует императорскому, как и шах-ин-шах.

(Гумилёв Л.Н. Мусульманские титулы и звания)

Обучать современных студентов следует с помощью технологии развития критического мышления. В этом плане огромный интерес представляет анализ текстов, применение текстов в виде дидактической единицы. Задача преподавателя состоит в подборе интересных, насыщенных познавательной информацией текстов, в продумывании плана анализа текста для рассмотрения его под «лингвистическим микроскопом» в зависимости от целей изучаемой темы. Привлечение текстовых материалов из работ Л.Н.Гумилева с ярко выраженным авторским стилем в учебных целях представляет огромный интерес, даёт широкие возможности и имеет несомненную значимость.

К. К. Ахметова

Л.Н. ГУМИЛЕВ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ-КАЗАХОВ

Обучение языку всегда трудный многоаспектный процесс. Русский язык, являясь языком русской нации, государственным языком Российской Федерации, одним из рабочих языков ООН, языком межнационального общения в постсоветских государствах, в последние годы приобретает статус полинационального, что привносит свою специфику в процесс обучения. Республика Казахстан сумела достойно оценить функцию русского языка как познавательного инструмента, как консолидирующего фактора в жизни казахстанского общества, населяемого представителями более 120 наций, в обучении русскому языку студентов-казахов.

Лихие 1990-е пронесли не только в личных судьбах, но и такого великана как СССР и его составляющих пятнадцати государств в т.ч. и Казахстана. В такое трудное, непонятное и в чем-то даже жуткое время президент Республики Казахстан Н. Назарбаев обращается к теории и практике евразийства и не просто изучает, пропагандирует, а действует. Мы с гордостью можем сказать, что первыми обратились не только к творчеству, но и

лично к самому Л.Н. Гумилёву – вот только неумолимое время и все пережитое не дало корифею воочию увидеть казахстанских поклонников его теории и творчества, но его дело, как принято хрестоматийно говорить, живет и ширится. Пример тому – празднование его 100-летнего юбилея. В Казахстане весь год объявлен юбилейным и общественность это широко подхватила. Я хочу обратить внимание на последний абзац одной из юбилейных статей: «В мае 1996 года Акмолинский университет был преобразован в Евразийский университет им. Льва Николаевича Гумилёва. Так закончились тернии великого ученого, так пришло к нему народное признание¹. С мая 1996 года начинается жизнь Л.Н. Гумилёва в стенах этого университета, где организуют научно-исследовательский центр «Евразия», кафедру «Евразийских исследований», в учебные планы университета как общеобразовательную дисциплину введут курс «Теория евразийства», откроют музей Л.Н. Гумилёва и каждый учебный год в первый учебный день перед первокурсниками всех факультетов ведущие ученые университета читают лекции о жизни и творчестве великого евразийца, выпускается сборник, снимаются фильмы. В этом же русле работает и кафедра теоретической и прикладной лингвистики, ведомая ее заведующей профессором Журавлевой Е.А.

Общеизвестно, что обучение русскому языку студентов с казахским языком обучения ведется на коммуникативной основе, где основной единицей является текст как образцовый, так и продуцируемый самими студентами. Текст создается ради того, чтобы объективировать мысль автора, воплотить его творческий замысел, передать знания и представления о человеке и мире, вынести эти представления за пределы авторского сознания и сделать их достоянием других людей². Исходя из этого, ежегодное учебное сочинение «ЕНУ им Л.Н.Гумилёва – лучший университет Казахстана» мы объявили конкурсным, присовокупив «посвящается 100-летнему юбилею Л.Н. Гумилёва», работу писало 50 студентов факультета социальных наук и физико-

¹ Могильницкий В. Подчеркнуто нами. // Казахстанская правда. - 28 сентября. – 2012. – С. 24.

² Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ текста. – М., 2005. С. 13.

технического факультета. Естественно, им было трудно по нескольким причинам: во-первых, это первокурсники, только-только освоились в стенах альма-матер; во-вторых, зная систему русского языка, имея представление о стилях речи, они почти не имеют опыта творческой работы; в-третьих, обилие материала в интернете как о Л.Н. Гумилёве, так и об университете, носящем его имя и четвертое, что всех их сбивало на реферативный путь и дифирамбы в адрес университета – это достижения университета за последний год: 369 позиция из 17000 вузов в мировом рейтинге и первая позиция среди вузов Казахстана. Поэтому многие работы были отклонены, но и среди таких работ находились «изюминки», например, Рамазан Ельтай в своем сочинении привел прозорливые слова самого Льва Николаевича Гумилёва:

В чужих словах скрывается пространство

Чужих грехов и подвигов череда,

Измены и глухое постоянство

Упрямых предков, нами никогда

Невиданное. Маятник столетий,

Как сердце, бьется в сердце у меня.

Чужие жизни и чужие смерти

Живут в чужих словах чужого дня.

Студент пытается понять, что же хотел сказать поэт этими стихами и приходит к выводу, что автор здесь констатирует отстранение его обществом, т.е. непризнание. Конечно, это спорно, но это мнение молодого человека, говорящего и пишущего, в основном, на казахском языке. Предложили ему выразительно прочитать эти строки на итогах, что он и сделал с удовольствием. По-моему, он еще вернется к этой теме. Почти все приводят биографическую справку: Лев Николаевич Гумилёв – русский ученый, историк-этнолог (доктор исторических и географических наук), поэт, переводчик с фарси. Основоположник пассионарной теории этногенеза. Пытаются при

этом осмыслить термин пассионарность, отмечая при этом, что «очень символично, что наш Президент присвоил Евразийскому университету имя великого тюрколога, выдающегося мыслителя и истинного евразийца – Льва Николаевича Гумилёва, чей 100-летний юбилей отмечает вместе с нами все мировое сообщество (Молдабаева Асия, РЭТ-13). Студентка Рамазанова А. в своем сочинении пишет следующие строки, подчеркивающие значимость личности и достижений Л.Н. Гумилёва: в августе 2005 года в Казани «в связи с днями Санкт-Петербурга и празднованием тысячелетия города Казань» Льву Гумилёву был поставлен памятник, на постаменте которого выбиты слова: «Русскому человеку, всю жизнь защищавшему татар от клеветы». По личной инициативе президента Казахстана Нурсултана Назарбаева в 1996 году в столице Республики Казахстан Астане именем Льва Николаевича Гумилёва был назван один из вузов страны – Евразийский национальный университет. В 2012 году научная общественность Казахстана, стран СНГ и мира отмечает 100-летний юбилей Льва Николаевича Гумилёва (1912-1992) – выдающегося ученого XX века, автора фундаментальных работ по истории тюркских и славянских, азиатских и европейских народов, известного специалиста в области исторической этнологии и исторической географии. Имя и наследие Л.Н. Гумилёва принадлежат не только стране, в которой он жил, но и всему миру. За прошедшие годы наш университет стал крупным столичным центром науки и образования. В частности, на его базе, начиная с 2002 года (то есть с 90-летия Л.Н. Гумилёва), проведено девять международных Евразийских научных форумов, посвященных изучению наследия Л.Н. Гумилёва, идеям взаимодействия Европы и Азии, запада и Востока. В Евразийском университете создан Музей-кабинет Л.Н. Гумилёва, в котором хранится подлинный рабочий кабинет ученого из его московской квартиры, некоторые личные вещи, письма коллегам. Л.Н. Гумилёв не только ученый, но и крупный мыслитель, жизнь и творчество которого является примером неустанной работы во благо народов Мира и может служить образцом для подражания в становлении молодого человека. 1 октября 1912 года родился замечательный

ученый, историк, энциклопедист Лев Гумилёв, имя которого носит наш университет. И хотелось бы, чтобы эта дата не забывалась нами, особенно в университете, носящем его имя. Естественно, учеба в таком ВУЗе обязывает многому. Учитывая высказывания ученых, что XXI век «век Гумилёва», мы тоже должны учиться, «искать друзей», дерзать и активно влиться в ряды евразийцев.

В унисон с ней пишет и Курманова Анар: «Л.Н. Гумилёв – ученый с мировым именем. Автор науки и термина этногенез, написавший ряд трудов по истории тюрков, где открыто восхищается достижениями кочевников. Отрывок из книги Л.Н. Гумилёва «История тюрков»: «Значение древних тюрков в истории человечества было огромным, позволяло обходить трудности источниковедческого, ономастического, этнонимического и топонимического характера», подчеркивает неординарность трудов ученого.

Л.Н. Гумилев прошел все круги ада Сталинских лагерей, один из немногих осужденных, участников Великой Отечественной войны, дошедший до Берлина». Студент Кадыр Мирас обращает наше внимание на следующий момент из жизни и деятельности ученого: Лев Николаевич Гумилёв в одном из своих интервью сказал, что «настоящие евразийцы, то есть кочевники, отличались двумя качествами – военной храбростью и безусловной верностью. И на этих принципах, то есть на принципе своего героизма и принципе личной верности они создавали великие монархии». Он исследовал Азию, историю древней культуры кочевников и добавил центр культуры во всемирную историю» – из работы другого студента (Бижанов А.). «Я думаю, что нашему президенту хотелось поднять уровень университета. Поэтому глава государства решил назвать наш университет именем Л.Н. Гумилёва. Л.Н. Гумилёва знает весь мир» (Оспанов Ж.).

«Л.Н. Гумилёв – выдающийся ученый XX века, автор фундаментальных работ по истории тюркских и славянских, азиатских и европейских народов. Он – сын знаменитых поэтов «Серебряного века» Анны Андреевны Ахматовой и Николая Степановича Гумилёва. Отвечая на вопрос, что такое

Евразия, Л.Н. Гумилёв сказал: «Евразия похожа на двугорбого верблюда, один горб которого Россия, а второй горб – это Казахстан. И если эти государства всегда будут дружить, Евразия имеет далеко идущие перспективы», – отмечает студентка Ташмакова Т. «Вся его жизнь была связана с изучением кочевых народов Азии. Значит, кочевников прославляет Гумилёв, а за счет кочевых народов имя ученого становится известным миру. Как говорил сам Лев Николаевич «Смысл моей жизни был в том, чтобы восславить и воздать должное истории кочевых народов Азии, которых я искренне любил», – подчеркивает студент Каирбаев Б. Еще много извлечений можно привести из студенческих сочинений, воздающих дань памяти жизни и труду великого евразийца. Но мы приведем здесь стихотворение пенсионерки из г. Павлодара Айтымовой Мактай, презентованное на подведении итогов конкурсного сочинения ее внучкой Жумабаевой Асель, студентки второго курса факультета социальных наук: «Л.Н. Гумилёвтің 100жылдығына»:

Алтайдан Орта Теңіз батысқа еңдей	Келген соң қайта бастап кандидатын
Якуттан Орта Азия Қытайға көлбей	Қорғаған түркі тілдің қағанатын
Түркі тілді халықтың қағанатын	Тарихын түркі тілдің теріс танып Кесім
Зерттеген ғалым болмас Гумилевтей	берді жеті жылға айдалатын

Жасаған бар өмірін 80 жасын	Жер қазып отын жағып жол төседі
Зерттеуге түркі тілді иген басын	Кесімнің де ауыры сол кез еді
Саха мен гуннен шыққан бурят хакас	Басқа түскен қиынның бәрін жеңіп
Орта Азия жерінің бар тайпасын	Ерлікпен жеті жылдың өтелгені

Жақпады түркі тілді жақтағаны	Шыққан соң бостандыққа өтеп жылын
Ғалымдар мен теке тірес басталғаны	Қайтпас қайсар қайраты сондай мығым
Ұлтың өніп өсуін зерделейтін	Эрмиитажда еңбегін жалғастырып
Этнология пәніне жол ашқаны	Жазып шықты екі жүз дей зор

Ғылымын

Басталған қуғын сүргін содан былай	Зерттеген татарлардың арғы тегін
Құрбаны саясаттың болған талай	Тарихқа сарп етті ғой бар өмірін
Гумилевта жабылып абақтыға	Алысқан Арыстандай Гумилевқа
Өлімнің жазасына кеткен солай	Қазанның қаласында қойған мүсін
Қайраты қарсыласқа мұқалмаған	Ұшырап талай сынға мұқалмаған
Сенімі әділдікке жоғалмаған	Тарихтан лауреат деп атақ алған
Кешіріп өлім жаза жеңілдікпен	Еуразия Ұлттық оқу орны
Айдалып Колымаға жер аударған	Атақты Гумилевтің атын алған
Басынан қиындықты талай кешкен	Зерттеген өмір бойы түркі тілді
Сұрапыл соғыс өрті келіп жеткен	Ғылымы Гумилевтің жастарға үлгі
Лагерден соғысқа енді тағы айдап	Тарихтың бетін ашып терең бойлап
Жауынгер боп Берлинге дейін жеткен	Өткізер оқу менен талай күнді

Достаточно беглого взгляда на эти строки, чтобы убедиться в искренности чувств пожилой казашки, гордой тем, что ее внучка учится в одном из престижных вузов страны – «ЕНУ им. Л.Н. Гумилева». Самобытному автору этих строк удастся отразить весь жизненный путь Великого евразийца, от рождения, унижений, гонений до возрождения, заключив свое стихотворение словами, означающими примерно следующее, «пережив невзгоды, став лауреатом, Гумилев дал свое имя университету» (дословно «университет получил имя Л.Н. Гумилева»). С последним четверостишием Айтымовой М., подчеркивающим значимость трудов ученого перекликаются и следующие строки из сочинения Ибадуллаевой А., которыми мы хотим завершить статью: «Его основные работы: «Этногенез и биосфера земли», «Конец и вновь начало», «Древняя Русь и великая степь», «Древние тюрки», «История народа хунну» и многие другие. Особо хочу отметить его книгу «Древние тюрки». Эта книга начинается со слов: «Посвящаю эту книгу нашим братьям –

тюркским народам Советского союза». Эти слова доказывают, что любовь Л.Н. Гумилева к тюркским народам безгранична.

«Называйте меня евразийцем», – сказал он в одном из своих интервью. «Суть евразийства в общих судьбах, в неразрывной связи народов континента Евразий», – писал Л.Н. Гумилев. Хотя судьба Л.Н. Гумилева была тяжелой, но он смог доказать свою идею «евразийства» и остался в памяти многих людей, населяющих континент Евразия. В этом году Льву Николаевичу исполняется ровно 100 лет. Недавно было торжественное возложение цветов к бюсту Л.Н. Гумилева. Эта честь досталась мне, студентке 1-го курса факультета социальных наук. Когда я возлагала цветы, меня переполняло чувство гордости за свой университет». Этими строками мы завершаем экскурс в один из приемов обучения русскому языку студентов-казахов: использование фактов истории и культуры страны изучаемого языка.

Барина Е.Б.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЛИЯНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ В ПАРФИИ, БАКТРИИ, МАРГИАНЕ, СОГДИАНЕ И УСТРУШАНЕ В ДОМОНГОЛЬСКИЙ ПЕРИОД

Проникновение материальной культуры Китая в Среднюю Азию осуществлялось за счет таких факторов как: культурные центры по маршрутам торговых путей, участие китайцев в сфере торговли, ремесел и искусства, а также как результат осуществления китайской официальной доктрины распространения имперского влияния на окружающие народы.

Помимо торговли, важным аспектом проникновения китайской культуры, прежде всего материальной, в Среднюю Азию были дипломатические контакты, которые сопровождались активным обменом посольствами и дипломатическими миссиями, а, следовательно, и подношением подарков. Идеи распространения китайского влияния отвечали и такие дипломатические

приемы как заключение договоров, гарантии которых обеспечивались заложничеством или династийными браками. И бывшие заложники, воспитанные в конфуцианском духе, вернувшись домой, и китайские принцессы с огромной свитой отправленные на Запад, становились проводниками китайской культуры в Средней Азии.

Особое географическое положение региона, находящегося на перекрестке взаимодействия китайской империи с западными и северными цивилизациями, обусловило специфику исторического и культурного развития населения Средней Азии. Подобно многим народам, чья этническая история протекала в сложном контакте с разнородными цивилизациями, население Средней Азии всегда жило во взаимодействии многих культур. Это подтверждается большим количеством разнообразных материалов, которые доносят до нас конкретные черты древней и средневековой культуры этого региона. Изучение материалов показывает, что исторические связи между Восточно-азиатским регионом и Средней Азией были значительно более широкими, чем это представлялось прежде, и наряду с материальной охватывали также и духовную культуру.

Сама Средняя Азия – это достаточно четко очерченный регион, который охватывает области оседлоземледельческой культуры от восточного побережья Каспийского моря до гор Тянь-Шаня. В состав этого региона включаются следующие области: Северная Парфия, представляющая собой цепочку небольших оазисов, протянувшихся вдоль северных отрогов Копетдага и ограниченных с севера пустыней Каракумы; Маргиана (Мервский оазис) – довольно значительный по размерам оазис, возникший в низовьях р. Мургаб и окруженный со всех сторон песками пустыни Каракумы; ряд оазисов в долинах рек Зеравшан и Кашкадарья, представлявших собой в древности единую историко-культурную область Согдиану (Согд). С востока к Согду примыкала Уструшана, занимавшая территорию по течению Сырдарьи в районе Джизака – Ходжента и горы на юг от этой области. Несколько областей располагалось вдоль берегов р. Амударьи (и ее притоков): в верхнем течении по

обоим берегам лежала Бактрия; по среднему течению шла цепочка оазисов (неизвестно, имели ли эти оазисы в древности какое-либо собирательное наименование); в низовьях Амударьи находился Хорезм. Самую восточную часть древней Средней Азии занимали еще две оседлоземледельческие области: Чач (Ташкентский оазис) и Фергана (Ферганская котловина)¹.

Путь проникновения китайцев на Запад был четко обозначен «следами» в виде артефактов, оставляемых на территории памятников во многих областях Средней Азии.

Парфией первоначально называлась область исконного обитания парфян. Наиболее раннее документальное упоминание этой области зафиксировано в надписях ахеменидских царей, в частности в Бехистунской надписи. Парфия была небольшой страной, занимавшей Туркмено-Хорасанские горы и прилегающие к ним участки Большой Соляной пустыни и Каракумов, которые ограничивали пределы Парфии с юга и севера, на западе она граничила с Гирканией, а на востоке с Ареей². После превращения Парфянского государства в мировую державу в середине II в. до н.э. Парфией стала называться вся обширная территория, находящаяся под ее влиянием.

Одной из территорий, включенных в Парфянскую державу, была Маргиана – одна из древних историко-культурных областей Средней Азии, располагавшаяся в глубине пустыни Каракумы, на территории Мервского оазиса, орошавшегося водами дельты р. Мургаб. Мервский оазис играл важную роль в международной торговле. Он лежал на одном из важных этапов «великого шелкового пути», связывавшего Средиземноморье с Дальним Востоком. В связи с развитием этой торговли некоторые исследователи ставят находки в Мервском оазисе двух Пальмирских рельефов³. Об этом же свидетельствует множество мелких находок (фрагменты шелковых тканей, кусочки киновари и т.п.).

¹ Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии // СА. - М., 1985. - С. 178.

² Массон М.Е. Городища Нисы в селении Багир и их изучение // ТЮТАКЭ. I. 1949.

³ Массон М.Е. Две пальмирские скульптурные стелы из Мервского оазиса // Изв. АН ТССР. СОН. 1. 1966.

Замковое сооружение на *городище Эрк-кала (Старый Мерв)* было обследовано в 1955–1957 гг. Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией под руководством М.Е. Массона¹. Памятник датируется III в. При обследовании городища были обнаружены фрагменты гладких шелковых тканей². Исследовав шелковые ткани на городище Эрк-кала, З.И. Усманова пришла к выводу, что гладкие алые шелковые, довольно легкие ткани были излюбленными в Мерве и пользовались большим спросом у женщин³. Такая популярность шелка объясняется тем, что Мерв был промежуточным центром торговых отношений Китая, Средней Азии с Западом, через который проходила Шелковая дорога. Шелководство же в самом Мерве появилось еще до VI в. из Восточного Туркестана, а затем, по словам Истахри, через Джердан, поникло в Византию⁴.

Особый интерес представляют находки крупнозернистого и мелкозернистого риса в одном из помещений Эрк-калы. Принято считать, что крупнозернистый рис стал проникать в Среднюю Азию из Китая во II в. до н.э. – III в. н.э. Однако, судя по тому, что рис встречается в помещениях Мерва в больших количествах⁵, можно предположить, что он культивировался на месте.

Название области Средней Азии – Бактрия, которое впервые упоминается в клинописных источниках VI в. до н.э., просуществовало, по крайней мере, до IV в. н.э., когда оно было сменено названием Тохаристан (по имени индоевропейского народа тохаров, обосновавшегося в древности на этой территории). Однако имя древней страны и ее столицы Бактр сохранялось в средние века в названии главного города Тохаристана – Балха. В сочинениях античных авторов существует мнение, что р. Амударья служила границей

¹ Усманова З.И. Новые находки фрагментов древних тканей на Эрк-калы в старом Мерве // Известия АН ТССР. СОН. Ашхабад. - 1961. - № 2. - С. 44–51.

² Федорович Е.Ф. Исследования древних тканей из раскопок ЮТАКЭ в старом Мерве // ТЮТАКЭ. Т. XIV. Ашхабад, 1969. - С. 60, 61.

³ Усманова З.И. Эрк-кала // ТЮТАКЭ. Т. XII. Ашхабад, 1968. - С. 69.

⁴ Цит. по: Массон М.Е. Фрагмент из истории распространения в древности шелкопряда *Vombox mori*. Белек-Фрунзе, 1946. - С. 49.

⁵ Усманова З.И. Эрк-кала // ТЮТАКЭ. Т. XII. Ашхабад, 1968. - С. 80.

между Бактрией и другой крупной историко-культурной областью Средней Азии – Согдианой. Однако такое несколько формальное проведение границ историко-культурных областей по крупным водным артериям вызывало сомнения исследователей. Например, В. Томашек полагал, что под Бактрией следует понимать области по среднему течению Амударьи, как к югу, так и к северу от самой реки¹. Современные исследования показывают, что Амударья служила границей между Бактрией и Согдианой только на одном очень узком участке (в районе Келифа). Более того, М.М. Дьяконов писал, что реки вообще не разъединяют, а объединяют орошаемые ими оазисы². Большинство современных исследователей следуют именно этой точке зрения, последовательно проанализированной Б.Я. Стависким³.

Что касается Тохаристана, то в средневековой географической литературе существовало два понимания этого термина. Согласно первому, по сообщению Сюань Цзяня, Тохаристан простирался от Гиндукуша на юге до гор, разделявших бассейн Амударьи и Кашкадарьи на севере⁴. В этом же аспекте обычно рассматривали Тохаристан и арабские географы⁵. Согласно другому подходу, под Тохаристаном понималась небольшая провинция, лежащая к востоку от Балха и ограниченная с севера Амударьей, а с юга северными отрогами Гиндукуша⁶. Большинство современных исследователей территорию Бактрии-Тохаристана принимают в расширительном варианте, что находит полное подтверждение в археологических материалах, практически идентичных на левом и на правом берегах Амударьи.

Раскопки дворца (I-II в.) в районе Халчаяна в долине р. Сурхандарьи были произведены в 1959-1963 гг. искусствоведческой экспедицией под ру-

¹ *Tomaschek W.* Baktriane // Pauly's Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft begonnen von G. Wissowa. – Stuttgart, 1896.

² *Дьяконов М.М.* Сложение классового общества в Северной Бактрии // СА. - 1954. - С. 123.

³ *Ставиский Б.Я.* Кушанская Бактрия. Проблемы истории и культуры. - М., 1977. - С. 136–137.

⁴ *Beal S.* The Life Hiuen Tsiang. - London. 1888. - P. 37.

⁵ *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. I. - М., 1963. С. 118; *Бартольд В.В.* Тохаристан // Сочинения. Т. III. - М., 1965. - С. 515.

⁶ *Бартольд В.В.* Тохаристан // Сочинения. Т. III. - М., 1965. - С. 515.

ководством Г.А. Пугаченковой¹. В комнате № 8 в завале между нижним и верхним полами был обнаружен кусок гладкой шелковой ткани розового цвета².

Комплекс Курган расположен в 0,5 км к юго-востоку от городища Старый Термез. В 1975 г. памятник исследовала экспедиция Сурхандарьинского областного историко-краеведческого музея под руководством В.А. Козловского. Курган представлял собой развалины здания VII–VIII вв., возведенного на остатках здания первых веков нашей эры. В них были обнаружены захоронения, которые датируются найденными там монетами местного чекана V – начала VI в. Значительную часть находок составляют хорошо сохранившиеся ткани, как местные (шерстяные и хлопчатобумажные), так и привозные шелковые, включая гладкие, и камчатные, и полихромные (находки не изданы)³.

Архитектура и монументально-декоративное искусство правобережного Тохаристана представлены рядом памятников на юге Узбекистана и Таджикистана⁴. Один из них – буддийский монастырь VII – начала VIII в., остатки которого под названием Аджина-тепе в Вахшской долине (на юге Таджикистана) раскапывались в 1960–1971 гг.⁵ Среди предметов, найденных на памятнике можно отметить бронзовое китайское зеркало.

Также китайское зеркало арочного типа⁶ найдено в Сурхандарьинской области в Северной Бактрии.

Одна из крупнейших областей древней Средней Азии – Согдиана. Спор о ее границах, особенно южных, продолжается до настоящего времени. Точ-

¹ Пугаченкова Г.А. Халчаян: К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. - Ташкент, 1966.

² Там же. С. 54; Она же. Искусство Бактрии эпохи Кушан. - М., 1979. - С. 82.

³ Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути. - М., 1994. - С. 91.

⁴ Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могил Западной Ферганы. - М., 1978. - С. 101.

⁵ Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджина-тепа. Архитектура. Живопись. Скульптура. - М., 1971.

⁶ Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могил Западной Ферганы. - М., 1978. - С. 163; Ртвеладзе Э. В., Хакимов З.А. Маршрутные исследования памятников Северной Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973. - С. 8. Рис. 4/3.

ку зрения античных авторов о том, что Согд граничил с Бактрией по Амударье, мы уже рассматривали. Средневековые арабоязычные авторы Согдом обычно считали долину р. Заравшан в ее среднем течении. Однако некоторые источники относят к Согду всю долину Заравшана с Бухарой и Самаркандом, а также и долину Кашкадарьи с городами Кеш и Несеф¹.

Согласно современным представлениям, Согд охватывал долины этих рек, западная граница проходила по пескам, ограничивающим Бухарский оазис, восточная – по предгорьям. Согд делился на три района: Самаркандский, Бухарский и Кашкадарьинский. Население всех этих трех районов было этнически однородным и чрезвычайно близким по уровню и характеру культуры. Два района Согда (Самаркандский и Бухарский) располагались в долине р. Заравшан. Границей между Самаркандским и Бухарским Согдом является Хазаринская теснина. После ее пересечения Заравшан течет к юго-западу и образует конусообразный Бухарский оазис. Долина Кашкадарьи расположена между двумя западными отрогами Памиро-Алтайской горной системы – Зеравшанским и Гиссарским хребтами. В верхней ее части, охваченной с востока горами, находится обширный Шахрисябзский оазис, а в нижней, вне горного обрамления, среди степной равнины, сливающейся на западе с пустыней Кызылкумы, – Каршинский оазис. Между этими двумя крупными массивами орошаемых земель раскинулись степные пространства, в которые вкраплены небольшие участки освоенных еще в древности земель.

Среди находок из *буддийского сооружения в долине Саназара* в Зеравшанской долине² было бронзовое зеркало, вариант арочного типа, аналогичный найденному на памятнике Сурх II.

Древнее *городище Афрасиаб* расположено на территории современного Самарканда. В 1968 г. на памятнике было вскрыто несколько помещений первой половины VIII в., в том числе и зал с росписями. Один из сюжетов

¹ Бартольд В.В. Согд // Сочинения. Т. III. - М., 1965. - С. 487–488.

² Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. - М., 1978. - С. 101; Альбаум Л.И. Буддийский храм в долине Саназара // ДАН УзССР. - 1955. - № 8. - С. 59. Рис. 3; Litvinsky B.A. Outline history of Buddhism in Central Asia. – Moscow, 1968. - P. 26, 87.

росписей – приношение даров самаркандскому царю. Особой группой среди изображенных выделяются четыре фигуры в центральной части западной стены. Глава этой группы стоит спиной к зрителям, в его руках три рулона ткани. Трое других дароносцев подходят с правой стороны. Один из них несет шелковую пряжу, второй – гроздь плодов, третий держит свиток¹. По описанию Л.И. Альбаума, они резко отличаются от других изображений явно монголоидным этническим обликом. Волосы коротко острижены или подняты кверху и собраны в пучок на макушке, как это делали китайцы, а поверх надета шапочка, перетянутая лентой, концы ее спускаются к шее. Одеты они в шелковые халаты с широкими рукавами, иногда закрывающими кисти рук – костюм, характерный для китайской одежды. Таким образом, на стене одного из афрасиабских дворцов изображена сцена приношения даров и свитка от императорского двора согдийскому царю китайскими посланцами². Появление такой сцены можно объяснить центральным положением Самарканда среди согдийских владений и местом пересечения международных торговых путей.

Гора Муг находится в 120 км к востоку от Самарканда напротив кишлака Тухмат на левом берегу р. Зеравшан, в небольшой излучине. На вершине горы, представляющей естественную оборонительную позицию, расположены развалины небольшого согдийского замка. Эта крепость сейчас известна под названием Мугкала или Калаи Муг «Крепость магов». В литературе за ней закрепилось название «Замок на горе Муг» или «Мугский замок». Археологические работы в замке были произведены в 1933 г. А.И. Васильевым³ и А.А. Фрейманом⁴.

Главным результатом раскопок были находки документов на согдийском, арабском и китайском языках (8 экз.). Эти документы представляют

¹ *Альбум Л.И.* Новые росписи Афрасиаба // Страны и народы Востока. - М., 1971. - С. 88.

² Там же. - С. 88–89.

³ *Васильев А.И.* Согдийский замок на горе Муг // Согдийский сборник. - Л., 1934. - С.18–32.

⁴ *Фрейман А.А.* Находка согдийских рукописей и памятников материальной культуры в Таджикистане // Согдийский сборник. - Л., 1934. - С. 7–17.

остатки нескольких архивов местных княжеств первой четверти VIII в., прежде всего, архива Диваштича – владельца Пенджикента¹.

Существенное место среди находок занимают ткани². Они были обнаружены на террасе перед замком и в комнате IV, бывшей, по-видимому, жилой комнатой владельца замка. Среди шелковых тканей (44 фрагмента) есть как привозные китайские, так и местного производства³. Большую часть китайского импорта составляют газтовые ткани типа тафты. Узорные ткани (камки и полихромные) украшены главным образом цветочным орнаментом. Здесь же имеется фрагмент картины на шелку⁴.

Помимо этого на памятнике были найдены лаковые изделия и 5 фрагментов деревянной чашечки китайского производства, покрытой черным лаком, на фоне которого изображены желтые и оранжевые человеческие фигурки⁵. Три фрагмента представляют собой части стенок. Два других – части плоского дна, на котором желтой и оранжевой краской поверх черного лака даны изображения человеческих фигур. На одном фрагменте сохранилось изображение ноги, согнутой в колене и части одежды. Рисунок одежды нанесен тонким слоем желтой краски, через которую просвечивает лак. На другом фрагменте сохранились остатки изображения одежды (также нанесенной тонким слоем желтой краски) с оранжевой каймой⁶.

Современный Пенджикент это крупный поселок городского типа расположенный на левом берегу р. Зеравшан в 6 км от Самарканда. Остатки древнего Пенджикента – *городище Кайнарсу* – лежат на третьей террасе Зеравшана на возвышенности, в двух километрах к юго-востоку от современно-

¹ Поляков А.С. Китайские рукописи, найденные в 1933 г. в Таджикистане // Согдийский сборник. - Л., 1934. - С. 103; Лившица В.А. Юридические документы и письма / Чтение, перевод и комментарии. В. А. Лившица // Согдийские документы с горы Муг. - Вып. II. М., 1962. - С. 17, 52.

² Винокурова М.П. Ткани из замка на горе Муг // ИООН АН ТаджССР. № 14. - Сталинабад, 1957.

³ Смирнова О.И. Очерки из истории Согда. - М., 1970. - С. 151–155.

⁴ Иерусалимская А.А. «Великий Шелковый путь» и Северный Кавказ. - Л., 1972. - С. 14.

⁵ Коллекция с горы Муг хранится в Отделе востока Гос. Эрмитажа. № СА 9151–9154 – лаковые изделия.

⁶ Бентович И. Б. Находки на горе Муг (Собрание Государственного Эрмитажа) // МИА. № 66. - М.; Л., 1958. - С. 365.

го города и занимают площадь около 14 га. Своим названием городище Кайнарсу (дословно «кипящая вода») обязано святилищу, еще до недавнего времени почитаемому местным населением.

В географической литературе Пенджикент упоминается как единственный, кроме Самарканда, город к югу от реки Зеравшан, имевший соборную мечеть. Это обстоятельство указывает на то значение, которое имел Пенджикент как культурный и религиозный центр района. В 1946 г. А.Ю. Якубовский организовал Таджикско-согдийскую экспедицию и положил начало систематическому изучению археологических памятников Таджикистана, в частности, городища Кайнарсу.

Раскопки городища открыли остатки большого города первой половины VIII в., окруженного в прошлом массивными стенами и защищенного сильной, вынесенной за его стены цитаделью. В северо-восточной части города располагались два больших храмовых комплекса, стены помещений которых были украшены настенной живописью на мифологические и эпические сюжеты. На стене помещения VI находится изображение чиновника из Китая выполненное в типичной манере китайской живописи¹.

Среди импортных китайских вещей, найденных на памятнике можно выделить зеркала и монеты. Одно из зеркал было обнаружено в согдийском храме. Из-за неблагоприятных условий хранения зеркало дошло до нас в плохом состоянии. Ясно, что оно было покрыто рельефным орнаментом, однако металл настолько окислен, что не поддается очистке. Наиболее характерным признаком, по которому оно атрибутируется как китайское, является ушко с отверстием на обратной стороне. Второе зеркало, найденное в слое VIII в. типичное танское с петелькой в виде фигурки льва.

На древнем городище представлен импортный китайский нумизматический материал, описанный в каталоге О.И. Смирновой². Самые ранние из

¹ *Беленицкий А.М.* Об археологических работах Пенджикентского отряда в 1958 г. // Труды Института истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР. Т. XXVII. - Сталинабад, 1961. - С. 94. Рис. 6.

² Там же. - С. 60

найденных на памятнике монет относятся к I в. Это, во-первых, монета времени Ван Мана. На аверсе изображены два иероглифа по двум сторонам квадратного отверстия, заключенного в узенькую рамочку, Бу-цзюань. По краю узкий ободок. Обратная сторона гладкая, с такой же, как и на аверсе, рамочкой и ободком. Во-вторых, деградировавшего типа монета достоинством в 5 шу (у-шу) Ханьской династии. На лицевой стороне следы надписи, обратная сторона гладкая. В центре – большое квадратное отверстие 7 мм.

Следующей по времени была китайская медная монета династии Северных Чжоу (575–579 гг. н.э.), описанная Б.Я. Стависким¹. Она была найдена возле восточной крепостной стены пенджикентского шахристана.

К северу от помещения № 64 на поверхности второго пола была обнаружена монета династии Тан с изображением неполного полукруга. О.С. Смирнова датирует монету серединой VII в. Однако сейчас известно, что такие монеты выпускались в Китае в 713–741 гг. На аверсе изображены четыре иероглифа, расположенные крест-накрест по четырем сторонам квадратного отверстия, заключенного в узкую рамочку: Кайюань тунбао – «Расходная монета (периода) Кайюань». По краю кружка широкий и гладкий ободок. На реверсе слева внизу неполное полукружие с лунообразным утолщением в середине, обращенное выпуклостью к квадратному отверстию². Справа от полукружия нарост металла в виде бугорка. По краю кружка широкий плоский ободок³.

И, наконец, в восточной части Пенджикента в помещении 44 комплекса I была найдена большая монета китайского типа с квадратным отверстием. С одной стороны видны три иероглифа. К сожалению, сведений об этой монете сохранилось не много. Она лишь упомянута в одном из отчетов О.Г. Большакова⁴.

¹ Ставиский Б.Я. Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища (объект VI) в 1951–1959 гг. // МИА. № 124. - М.; Л., 1964. С. 172.

² По китайскому сказанию это след ногтя императрицы.

³ Смирнова О.И. Каталог монет с городища Пенджикент. - М., 1963. С. 61.

⁴ Большаков О.Г. Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III // МИА. № 124. - М.; Л., 1964. С. 103.

Однако этими представленными монетами китайское проникновение в согдийскую нумизматику не ограничивается. На территории Согда найдено большое количество монет с квадратным отверстием с надписями на лицевой стороне. Первоначально эти надписи расценивались как уйгурские, а монеты причислялись к тюрко-китайским. Однако в результате проведенных исследований О.И. Смирнова пришла к выводу, что надписи оказались именами согдийских царей¹. При этом форма и технология производства (литье, а не чекан) этих монет свидетельствует о заимствовании этих монет у китайцев, которые производили круглые монеты с квадратным отверстием посередине, бань-лянь (полулян), еще в III в. до н.э. Начиная с первых веков правления династии Тан (618–907 гг.) этот тип монет с квадратным отверстием посередине и выпуклыми краями (по утверждению О.И. Смирновой) остается единым на протяжении истории китайской нумизматики до монетной реформы XIX в. О широком распространении подобных монет на огромной территории от Японии до Средней Азии писал еще академик В.М. Алексеев в начале XX в.²

Таким образом, археологический материал подтверждает сведения о том, что торговые отношения согдийцев с Китаем начались около II в. до н.э. Развитию торговой деятельности согдийцев содействовал открытый в это время караванный путь из Китая в Переднюю Азию. Во II в. торговые связи ослабевают вплоть до VI в., после завоевания турками государства эфталитов (563–567 гг.), когда согдийцы захватили в свои руки посредничество в торговле шелком между Китаем и Римской империей, а торговый путь передвинулся с юга на север и направился через Семиречье. Расцвет торговой деятельности и политических связей согдийцев с Китаем следует отнести к VII в.³ Именно к этому времени относится появление круглой монеты с квад-

¹ Смирнова О.И. О трех согдийских монетах // ВДИ. - 1939. - № 1. - С. 116.

² Алексеев В.М. Описание китайских монет и монетовидных амулетов, находящихся в нумизматической коллекции Эрмитажа. - СПб., 1907. - С. 27–28.

³ Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (turks) occidentaux. - СПб., 1903; *Он же*. Notes additionnelles sur les Tou-kiue occidentaux. Leide, 1904; Laufer B. Sino Iranica. - Chicago,

ратным отверстием на территории Средней Азии и, в частности, у согдийцев, т.е. почти непосредственно после принятия их в качестве типа общегосударственной китайской монеты (621 г.)¹.

На активное проникновение китайского импорта на территорию Согда указывают многочисленные находки. Это и обширная коллекция шелков, фрагмент картины на шелку, бумага, лаковые изделия, найденные на горе Муг; в Пенджикенте это танские зеркала, фрагмент китайского лакового сосуда, найденный в стене дома VII и т.д. Влияние китайского искусства на согдийское можно проследить и в искусстве. Например, изображение китайского чиновника на стене Пенджикента.

С географическим понятием Согдиана у античных авторов объединяется Уструшана². Действительно население этой области было согдийским, однако это отдельная область Средней Азии между Самаркандом и Ходжентом, которая служила связующим звеном между Ферганой, Согдом, Чачем и Бактрией. Исторические источники, освещающие историю Уструшаны в древности, очень немногочисленны и неравномерно распределены во времени. Почти все свидетельства античных авторов касаются деятельности Александра Македонского в данном районе. Китайские письменные источники по истории Уструшаны освещают только раннесредневековый период. Уструшана занимала обширную территорию к северу от Туркестанского хребта: от Джизака до Ходжента и горные районы к югу от Туркестанского хребта, между ним и Гиссарским хребтом³.

Уструшана играла важную роль в международном обмене. Через нее, в частности, также проходил один из отрезков «Великого шелкового пути». Отражением этого являются находки на территории Уструшаны иноземных монет и других предметов.

1919; *Бартольд В.В.* К вопросу о языках согдийском и тохарском // Сочинения. Т. II. Ч. 2, 1964; *Он же.* Таджики // Сочинения. - Т. II. - Ч. 1. - 1963.

¹ *Смирнова О.И.* О трех согдийских монетах // ВДИ. - 1939. - № 1. - С. 119.

² *Негматов Н.Н.* Ходжент и Уструшана в древности и средневековье (сер. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). Автореф. дисс. докт. ист. наук. М., 1968. С. 15.

³ *Смирнова О.И.* Археологические разведки в Уструшане в 1950 г. // МИА. - № 37. - 1953. - С. 189.

Городище Мунчак-тепе расположено в 4,5 км восточнее г. Беговата на левом берегу Сырдарьи, примерно в 400 км от ее русла. Это древний населенный пункт городского типа. Время его существования простирается с первых веков н.э. до развитого средневековья. Он представлял собой мощный опорный пункт на границе со степью.

При раскопках Мунчак-тепе и могильников вокруг него были найдены вещи иноземного происхождения: раковины каури, янтарные бусы, бронзовое китайское зеркало, плоская галька (длина 6,5 см, ширина 4,5 см, толщина 1 см) с вырезанной китайской надписью «золото и драгоценные камни» и цифровыми обозначениями на одной стороне, и процарапанным схематическим изображением человека с большой бородой на другой стороне. Зеркало имело круглую форму диаметром 17,6 см, было украшено рельефным орнаментом и снабжено иероглифическими знаками. Оно датируется эпохой Хань¹.

Ширинсайский могильник расположен в 100 м от городища Мунчак-тепе на пологих отрогах горной гряды Ширин, далеко вклинивающейся в долину Сырдарьи.

В погребении № 1 было найдено тройное захоронение в катакомбе. Под черепом возле рта была найдена китайская монета². Монета имеет форму правильного круга с квадратным отверстием. Диаметр монеты – 20 мм, размеры отверстия 9x9 мм, вес – 2,55 г. Край монеты и внутреннее отверстие по обеим сторонам окаймлены выпуклыми ободками шириной 1 мм. На лицевой стороне, справа от центра изображен иероглиф «у», имеющий цифровое значение «5», с другой стороны отверстия расположен иероглиф обозначающий наименование монетной единицы «чжу»³.

¹ Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии // Археология СССР. - М., 1985. - С. 295.

² Гайдукевич В.Ф. Могильник близ Ширин-сая в Узбекистане // СА. - М.; Л., 1952. XVI. - С. 334. Рис. 4; *Он же*. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943–1944 гг. // КСИИМК. Вып. XIV. - 1947. - С. 94.

³ В.Ф. Гайдукевич называют этот иероглиф «чжу», но в современной исторической литературе более принято «шу». Таким образом, тип описанной монеты – «у-шу». См.: *Гайдукевич В.Ф. Могильник близ Ширин-сая в Узбекистане // СА. М.; Л., 1952. XVI. - С. 353.*

Монеты типа «у-шу», как считает В.М. Алексеев, «отливались в Китае с перерывом от 118 до Р.Х. до 618 по Р.Х.»¹. Однако монеты, полностью тождественные ширинсайской, были найдены на одном из памятников Индокитая вместе с монетами Ван Мана (9–23 гг.)². По этой находке можно уточнить, что данный тип монет также принадлежит к I в.

Археологические работы Фархадской экспедиции, которая исследовала Ширин-сай, выявили синхронность существования этого могильника и нижних слоев городища Мунчак-тепе и показали, что эти два памятника были единым культурным комплексом. В древности здесь проходила дорога, соединявшая Фергану через гг. Ходжент и Самарканд. Более того, это часть пути, соединявшего Китай со Средней Азией, который шел из Кашгара через Фергану и Уструшану в Самарканд, Бухару и далее на юго-запад через Мерв и Персию³.

Лишь в VII в. в связи с политическими смутами в Фергане отношения Средней Азии с Китаем стали проходить в обход этих районов, а торговый путь переместился на Север (Самарканд–Ташкент–Семиречье–оз. Иссык-Куль и т.д.)⁴.

Наличие большого количества материальных объектов китайской культуры на памятниках Средней Азии позволяет нам говорить о значительных масштабах китайского проникновения в этот регион. Общий массив находок китайского импорта на территории Средней Азии не ограничивается упомянутыми выше изделиями, но эта базовая выборка позволяет абстрагироваться от менее значимых артефактов.

Влияние китайской материальной культуры имело принципиальное значение для появления определенных отраслей местного производства. В земледельческих оазисах Средней Азии это, прежде всего: внедрение шелко-

¹ Алексеев В.М. Описание китайских монет и монетовидных амулетов, находящихся в нумизматической коллекции Эрмитажа. - СПб., 1907. - С. 20 и сл.

² Goloubew V. L'âge du bronze au Tonkinet dans le Nord-Annam // Bulletin de l'Ecole française d'Extreme Orient. XXIX. – Khanouy, 1930. - P. 11. Tab. VI. Fig. E.

³ Жуковский В.А. Развалины старого Мерва // МАР. Вып. 16. - СПб, 1894. - С. 7.

⁴ Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья // Сочинения. Т. II. Ч. 1. - М., 1963.

водства и шелкоткачества (Соغد), технологии выплавки железа (Фергана), изготовления бумаги; культивирование риса, персиков, абрикосов, корицы и т.д. Влияние высокоразвитой земледельческой культуры Китая стало решающим фактором в появлении земледелия, оседлых поселений и некоторых видов ремесла и строительного дела у кочевых народов центральноазиатского региона (усуней, хуннов и т.д.). Китайцы познакомили народы Средней Азии с изделиями из лака, церемониальными зонтами, некоторыми видами украшений, в том числе нефритовыми, новыми орнаментальными мотивами и узорами на шёлке, зеркалах, изделиях из серебра, керамике и т.д. При этом заимствование символических компонентов в орнаментике свидетельствует о восприятии связанных с ними духовных представлений.

Проникновением значительного числа китайских элементов можно объяснить инновации в традиционных областях материальной культуры – таких как появление новых типов зеркал практически на всей территории Средней Азии; «сино-кхарошских» монет в Восточном Туркестане и среднеазиатских, отлитых по китайскому образцу и технологии; некоторых видов домашней утвари – низких деревянных столиков, плетеных изделий, керамической селадоновой и фарфоровой посуды, бронзовых котлов, металлических ухверток-булавок, пинцетов; украшений и т.д. Немаловажное значение имеет китайский компонент в сфере центральноазиатской культуры, связанной с буддизмом.

На основании археологического материала четко прослеживается периодичность и интенсивность проникновения китайского влияния на развитие народов Средней Азии. Активное внедрение восточноазиатских компонентов в среднеазиатскую культуру отмечено вплоть до середины VIII в. (потеря Китаем контроля над большей частью западного отрезка шелкового пути). Дальнейшее китайское влияние на материальную культуру Средней Азии отмечается спорадически.

Собранные данные позволяют достаточно уверенно выявить главное направление и результат культурного влияния китайской материальной куль-

туры в Средней Азии в II в. до н.э. – начале XIII в. н.э. Усвоение лучшего в культуре других стран, в частности, строгий отбор достижений китайской цивилизации, стал одним из факторов развития культур народов Средней Азии и Южной Сибири.

Попова Е.А.

ДИПЛОМАТИЯ ФРАНЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА: СОЗДАНИЕ «ВОСТОЧНОГО БАРЬЕРА»

Во второй половине XVII века приоритетной задачей внешней политики французской монархии было достижение преобладающего положения в Европе. Основным противником Бурбонов в борьбе за европейскую гегемонию на протяжении многих десятилетий были венские Габсбурги. Используя непростое положение императора, политические интересы которого были разделены между разрешением проблем династии Габсбургов, защитой христианства от турецкой угрозы и имперской политикой, французский король Людовик XIV противопоставил ему своих союзников на востоке и западе Европы.

На востоке Европы Франция располагала давними союзниками. Польша, Османская империя, Трансильвания и «недовольные» в Венгрии, составлявшие «восточные барьер»¹, не единожды отвлекали императора от проблем на западных рубежах империи, развязывая тем самым руки Франции в европейских делах.

Одним из важнейших направлений работы французской дипломатии была Османская империя. Политические контакты Франции и Порты базировались на общности интересов в борьбе против Габсбургов, так как Франция нуждалась в союзниках в Восточной и Центральной Европе для противодей-

¹ Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France, depuis le traité de Westphalie, jusqu'à la Révolution française. – Paris, 1884-1965. - T. I. - P. 5.

ствия императору. В условиях борьбы Бурбонов с Габсбургами за европейскую гегемонию союзнические отношения с Османской империей становились козырной картой в политической игре французской дипломатии. Порты, в свою очередь, использовала франко-габсбургские противоречия в своих интересах.

К началу личного правления Людовика XIV отношения Франции и Османской империи переживали не лучший период, так как, начиная с 1654 года, французские добровольцы с согласия кардинала Мазарини, принимали активное участие в борьбе Венеции и папства против Порты¹. Кроме того, Франция все чаще стала предпринимать акции, призванные обеспечить безопасность ее средиземноморской торговли, нападая на корсаров Алжира и Туниса, являвшихся вассалами султана. Борьба с ними являлась основной задачей возрождаемого средиземноморского военного флота. В 1664 году французы осуществили попытку закрепиться на африканском побережье Средиземного моря. В июле французская флотилия под руководством герцога Бофора атаковала алжирскую крепость Джиджели. Однако несогласованность действий не позволила французам надолго там закрепиться, и Бофор вынужден был оставить недавно завоеванные позиции в октябре того же года.

Осуществляя свою восточную политику, Людовик XIV сталкивался с трудноразрешимым противоречием. С одной стороны, французский монарх считался одним из главных защитников христианства, призванным бороться с «естественным врагом» - Османской империей. С другой – дружеские от-

¹ Начиная с 1654 года французские добровольцы участвовали в обороне Крита. В 1658 году Мазарини содействовал отправке трех тысяч французских добровольцев на помощь венецианцам, а также оказал финансовую поддержку, выделив 100000 экю. В 1660 году Мазарини выделили на организацию провенецианского крестового похода 600000 ливров. – См. *Губер П.* Мазарини. М., 2000. С. 412-413. Последние годы жизни Мазарини думал об организации «всеобщей лиги христианских принцев», целью которой должна была стать борьба с Османской империей. – См.: *Darricau R.* Mazarin et l'Empire Ottoman. L'expédition de Candie (1666) // *Revue d'Histoire diplomatique.* -1960. -Т. 74. -Р. 335-355. Известно, что часть своего состояния - 200000 ливров, кардинал завещал использовать на борьбу с турками. – См.: *Benda K.* Les relations diplomatique entre la France et la Transylvanie // *Les relations franco-autrichiennes sous Louis XIV. Siège de Vienne (1683)/* Sous la dir. de J. Berenger. Saint-Syr, 1983. - P. 9.

ношения с Портой были залогом успешной политики Франции в Европе и, в частности, в борьбе с империей. Таким образом, задачей французской дипломатии было найти компромисс между этими двумя политическими линиями, что обусловило осторожность действий Франции на этом направлении.

В 1664 французские военные соединения участвовали в обороне империи Габсбургов против турецкого нашествия: Людовик XIV послал на помощь империи шеститысячный отряд под руководством графа Колиньи в составе войск Рейнской Лиги. Однако вклад французов в победу в битве близ монастыря Сен-Готтард не остался незамеченным в Порте. Еще большее охлаждение во франко-турецких отношениях произошло после военно-морской экспедиции герцога Бофора, принявшего участие в обороне венецианского форпоста на острове Крит против османов. Операция происходила под эгидой Святого Престола, представившего все происходящее как крестовый поход. Здесь удача отвернулась от французов: герцог Бофор был убит, а крепость Канди капитулировала в сентябре 1669 года, выдержав многолетнюю осаду.

Сближение Франции с Османской империей, завершившее сложный период во франко-турецких отношениях, произошло лишь в 1673 году. Может показаться, что оно было вызвано впечатляющими победами Франции в войне с Голландией на ее первом этапе. Но в действительности это сближение было подготовлено кропотливым трудом Кольбера, позицию которого диктовали выгоды торговых отношений в этом регионе для французского государства ¹.

Война Вены и Константинополя открыла перед французским королем возможность приобретения нового союзника в Восточной Европе: движение «недовольных» в Венгерском королевстве.

Венгрия, в начале XVI века представлявшая собой одно из самых крупных европейских государств, к концу этого столетия распалась на три части.

¹ *Schillinger J.* Les pamphlétaires allemands et la France de Louis XIV. New-York, 1999. - P. 494.

Территория этой страны стала объектом противостояния двух крупнейших империй той эпохи: Германской и Османской. В сложившихся условиях Венгерское королевство не смогло отстоять свою целостность и самостоятельность. Все Среднее Подунавье вошло в состав Османской империи. В восточной части королевства сложилось Трансильванское княжество, находившееся в вассальной зависимости от Порты. Узкой полосой с запада на северо-восток тянулись земли, попавшие под власть Габсбургов в 1526 году, когда часть венгерской аристократии избрала своим королем представителя габсбургской династии в надежде получить солидную поддержку в борьбе с турецкой экспансией. В XVII веке эта же самая аристократия, разочарованная в своих ожиданиях и недовольная усилением абсолютистских тенденций со стороны Вены в управлении Венгрией, стала искать поддержку своему недовольству и борьбе с Габсбургами у Франции и у прежних врагов – Османской империи ¹.

После разгрома турок при Сен-Готгарде император, не уверенный в возможности дальнейшего ведения войны, поспешил заключить мирный договор с Портой. Согласно договоренностям, подписанным в Васваре, было заключено перемирие на двадцать лет. Порта оставляла за собой все завоевания, осуществленные в ходе этой войны. Император обязался выплатить империи 600000 экю. Каждая сторона, подписавшая договор, получила ряд выгод. Турки, несмотря на поражение, расширили свои владения, сохранив за собой власть в Трансильвании. Закончив войну с Габсбургами, Порта могла направить все свои силы на завоевание Крита и на расширение своих владений путем захватов польских владений на территории Украины. Это перемирие давало возможность императору заняться внутренними проблемами в австрийских землях, а также развязывало ему руки для борьбы с французскими притязаниями в Западной Европе. Заключение этого мира вызвало волнение в Европе в целом и внутри австрийских владений. В Венгрии обвиняли им-

¹ *Köpeszi B. Hongrois et français. De Louis XIV à révolution française. - Budapest, 1983. - P. 83.*

ператора в том, что он принес королевство в жертву своим династическим интересам, сблизившись с Портой. Один из магнатов писал майнцкому курфюрсту, что «император Леопольд I предпочел бы увидеть турков у Вены, чем позволить венграм овладеть Будой»¹. Венгерские магнаты были недовольны официальными обещаниями Стамбула, данными венскому правительству, не оказывать «недовольным» содействия на территории габсбургской Венгрии. Венеция выражала свое неудовольствие, так как она вновь осталась одна перед лицом турецких захватов. Папа был разочарован тем, что реализация его планов крестового похода против турок вновь откладывается. В Польше были взволнованы тем обстоятельством, что император может теперь вмешаться в дело польского престолонаследия². Франция опасалась проведения императором активной политики противодействия французским интересам.

Именно тогда французы вспомнили о своем давнем союзнике - Трансильвании. Правители этого княжества традиционно пользовались поддержкой Франции в их борьбе против Габсбургов, а Франция умело использовала эту борьбу в своих интересах. Еще в 1622 году, в начале Тридцатилетней войны, Франция пыталась направить трансильванских князей Бетлена Габора и Дьёрдя I Ракоци на борьбу с австрийскими Габсбургами. После официального вступления Франции в Тридцатилетнюю войну, французские дипломаты с 1635 по 1648 гг. вели переговоры о заключении трехстороннего соглашения против Габсбургов между Францией, Швецией и Трансильванией. В 1643 г. в ходе Тридцатилетней войны главнокомандующий шведской армией на территории Германии, генерал Торстенсон, заключил союз с Дьёрдем I Ракоци от имени французского и шведского королей. Однако французская сторона, неудовлетворенная этим договором, отказалась его подписывать и инициировала новые переговоры, завершившиеся подписанием нового со-

¹ *Fr. Racki. Acta conjurationem Petri à Zrinio et Comitibus Fr. Frangepani illustrantia. Zagreb, 1873, p. 7. – In.: Berenger J. Louis XIV, l'Empereur et l'Europe de l'est.// XVII siècle. –1979.- № 123(2) avril-juin.- P. 186.*

² *Hudita J. Histoire de relations diplomatiques entre la France et la Transylvanie au XVII siècle. (1635-1683).- P., 1927. - P. 201.*

глашения в 1645 году ¹. После разгрома Габсбургов в Париже не захотели возобновлять этот союз.

Но о небольшом княжестве вспомнили вновь, когда Франции понадобилось прикрытие своих переговоров с венгерскими «недовольными». По международным правилам того времени иностранный суверен не мог связывать себя договорами с подданными другого суверена. Венгерское королевство по причине «личной унии между наследственными габсбургскими владениями, императором и королевством Венгрия лишилось возможности автономного дипломатического представительства». Имперские дипломаты представляли также и Венгерское королевство, и иностранные представители, аккредитованные в Вене, не имели возможности поддерживать прямые контакты с венграми ². Людовик XIV мог контактировать с венгерскими повстанцами лишь во время вооруженных конфликтов с их сюзереном Леопольдом I. Поэтому значительная часть переговоров с венгерскими магнатами велась через посредничество Трансильванского княжества.

Венгерская аристократия добивалась отстранения представителей династии Габсбургов от управления страной. Опираясь на поддержку Франции, католическое духовенство Венгрии и магнаты хотели выбрать нового короля, причем не отвергался вариант выборов иностранного принца. Эти планы согласовывались с целями французской дипломатии, занятой в это время продвижением герцога Энгиенского на польский престол. Несколько раз на протяжении истории Польша и Венгрия оказывались под скипетром одного правителя. Во Франции рассматривалась возможность реализации именно такого варианта. Венгры, в свою очередь, предлагали поддержать французского кандидата в Польше силой оружия ³.

На протяжении первой половины XVII века Польско-Литовское государство находилось в сфере влияния австрийских Габсбургов. Но после за-

¹ Ibid. - P. 21-22.

² Berenger J. Le royaume de France et les malcontents de Hongrie // Revue d'histoire diplomatique. -1973. -Juillet-décembre. - P. 282.

³ Berenger J. Louis XIV, l'Empereur et l'Europe de l'est // XVII siècle. -1979.- № 123 (2), avril-juin. - P. 187.

ключения брака между польским королем Владиславом IV и Марией-Луизой де Гонзаго наметилось сближение между Польшей и Францией ¹. После смерти Владислава IV трон перешел его брату Яну-Казимиру, женой которого стала Мария-Луиза. Не имея детей, королевская чета хотела передать польский престол французскому принцу, сыну Великого Конде, герцогу Энгиенскому. Во Франции были чрезвычайно заинтересованы в реализации этого проекта, так как французский принц на польском престоле, постоянная угроза вторжения турецкой армии, волнения венгерских «недовольных» и «недоброжелательный нейтралитет» Рейнской лиги могли практически лишить императора возможности противостоять росту французского могущества. Французское правительство не скупилось на раздачу денег в польском Сейме, однако оппозиция королевской власти была сильна, и вопрос о выборах нового короля даже не был включен в повестку дня на заседаниях Сейма. Восстание польской аристократии в 1665 году заставило французское правительство расстаться с надеждой посадить французского принца на польский престол, тем более, что имперская дипломатия прилагала все усилия, чтобы вернуть католическую Польшу в сферу своего влияния. Активно противодействовал выборам французского кандидата на польский престол и бранденбургский курфюрст Фридрих-Вильгельм, традиционная позиция которого основывалась на поддержке «исконных свобод польской республики», что означало слабость польского государства и его неспособность противостоять политике Фридриха-Вильгельма ².

После заключения секретного договора между Людовиком XIV и императором Леопольдом о разделе испанского наследства интерес французского правительства к происходящему в Венгрии ослаб, так как на некоторое время исчезла необходимость контактов с «недовольными» как с силой, способной влиять на императора. Однако после первых неудач Франции в войне

¹ Этот брак был устроен кардиналом Мазарини. См. Поршнева Б.Ф. Франция, английская революция и европейская политика в середине XVII века. – М., 1979. С. 225; см. также Pagès G. Le grand électeur P., 1905. - P. 32.

² Pagès G. Le grand électeur. - P., 1905. - P. 53.

с Голландией союзы с «тылами» империи вновь обрели для Франции особую значимость.

В 1677 году французский дипломат Акакиа, венгерские «недовольные» и трансильванский князь подписали договор, согласно которому Трансильвания и «недовольные» предоставляют армию 15 тыс. человек (девять тысяч кавалеристов и шесть тысяч пехотинцев), которая должна участвовать в военных операциях против императора в июле 1678 года. На содержание этого войска Людовик XIV должен был ежегодно выделять 100000 экю¹. Участие в войне против императора венгерских «недовольных» должно было, по замыслу французского кабинета, серьезно осложнить стратегическую ситуацию Леопольда I, вынудить его перебросить часть войск с западного театра военных действий и, в конечном итоге, принять французские условия по заключению Нимвегенского мира.

Одним из наиболее эффективных периодов сотрудничества между венгерскими «недовольными» и Францией была осенняя военная кампания 1678 года, когда венгры под предводительством Эммериха Тёкёли за несколько недель заняли значительную часть Верхней Венгрии (нынешняя Словакия)². Эта операция, бесспорно, повлияла на ход мирных переговоров между Францией и империей, заставив Леопольда I проявить уступчивость и пойти на заключение мира.

В дальнейшем именно Венгрия, точнее «недовольные» магнаты, стали основным оплотом французской политики «восточного барьера» империи, вынуждая в последующие годы Леопольда I вести войны «на два фронта». Остальные союзники Франции в этом регионе были либо истощены борьбой с австрийским Габсбургами и Священной лигой, как Османская империя³,

¹ *Berenger J.* Louis XIV, l'Empereur et l'Europe... P. 190; *Hudita J.* Op. cit. P. 291-293.

² *Benczédi L.* Imre Thököly entre l'alliance française et l'alliance turc// *Les relations franco-autrichiennes sous Louis XIV. Siècle de Vienne (1683)/* Sous la dir. de J. Berenger. - Saint-Syr, 1983. P. 6.

³ В 80е гг. XVII века Франция также опиралась на Османскую империю. Как предполагает ряд французских историков, действия Франции и Османской империи были во многом согласованными в ходе эпохи «присоединений», когда турки постоянно угрожали втор-

либо окончательно вошли в австрийский лагерь, как это сделала Польша после избрания саксонского курфюрста Августа Сильного ее королем. Трансильвания стала частью империи в 1691 году, а в конце 90х гг. XVII столетия, казалось, и вся венгерская долина вновь оказалась под полным контролем австрийцев. Однако новый всплеск недовольства венгерского населения правлением Габсбургов вернул Франции союзника на восточных рубежах империи, оказав ей серьезную поддержку в ходе войны за испанское наследство. Активные военные действия венгерской кавалерии вынуждали императора постоянно держать в своих восточных владениях армию в сорок тысяч человек¹, ослабляя тем самым позиции имперских войск на западном фронте.

Французский король Людовика XIV, оценивая возможности империи, писал, что он «не видит причин бояться императора, выбранного лишь потому, что он из Австрийского дома, который связан условиями капитуляции с государствами империи... Курфюрсты, навязавшие ему столь жесткие условия, не позволяющие усомниться в их враждебности, жили в состоянии постоянного недоверия к нему. Остальная часть имперских князей разделяла мои интересы»². Действительно, позиции Франции в империи были достаточно сильны, что, безусловно, ослабляло влияние императора в качестве главы этого конгломерата светских и духовных княжеств, городов и феодальных владений. Влияние Франции было обусловлено ее статусом гаранта Вестфальского мира, содержание которого констатировало усиление самостоятельности князей и ослабление власти Вены. Кроме того, Франция имела серьезный инструмент воздействия на имперские дела – Рейнскую лигу. А «восточный барьер», созданный французской дипломатией из стран Восточной и Центральной Европы, выступавших в качестве потенциальных и реальных союзников Франции, заставлял императора «распылять» свои усилия, что препятствовало его попыткам сосредоточиться на борьбе с французскими

жением в Венгрию, и в ходе войны 1688-1697 гг, когда неудачи турков совпадали с наступательными операциями французов.

¹ См.: *Berenger J.* Op. cit. P. 193.

² *Memoires historiques et instructions de Louis XIV pour le Dauphin, son fils (1661).* In: *Œuvres de Louis XIV.* Pub. Par Grimoard et P. Grouvelle.- P., 1806. T I. P. 15.

амбициями, направленными на поддержание статуса главенствующей европейской державы.

Хотя восточная политика не являлась приоритетной линией во внешнеполитической деятельности французской монархии во второй половине XVII в., следует иметь в виду, что практически каждая дипломатическая акция Франции в этом регионе Европы опосредованно влияла на успех в достижении главной гегемонистской цели, поскольку восточная политика была направлена на нанесение урона могуществу австрийских Габсбургов посредством военной и дипломатической поддержки их внутренних и внешних противников.

А.С. Сафонов

ПРОТИВОСТОЯНИЕ США И ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Утверждение фундаментального дуализма, отражённого в географическом устройстве планеты и в исторической типологии цивилизаций, а также выраженного в противопоставлении западной «демократии» и восточной «идеократии», атлантизма и евразийства является главным законом геополитики. «Уже изначально, – отмечал А.Г. Дугин, – данный дуализм имеет качество враждебности, альтернативности двух его составляющих полюсов, хотя степень может варьироваться от случая к случаю»¹. Биполярная система международных отношений, оформившаяся после окончания Второй мировой войны, с точки зрения теоретиков геополитики представляла собой классическое, достигшее максимальных пропорций выражение отмеченного выше дуализма: противоборства атлантизма, оплотом которого стали Соединённые Штаты Америки, и евразийской по сути социально-политической и экономической модели, воплощавшейся Советским Союзом. В соответствии

¹ Дугин А.Г. Основы геополитики. – М., 2000. <http://arctogaia.com/public/osnovygeo/>

с концепцией Х. Макиндера и его последователей американская внешнеполитическая линия определялась стремлением изолировать, максимально ослабить и поставить под контроль восточного антипода, евразийский «хартленд», поскольку, согласно теории «отца геополитики», подобный контроль позволит Западу достичь всеобъемлющего глобального доминирования.

В рамках этой парадигмы государства «третьего мира» в тот период представляли собой объект определяемой во многом геополитическими соображениями внешней политики США, инструмент, с помощью которого американцы осуществляли обозначенную выше стратегическую линию в отношении Советского Союза.

В качестве «инструмента» атлантисты использовали и шахский Иран, который продолжительное время рассматривался Соединёнными Штатами как союзник в регионе Ближнего и Среднего Востока. В условиях глобального противостояния с Советским Союзом эта страна, по замечанию академика Е.М. Примакова, играла важную роль, поскольку «США не просто планировали, но использовали иранскую территорию для создания “пунктов наблюдения” за СССР»¹.

США стремились укрепить связи с Ираном посредством поддержки в нём режима, отличавшегося прозападными настроениями. К середине 1960-х годов Вашингтон окончательно сделал ставку на укрепление монархической власти. «Соединённым Штатам, - отмечал американист В.А. Кременюк, - нужен был стабильно антикоммунистический и проамериканский Иран, и правление шаха это обеспечивало»².

После падения шахского режима в результате Исламской революции 1979 года, прихода к власти шиитского духовенства и возникновения Исламской республики Иран (ИРИ) отношения с США изменились. Клерикальное руководство занимало откровенно антиамериканскую позицию. Более того, внешняя политика «муллократии» строилась на принципах, разработанных

¹ *Примаков Е.М.* Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. – М.: Российская газета, 2006. – С. 214.

² *Кременюк В.А.* Борьба Вашингтона против революции в Иране. – М., 1984. –С. 82.

верховным руководителем ИРИ аятоллой Хомейни и содержащих в себе цель утвердить Иран в качестве регионального «центра силы» в Евразии, а впоследствии и лидера исламского мира. Распространять и укреплять влияние предполагалось посредством «экспорта» исламской революции в соседние мусульманские страны.

Важно отметить, что концептуальная основа подобных намерений представляла собой самостоятельную, уникальную идеологию, не вписывающуюся в рамки биполярной системы. Лозунг Хомейни «Ни Запад, ни Восток, а Ислам» подкреплял такую оценку. «Отвергая теорию и практику коммунизма (Восток) и либерального капитализма (Запад), он (аятоллы Хомейни – А.С.) видел в исламе “третий путь” развития и социального обустройства. Он искренне полагал, что ислам является самодостаточным учением, содержащим ответы на все мировоззренческие вопросы»¹ – отмечал С.А. Воронин.

Фактически модель, воплощаемая руководителями ИРИ, представляла собой альтернативный ориентир для других стран региона Ближнего и Среднего Востока (и не только), успешно завершивших национально-освободительную борьбу и столкнувшихся с необходимостью выбора вектора развития. Фундамент для утверждения Исламской республики в качестве самостоятельного геополитического полюса был заложен.

Американское руководство не оставляло без внимания амбициозные планы «муллократии», поэтому с начала 1980-х годов США инициировали политику «сдерживания» (по сути, так как в качестве официального названия термин станет использоваться администрацией Клинтона) ИРИ. Вашингтону важно было не допустить усиления клерикального руководства Исламской республики до такой степени, чтобы оно получило возможность реализовать свои теоретические установки в полной мере.

В 1990-е годы «победа» в «холодной войне» вселила в ряды политического истеблишмента США уверенность в мессианском призвании и ведущей

¹ *Воронин С.А.* Эволюция политического лидерства в исламском мире в контексте концепции «третьего пути» в 40-е г. XX в. – нач. XXI в. (Индонезия, Ливия, Иран) // Автореферат диссертации... доктора исторических наук. – М., 2010. – С. 36 – 37.

роли их страны в мире, прочности, привлекательности и универсальности западных демократических ценностей. Статус единственной сверхдержавы позволял реализовать гегемонистскую стратегию, направленную на укрепление лидерства Соединённых Штатов в глобальном измерении. Более того, претензии на формирование однополярного мироустройства с распадом СССР получили возможность их практического воплощения в различных районах мира всеми средствами, вплоть до применения военной силы. Теократический режим ИРИ сопротивлялся данной тенденции. Антиамериканская позиция Тегерана после устранения биполярности автоматически возводила Иран в статус потенциальных «агрессоров», в отношении которых необходимо осуществлять стратегию, по сути аналогичную той, которая разрабатывалась во времена «холодной войны» против Советского Союза. Поэтому в качестве цели дипломатии США было определено дальнейшее ослабление, нейтрализация «деструктивных» внешнеполитических инициатив и качественная трансформация теократического режима до соответствия американским интересам и стандартам.

Действительно, распад СССР способствовал усилению антиамериканизма в политике правящих кругов ИРИ, поскольку, по мнению высокопоставленных клерикалов, коммунистическая идеология и основанная на марксизме социально-экономическая модель показали свою несостоятельность и прекратили существование вместе с Советским Союзом. Очередь за капитализмом и его флагманом – США, а задача руководства Исламской республики – способствовать процессу деградации западной идеологии посредством утверждения единственно верного, по мнению шиитского духовенства, принципа развития общества на основе исламских ценностей.

Пристальным объектом внимания Ирана с точки зрения «экспорта» исламской революции стали мусульманские республики бывшего СССР, хотя акцент был сделан на культурный и идеологический аспект. Силовая составляющая данной политики, характерная для 1980-х годов, отошла на второй план. Вовлечение «новосуверенных» среднеазиатских государств в орбиту

влияния ИРИ является стратегическим элементом внешней политики клерикального режима, поскольку после окончания «холодной войны» одним из важных инструментов утверждения Исламской республики в качестве регионального евразийского центра силы стало наличие возможностей обеспечения добычи и, что более важно, транспортировки энергоресурсов. В первую очередь природного газа. Преведняя политика попытки силового укрепления периода «холодной войны», таким образом, трансформировалась в «политику энергоресурсов».

С точки зрения идеологов евразийства, единая газовая энергосистема Евразии представляет собой рыночный фундамент, на основе которого можно создать условия для развития экономики всех евразийских государств, в первую очередь региональных центров силы. «Но именно этому стремятся любым образом, не по экономическим, не по рыночным соображениям, а используя разные другие формы нерыночного воздействия, помешать США. Именно такого развития газовой энергетики и не надо глобализму, не надо однополярному миру»¹ – пишет А.Г. Дугин.

Удобным аргументом для «нерыночного воздействия» на Тегеран выступает не безосновательная, но специфическая, носящая преимущественно политический характер оценка Вашингтоном некоторых аспектов иранской политики. Речь идёт о так называемых «угрозах национальным интересам и безопасности» США, якобы исходящих от Исламской республики: поддержке терроризма, военном укреплении и связываемом с ним стремлении приобрести оружие массового поражения (ОМП). Готовность властей ИРИ пойти навстречу американским требованиям предполагала бы отказ от фундаментальных принципов иранской внешней политики, основывающейся на идеологии «хомейнизма», поскольку то, что трактовалось как «поддержка терроризма» и «военное укрепление», представляло собой важные, системообразующие элементы. Подобный отказ в случае, если бы он осуществлялся осо-

¹ Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. – СПб., 2007. – С. 262.

знанно, целенаправленно и в качестве официального политического курса теократического режима, продемонстрировал бы, по замыслам Вашингтона, неработоспособность политико-теологической доктрины Хомейни, её ущербность. Это, в свою очередь, сильно дискредитировало бы всю идеологию Исламской революции и концепцию «третьего пути». Потенциал Ирана как евразийского «центра силы» с альтернативным американскому видением мироустройства оказался бы сильно подорванным.

Осознавая последствия отказа от идеологии «хомейнизма», верховный лидер ИРИ аятолла Хаменеи с 1992 года неоднократно официально подтверждал намерение возвратиться к более активной реализации принципа «экспорта» Исламской революции. На практике это означало, в частности, продолжение поддержки исламистов по всему миру в идеологическом, финансовом и военном отношении. Даже если допустить, что такая поддержка по своим масштабам была относительно невелика и носила выборочный характер, сам факт подобной поддержки (например, Организации Освобождения Палестины (ООП) Я. Арафата или ливанской «Хезболлы») весьма беспокоит Вашингтон, который требовал от Тегерана полного её прекращения. Особо это было актуально и важно в контексте того, что тема палестино-израильского урегулирования была определена руководством США в качестве приоритетного направления американской региональной политики.

В тесной увязке с иранской политикой «экспорта революции» Белый дом рассматривает стремление властей ИРИ модернизировать свои вооружения. Для Вашингтона укрепившийся в военном отношении Иран, но действующий без должного политического контроля со стороны США, представляет реальную проблему и угрозу американским интересам в регионе Ближнего и Среднего Востока. Внешнеполитический курс ИРИ одним из своих направлений предполагал оказание военной помощи, в том числе ору-

жием и военной техникой, тем мусульманским странам региона, которые положительно относятся к иранской модели исламской революции¹.

В контексте американо-иранского геополитического противостояния необходимо подчеркнуть важность «исламской атомной бомбы» как противовеса попыткам установления Соединёнными Штатами «мира по-американски», поскольку факт обладания оружием подобного рода позволял бы Ирану более уверенно реализовывать положения доктрины «хомейнизма», составной частью которой, как отмечалось ранее, являлась доктрина «третьего пути». Учитывая факт крушения социалистической системы, данная политическая теория представляла собой альтернативу американской концепции мироустройства.

О том, насколько серьёзны намерения Тегерана создать собственное ядерное оружие, тема отдельного исследования. Однако в рамках американской политики в отношении Ирана представляется важным один момент – в Тегеране имелись силы, которые реально были настроены на обладание ядерным оружием. Это влиятельные клерикалы – сторонники жёсткой линии поведения на международной арене, поддерживаемые верховным религиозным руководителем аятоллой Али Хаменеи. Основной стержень их идеологии – это представление о том, что ИРИ находится в постоянной опасности со стороны внешних сил и поэтому необходимо полагаться исключительно на свои силы². Особо внимание обращалось на случаи применения Ираком химического оружия против иранских войск, фактически оставшиеся без серьёзных последствий со стороны международного сообщества. Поэтому для многих иранских клерикалов единственный путь защитить интересы Ирана – способствовать развитию собственных сил ядерного сдерживания³.

¹ Багдасаров С.Б., Чавушьян А.Н. Гонка вооружений продолжается // *Азия и Африка сегодня*. – 1995. – № 11. – С. 42.

² Юрченко В.Н. Внутренняя и внешняя политика Исламской Республики Иран в оценках американских экспертных сообществ // *Востоковедный сборник*: Выпуск 7. – М., 2006. С. 134.

³ Там же.

Исследователями отмечается, что группа сторонников создания «исламской атомной бомбы» была заметна на протяжении первых месяцев и даже лет исламского правления в Иране. Её представители наблюдались, в том числе, в окружении имама Хомейни. Однако затем, особенно после смерти лидера иранской революции, эти настроения резко пошли на убыль, и сейчас практически не проявляются¹.

Тем не менее, незаинтересованность в обладании ядерным оружием или декларирование полного отказа от этой идеи в данный период вовсе не гарантируют того, что высшее руководство Ирана (по крайней мере, некоторая его часть) в дальнейшем не передумает, особенно если опасность военного вторжения для устранения теократического режима и оккупации страны станет осязаемой. В вашингтонских политических кругах это понимают. Обладание ядерным ОМП является фактором, способным сдержать гегемонистские устремления США и помешать трансформации региона.

Геополитическую составляющую в иранском направлении политики США с начала 2000-х годов проявила доктрина «демократизации Большого Ближнего Востока». Проблема демократических преобразований региона являлась стержнем политики обосновавшихся во властных структурах неоконсерваторов, по мнению которых развиваться арабскому миру мешает отсутствие демократии, причём именно такой её модели, которая живёт и побеждает в США².

Декларирование необходимости «демократических преобразований» является удобным идеологическим обоснованием активной и во многом агрессивной экспансионистской политики, осуществление которой предполагалось Белым домом в период президентства Дж. Буша-младшего. Контроль над ведущими государствами региона являлся обязательным условием для успешного осуществления «демократизации» стратегически важного регио-

¹ *Щенников В.* Политические игры вокруг атомной бомбы // *Азия и Африка сегодня.* – 1996. – № 1. – С. 3.

² *Алексеева О.А., Павлов О.О.* История одного проекта демократизации на Ближнем Востоке // *Международная жизнь.* – 2007. – № 5. – С. 72.

на. Отсюда – осуществление интенсивного внешнего и внутреннего «комплексного воздействия» на Иран. В Белом доме рассчитывали, что таким образом вынудят клерикалов пойти на уступки Вашингтону.

В одном из выступлений известный неоконсерватор П. Вулфовиц заявил, что «недружественные режимы, такие как Иран, Сирия и Ливия, также разрабатывают ракеты, увеличивая их радиус действия и качество. <...> Государства, стремящиеся к таким возможностям, поступают так потому, что хотят усилить свою мощь и влияние; потому что они верят, что если будут постоянно подвергать американский народ риску, они смогут помешать нам применить силу для того, чтобы остановить акты агрессии, и сдержать нас от стремления защитить наши интересы во всём мире»¹.

Не ускользает от внимания намеренное искажение сути военного укрепления упомянутых государств. П. Вулфовиц усматривает в этом процессе угрозу Соединённым Штатам и их союзникам (в первую очередь Израилю), а не естественное право суверенных государств на обеспечение собственной безопасности. Поэтому, с точки зрения неоконсерваторов, необходимо было максимально скоро нейтрализовать потенциал недружественных режимов. «Если мы не выстроим защиту против этого оружия сейчас, то вражеские силы вскоре овладеют, а, может быть, уже овладели, возможностью ударить по американским городам, или городам наших союзников ядерным, химическим или биологическим оружием»² – резюмирует заместитель главы министерства обороны США.

Речь П. Вулфовица во многом способствует раскрытию истинных мотивов политики США в регионе, поскольку прямо указывает на то, что реальные работы в военной области, приводящие к усилению враждебных государств, неприемлемы, так как они препятствуют реализации гегемонистской стратегии «демократизации» Большого Ближнего Востока.

¹ *Wolfowitz P.* Prepared Testimony of Deputy Secretary of Defense Paul D. Wolfowitz. Senate Armed Services Committee. – 2001, July 12. P. 3.

<http://armed-services.senate.gov/statement/2001/010712wolf.pdf>

² Ibid.

Появление самого понятия «Большой Ближний Восток» во многом связано с симбиозом интересов администрации Буша и неоконсервативной идеологии. Дело в том, что и президент Буш, и вице-президент Чейни были тесно связаны с крупными корпорациями, принадлежащими к нефтегазовой индустрии, которые были прямо заинтересованы в расширении своего влияния в этом богатом энергоресурсами регионе. Создание благоприятных экономических и политических условий для присутствия США в регионе автоматически расширяло возможности американских компаний. Это весомый фактор, влияющий на формирование внешнеполитического курса США. «И мы видим, - отмечал американский эксперт Ч. Льюс, - совпадение бизнес-интересов крупных корпораций с политическими целями неоконсервативов»¹.

После террористических актов 11 сентября 2001 года борьба с терроризмом стала «новым организующим принципом американской внешней политики»², а по сути, удобным прикрытием для глобальной экспансионистской политики, навязывания американских ценностей другим странам и народам. Этой цели оказались подчинены все ресурсы американского государства. Выступая 20 сентября 2001 года на объединённой сессии Конгресса, президент Буш заявил: «Мы задействуем все ресурсы, находящиеся в нашем распоряжении: дипломатические средства, разведывательные механизмы, законодательное давление, финансовое влияние и необходимую военную силу для того, чтобы разрушить и одолеть глобальную террористическую сеть»³. Именно в это время мировое сообщество было поставлено перед выбором. Либо государства поддерживают антитеррористическую кампанию под руководством Соединённых Штатов, либо, в случае отказа, относятся американским руководством к пособникам террористов, которых ждёт неотвратимое возмездие.

¹ *Эксперт*. – 2005. – № 14. – С. 90.

² Независимая газета. – 2001, 5 октября.

³ *George W. Bush. Address to a Joint Session of Congress and the American People*. – Washington, D.C., U.S. Capitol, 2001, September 20.
<http://www.whitehouse.gov/news/releases/2001/09/20010920-8.html>.

Иран вполне адекватно отреагировал на террористические акты, осудив их. Министр иностранных дел ИРИ К. Харрази выступил с заявлением, где выразил поддержку мнения о необходимости международной борьбы с терроризмом. Подобной позиции придерживался и бывший президент Ирана А.А. Хашеми Рафсанджани, который высказался за вступление ИРИ в анти-террористическую коалицию, но только в том случае, если она будет создана под эгидой ООН и не станет марионеточной структурой в руках США. Рафсанджани особо подчеркнул, что было бы неверным считать, будто Америка самостоятельно может победить терроризм¹. Позиция вполне здравая и прагматичная.

В целом же, несмотря на принципиальную позицию, Тегеран был готов к сотрудничеству для улучшения атмосферы американо-иранских отношений. Но иранское руководство не устраивала роль простого сателлита Соединённых Штатов. Об этом, в частности, говорил официальный представитель МИД Ирана Х. Реза Асефи. Он заявил, что «если однажды Вашингтон решит развивать отношения с Ираном на равных условиях и как с суверенным государством, то, возможно, это будет означать некоторый прогресс, однако Иран убеждён, что сегодня политика Вашингтона по отношению к Ирану далека от такого подхода»². Подобная позиция официального Тегерана не могла устраивать США. Характер заявлений представителей иранского руководства демонстративно подчёркивает статус ИРИ как самостоятельного суверенного субъекта международных отношений, влиятельного государства, способного внести весомый вклад в разрешение острых конфликтов и проблемных ситуаций.

Таким образом, расчёт американских правящих кругов, несмотря на все усилия Вашингтона ослабить ИРИ посредством «комплексного воздействия», не оправдался. Тегеран, в общем, сохраняет твёрдую позицию, под-

¹ Независимая газета. – 2001, 3 октября.

² Федорова И.Е. Американо-иранские отношения: патовая ситуация или обещающие перспективы // Ближний Восток и современность: Сб. ст. / Отв. ред. М.Р. Арунова. – М., 2002. – С. 181.

держивает и укрепляет статус евразийского «центра силы», проводя гибкий прагматичный внешнеполитический курс.

Теократический режим, утвердившийся в Иране после Исламской революции 1979 года, рассматривался Соединёнными Штатами как враждебный и до настоящего времени продолжает считаться таковым. Дипломатические отношения между государствами не восстановлены. Религиозное руководство ИРИ проводит самостоятельную внешнюю политику, стремится к утверждению собственного влияния на Ближнем и Среднем Востоке в качестве регионального евразийского центра силы, поддерживает шиитские силы в арабских странах. Методы, которые при этом используются, в Вашингтоне считаются недопустимыми. В первую очередь это касается неоднократно декларируемой иранским руководством приверженности принципу «экспорта революции».

Отдельно стоит выделить антиамериканский аспект деятельности властей Исламской республики, носивший в определённые периоды вызывающий характер, вплоть до захвата заложников из числа американских граждан в ноябре 1979 года. Политика теократического режима, базирующаяся на антиамериканизме, идёт вразрез с интересами США, поскольку препятствует их гегемонистским устремлениям, вызывает серьёзные озабоченности Вашингтона и существенно влияет на характер американо-иранских отношений.

После окончания «холодной войны» на первый план постепенно вышла угроза распространения ОМП, причём самого опасного его вида – ядерного. Наличие «исламской атомной бомбы» является гарантом сдерживания экспансионистских тенденций США в регионе, что в условиях однополярного мира и глобализации «по-американски» важно с точки зрения безопасности и сохранения права на самостоятельное развитие государства и его соседей. Американцы опасались усиления политического влияния ИРИ в исламском мире. В связи с этим задача недопущения попадания ядерных технологий в руки враждебного режима «муллократии», решение которой приобретает

глубокий и широкий политический смысл, становится одним из приоритетных направлений американской внешней политики.

Политический окрас усилиям США в области нераспространения ОМП придаёт тот факт, что деятельность Ирана в ядерной области использовалась американцами для консолидации мирового сообщества с целью организации изоляции Исламской республики с целью недопущения осуществления «политики энергоресурсов» и давления на режим «муллократии».

Различные подходы, применявшиеся администрациями, не оправдали себя. Теократический режим продемонстрировал свою устойчивость перед лицом трудностей, которые американцы организовывали для ИРИ. Судя по всему, при нынешнем политическом режиме Иран и в дальнейшем не будет склонен делать уступки, которые хотели бы получить Соединённые Штаты.

А. В. Хорунжий

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ТРУДОВ Л.Н. ГУМИЛЕВА ПРИ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ-ИСТОРИКОВ В РОССИЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

Творчество выдающегося отечественного ученого, доктора исторических наук, этнолога, географа и переводчика Льва Николаевича Гумилева (1912-1992) является, без сомнения, важной частью культурного наследия нашей страны. Пройдя через несколько этапов восприятия научной общественностью – от неприятия и замалчивания через необычайный взлет популярности к серьезному научному осмыслению – идеи и концепции ученого оказали существенное влияние на формирование уже нескольких поколений исследователей, став бесспорным историографическим фактом, заслуживающим внимания историков. При всей своей дискуссионности, теоретические построения Гумилева позволяют по-новому взглянуть на взаимоотношения человека и природы на разных этапах человеческой истории, прежде всего, в аграрном обществе.

Именно поэтому представляется вполне закономерным, что изучение трудов Л.Н. Гумилева стало частью подготовки студентов-историков РУДН в рамках курса «Социоестественная история», читаемого на факультете гуманитарных и социальных наук Университета.

Данный курс посвящен истории взаимодействия человека и природы на различных этапах становления и развития человечества.

В основу концепции и программы курса легли требования государственного стандарта к дисциплине «История», пожелания учебно-методического совета факультета, а также разработки автора данного курса, преподававшего историю на экологическом факультете РУДН с момента его создания в 1992 г. до 2002 г., а также имевшего опыт сотрудничества с Центром социоестественных исследований, действовавшим при Академии городской среды, а затем при ИВ РАН под руководством д.и.н. Э.С. Кульпина.

Актуальность курса представляется в настоящее время очевидной и не требующей дополнительных обоснований. Показательно, что на 20-м Всемирном историческом конгрессе (Сидней, 2005 г.) тема «Взаимодействие человека и природы в истории» была вынесена в число трех «Главных тем» для обсуждения представителей мирового исторического сообщества, собирающегося каждые 5 лет (две оставшихся - «Миф и История» и «Война, Мир, Общество и Мировой Порядок в Истории»)¹.

Цель курса: раскрыть основные тенденции и закономерности развития человечества в контексте взаимодействия природы и общества на различных этапах человеческой истории. Для достижения данной цели курс призван решить ряд задач. Одной из главнейших (можно даже назвать ее сверхзадачей курса) является преодолению эффекта «двух культур» (Ч.П.Сноу), идущему с прошлого века заблуждению, разделяющего ученых на «физиков» и «лириков» и выстраивающего в их сознании «китайскую стену» предубеждения против использования методов и знаний из «другой» половины научного

¹ См., например, раздел, посвященный XX Всемирному историческому конгрессу на сайте Международного комитета исторических наук.
<http://www.cish.org/EN/congres/previous.htm>

познания. Применительно к историкам – теоретических моделей и методологии естественных наук.

Таким образом, курс призван содействовать закреплению знаний и навыков, получаемых из предметов естественнонаучного цикла дисциплин; содействовать внедрению методов междисциплинарных исследований исторического материала; показывать на конкретных примерах эвристический потенциал естественнонаучных методов в историческом исследовании.

Материал курса призван, одновременно, показать, что при всей важности и перспективности применения методов естественных наук в исторических исследованиях, знания о природе и обществе не тождественны в полной мере и пренебрежение этим различием «... приводит к существенным негативным последствиям для знаний об обществе»¹.

Другая важная задача - показать на конкретном историческом материале, что человечество не раз достигало «пределов роста» на различных стадиях своего развития. Глобальные экологические кризисы, сопровождавшие эти периоды, как показывает исторический опыт, разрешимы лишь путем качественного изменения принципов взаимодействия общества и природы, а попытки экстенсивного подхода к проблеме ведут только к нарастанию внутреннего напряжения системы (социума) и чреваты катастрофическими последствиями.

Наконец, курс должен показать, что к настоящему времени человечество вступило в очередной экологический кризис, выходом из которого должен служить очередной качественный (фазовый) переход, требующий не только революционных изменений в технологии и способах хозяйствования, но и кардинальной перестройкой всей идеологии человечества.

Цель и задачи курса, а также требования госстандарта определили методологическую основу курса, который базируется на трудах К. Ясперса, М. Вебера, Г.-Г. Гадамера, К. Пойнтинга, а также работах Л.Н. Гумилева,

¹ Ахиезер А.С. О методологии социокультурных и социоестественных исследований // Лик сфинкса. - М., 1995. - С.68.

А.С.Ахиезера и Э.С.Кульпина,¹ и опирается в подаче материала на стадиальный подход к истории человечества, как наиболее соответствующий рассматриваемым в рамках курса уровням хозяйственного взаимодействия человека и природы и возникающим на их стыках антропогенным экологическим кризисам.

Содержание курса, определенное данной концепцией, состоит из модулей, посвященных: методологическим подходам к изучению истории человечества; истории первобытного общества и первому антропогенному экологическому кризису в истории человечества; глобальным экологическим кризисам в истории аграрного, индустриального и возникающего на наших глазах постиндустриального (информационного) общества, а также проблемам перехода от одной стадии развития человечества к другой как формы выхода из этих кризисов. Особое внимание при этом уделяется проблемам взаимосвязи и взаимоотношений природы и общества в России.

Те же требования в совокупности с программой курса определяют его организационно-методическое строение, а также формы занятий и контроля. Курс ориентирован на 10 опорных лекций, равное количество семинарских занятий, а также самостоятельную работу студентов в пределах часовой нагрузки, примерно равной аудиторным занятиям.

Формы занятий включают конспектирование студентами опорных лекций, дающих обзор основных проблем по каждому модулю; закрепление пройденного материала на семинарских занятиях; изучение на семинарских занятиях нового материала, предполагающее самостоятельную работу студентов с учебным материалом, а также с имеющимися в интернет ресурсами по данной теме, их обсуждение и формулировку выводов под руководством преподавателя; самостоятельное изучение студентами конкретного фактического материала в дополнение к опорным лекциям; элементы опережающего обучения: изучение нового материала с контролем в форме фронтального

¹ Кроме того, в концепции и программе курса учтены работы Л.И. Мечникова, А.Л. Чижевского, Н.Ф. Реймерса, Б.Ц. Урланиса, Ф. Броделя, И. Пригожина, Дж. Даймонда, работы Римского клуба и др.

опроса в начале занятия; элементы исследовательской работы: доклады студентов с их обязательным обсуждением на семинаре; рубежный и заключительный контроль усвоения материала. Формы контроля - письменные проверочные работы (рубежная аттестация), фронтальный опрос (для вспоминания основных фактов, необходимых для построения умозаключений на семинаре), обсуждение докладов на семинаре, итоговая письменная работа.

Представляется вполне обоснованным, что труды Л.Н.Гумилева оказались весьма востребованы в рамках данного курса. Впервые студенты знакомятся с теорией этногенеза Гумилева при изучении темы «Концепции взаимодействия человека и природы в истории». При изучении эволюции взглядов на взаимоотношения человека и природы от XIX в. до наших дней студенты знакомятся с трудами Л.И. Мечникова, А.Л.Чижевского, Л.Н.Гумилева и Э.С.Кульпина. В работах Гумилева наиболее важным аспектом для них является взгляд на историю как на взаимодействие этносов с «вмещающим ландшафтом» и проявление при этом адаптивных механизмов социума к природным условиям, находящих свое проявление в самых разных аспектах материальной и духовной культуры. При продолжении обсуждения темы на семинаре наиболее острые дискуссии вызывают положения Гумилева о пассионарном толчке и его астрофизических истоках, что дает студентам возможность как освежить свои знания из курсов естественнонаучных дисциплин, так и выработать навыки критического анализа и верификации различных концепций, что в дальнейшем будет им весьма полезно при изучении курса историографии.

Во второй раз к изучению трудов Гумилева в рамках курса «Социально-естественной истории» студенты возвращаются при подготовке к теме «Древняя Русь и ее вмещающий ландшафт». Анализируя адаптивные механизмы и особенности взаимодействия социума и природы у земледельческих и скотоводческих народов, студенты не могут пройти мимо работ Гумилева, посвященных данной теме. Несмотря на дискуссионность ряда положений исследователя, связанных со взаимоотношениями Древней Руси и Золотой

Орды, эвристическая, познавательная ценность его работ для понимания различных аспектов взаимодействия человека и природы несомненна, что и обуславливает их включение в курс «Социоестественная история».

Г. А. Шарипова

ПОЭТИКА ДРАМАТУРГИИ Л.Н. ГУМИЛЕВА

Высокую степень литературно-эстетического обобщения жизненного опыта студента-изгнанника, поэта-визионера Льва Гумилева являют его сказки-пьесы «Волшебные папиросы (*Зимняя сказка*)» и «Посещение Асмодея (*Осенняя сказка*)». Сочиненные в норильском лагере в 1942 году, долгое время они хранились в памяти ученого. Достоянием читающей публики пьесы стали только в начале 1990-х годов. Каждой из пьес было предпослано авторское посвящение: «...моей светлой жене Наталье в день ее рождения 9 февраля 1989 г.»

Основопологающей доминантой гумилевских поэтических сцен является противопоставленность времен – настоящего и прошлого, бытового и бытийного, исторического. Бытовое время, связанное с пространством города на Неве и зримыми деталями городских образов-топосов, способно преобразить лагерное «здесь» в петербургское «там».

В преображающих окружающую действительность воспоминаниях функционально значима синестезическая метафора «Город юности», которую структурируют память зрения и память запаха, ощущения хроматические и тактильные. Эта метафора ориентирует движение лирического героя во времени-пространстве и связана с концептом счастья:

Когда мерещатся чугунная ограда,
И пробегающих трамваев огоньки,
И запах листьев из ночного сада,
И темный блеск встревоженной реки,
И теплое осеннее ненастье

На мостовой, среди искристых камней –
Мне кажется, что нет иного счастья,
Чем помнить Город юности моей¹.

Второе восьмистишие Прелюдии – не столько описание города, сколько уподобление силуэтов городских образов-топосов силуэту героя. Используя прием «оживления» собственной тени «в его тенях» поэт уверен, *«что тщетны грани верст и грани лет»*. Мир поэтической кажимости (грезы) сливается с мотивным миром реального города, в картине которого *«улица, увенчанная светом»*, рождает его, героя, *«давнишний силуэт»*, и тень его *«видна на серых зданьях»*, и след его *«блестит на искристых камнях»*. Отсюда убежденность поэта-визионера: *«тень моя жива в его тенях, как город жив в моих воспоминаньях»*².

В семантике художественного пространства пьесы гумилевский «Город юности», олицетворяющий прекрасное начало, противопоставлен норийскому настоящему. Там, в родном городе, разворачиваются события, участниками которых являются, по определению автора, «люди». Они выступают в образах Очарованного Принца, Золушки (в миру студенты) и Ваньки Свиста (тип хулигана). Действуют «оборотни» в образах Капеллана (Критика), Канцлера (Политика), Хозяина чар (в миру Художника) и Снегурочка, именуемая в авторской ремарке «нежить». Нетрудно заметить, что действующие лица пьесы по своему «реальному» статусу ориентированы не только на архаическую, но и социальную и политическую мифологию.

В художественном пространстве Петербурга поэт локализует те места, где происходят все три действия пьесы. Последовательность событий первого действия развивается в Русском музее, где экспонирована картина «Пир королей» Павла Филонова; сюжет второго действия связан с пространством Александровского сада; третье действие происходит «внутри» и «снаружи»

¹ Гумилев Л.Н. Чтобы свеча не погасла: Сборник эссе, интервью, стихотворений, переводов. – Москва, 2003. - С. 413.

² Там же.

картины «Пир королей». В целом происходящие в этих замкнутых пространствах события являют смыслохарактеристики общественно-исторического времени, связанного с эпохой Советов и сталинских репрессий.

Особую философию богоутраченного времени олицетворяет названная картина Филонова. Ее аллюзивное пространство, соединяющее *«мрачный праздник»* средневековья и *«ход тяжелый»* предвоенных советских лет, – апокалиптично. *«Средневековье»*, по слову Очарованного Принца, *«прижало к нашим изголовьям»*, и *«мы ему нужны»*. Аллегория картины «Пир королей» навеивает ему (напомним, в миру студенту) раздумья об инфернальной действительности «века-волкодава» (О. Мандельштам):

... как прежде правит смертью
И тусклой жизнью только пустота.
Над крышами домов кружатся черти,
И ведьма гладит черного кота.
Под сердцем наших дев гнездятся жабы,
В трамваях наших бродят упыри,
Но мы не знаем, где свершают шабаш
И чьею кровью кропят алтари¹.

Эмблематическая, по сути, лиминальная символика королевского пиршества (еды, питья, рыбы, костей, собаки) отражает тему социального хаоса, отягощенного сталинской философией умертвий. Устами своей героини, студентки Золушки, Л.Н. Гумилев повествует:

Автомобиль без фар пронзает дали
И тонет в них, прохожих увозя,
А там их ждут немые переходы,
Остатки яств в сиянии огней,

¹ Там же. - С. 418.

И кровь на стульях, на скатерти и сводах¹.

Показывая на картину Филонова, она заключает: «Там шли пиры, вот этого страшней»². Под «там» подразумеваются сталинские «всепьянейшие соборы», которые коррелируют с пиром филоновских персонажей, олицетворяющих эстетику хтонического, разрушающего начала.

По мнению С. Попова, картина Филонова «Пир королей» почти буквально возводит к строкам «Так говорил Заратустра» Ницше: «Мы скоро устроим знатный пир. Но кто хочет в нем участвовать, должен также приложить руку, даже короли». Исследователь полагает, что Филонов именно тот творец, «который впервые визуально трансформировал, преобразил космополитичные по сути, обращенные «ко всем» мифы Ницше в русскую архаическую мифологию, живописную пластику и экспрессию – как если бы ницшевские герои и сам автор заговорили ... на почти хтоническом наречии праславяинства»³.

Иллюзию своего присутствия в Городе юности и репрезентацию своих видений Л.Н. Гумилев проводит от архитектурного ансамбля Русского музея к внутреннему пространству картины «Пир королей», от выставочной галереи к аллее Александровского сада, от мостовой Невы к колонне с ангелом, то есть – к Александрийскому столпу. Поэтическая матрица картины Петербурга обретает черты идеального и чувственного, благодаря присутствию в прогулках-воспоминаниях поэта подруги-студентки. Она кажется под стать Золушке, «забывшей о том, /Что можно быть счастливой и желанной». Знак ее присутствия автор, преодолевший пространство лагерного антимира, визуально экспонирует устами Принца:

Мне нравятся изгибы тонких рук,
И детские, приподнятые плечи,

¹ Там же. - С. 419.

² Там же.

³ Демин В.Н. Лев Гумилев. – 2-е изд. – М., 2008.

И огонек, забрезживший в очах
При мысли о назначенном свиданье.
И даже в вразумительных речах
Хоть смысла нет, но есть очарованье¹.

Другие культурно-исторические уровни локусов родного Петербурга, возникшие в воображении подневольного поэта, создают «отрицательный ландшафт» (термин М. Вайскопфа) города. Здесь «храма оскверненного ступени»; скрипучим гулом радио разрушенная «вечерняя святая тишина»; оскорбленная пощечиной плаката «мудрая, старинная стена». Организуя пространство советской реальности таким образом, новые демиургические силы свершили десакрализацию Петербурга.

Культуру нового времени, по своей сути инквизиторской, обслуживают «модный, прославленный Критик», ставший Капелланом, то есть проповедником существующего режима, и «совесть забывший Политик», ставший Канцлером, то есть чиновником высокого ранга. Под чарами Хозяина – творца исторического хаоса – и его волшебных папирос (аллюзия, обладающая узнаваемостью образа «кремлевского горца») звучат их признательные показания-самохарактеристики:

Критик

Я сеял везде заблужденья,
Безвольную ненависть сеял,
Я сеял презренье к сединам,
Я сеял неверье в себя,
И пажити густо покрылись
Взращенными мной сорняками.
Я рад ожидать Господина,
Дрожа, трепеща и любя.

Политик

Я сеял жестокие пытки,
Я сеял кровавые казни,
Но сделался лучшим посевом
Безмолвье рождающий страх.
Безмолвны на стогнах мужчины,
Безмолвны торговки на рынке.
Безмолвные юноши к девам
Приходят с боязнью в очах¹.

¹ Гумилев Л.Н. Чтобы свеча не погасла. – М., 2003. - С. 420.

Для Л.Н. Гумилева принципиально важно показать генетическое родство современных ему капелланов и канцлеров со средневековыми инквизиторами, как отмечено в ремарке, «в капюшонах и масках». Далее поэт продолжает: «Жестом руки Художник загоняет Критика и Политика в картину Филонова. Они проходят сквозь полотно и становятся фигурами среди прочих»². Совмещенные во внутрикартинном пространстве подлинники и растражированные епифанией вождя их копии идеально, по-гумилевски, атрибутируют смыслы исторического, или бытийного времени.

Поэтика второй пьесы-сказки об истории явления Асмодея свидетельствует об интерпретации легенды о докторе Фаусте, связанной с мировой литературой и с блоковским «Балаганчиком». «Как и в бурлеске Блока, – пишет В.Н. Демин, – у Льва Гумилева действуют Пьеро, Арлекин и Коломбина, но в лицах ленинградских студентов предвоенной поры. Вместо беса Мефистофеля – бес Асмодея, а вместо Фауста – старый, беспринципный и безымянный Профессор Ленинградского университета, у которого учатся упомянутые студенты. Сюжетная линия – почти как в гетевском «Фаусте», но с поправкой на современность. Скупой, как шекспировский Шейлок, Профессор продает свою душу дьяволу в обмен на его содействие в обладании молоденькой студенткой. А чтобы ее ухажеры Пьеро и Арлекин не мешались под ногами, упекает их с помощью Асмодея в тюрьму НКВД»³.

Пьеса Гумилева – о возмездии, постигшем бездарного Профессора, который вступил в сговор с дьяволом ради плотских наслаждений. Ему неведома фаустовская трагедия познания, которая сравнима с переживаниями Екклесиаста: «И продал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость; узнал, что и это томление духа. Потому что во mnogой

¹ Там же. - С. 416-417.

² Там же.

³ Демин В.Н. Лев Гумилев. – М., 2008. - С. 67.

мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь»¹. Вскормленный идеологией сталинизма, когда «цвел марксистский метод», этот псевдоученый, как показывает Гумилев, написал весьма популярную по тем временам диссертацию «О вредности старинных суеверий». В ней он безоговорочно утверждает, что наступивший «век несет всем свет иного дня».

Однако Гумилев низводит образ доктора советского образца с пьедестала университетской кафедры. Заключивший постыдную сделку с Асмодеем, профессор признает мнимость своих заслуг: «Работа, власть и слава – ерунда...»².

Моделируя несостоятельность героя-ученого устами студентов, автор замечает, что они вынуждены были ходить на его лекции, но «прели», «зажавши уши, зевая и смотря по сторонам»³.

Действие пьесы начинается в «культурной пивной на канале Грибоедова». Здесь влюбленные в красивую девушку герои-соперники проводят свой лучший вечер «стихов и вина». Они должны завтра сразиться на дуэли, чтобы разрешить проблему любовного «треугольника». Однако эмоционально-психологическая атмосфера «скрипок и огней» нарушена вмешательством таинственных сил. Профессор, «ловец и сердец, и телес», начинает свой дьявольский опыт испепеления душ со своих студентов.

Подобный тип Профессора – далеко не вымышленный. Он вобрал в себя черты таких, которые, утратив классическое величие ученого, становились осведомителями карательных органов. Вспоминая о том, как его арестовали на четвертом курсе, в марте 1938 года, Гумилев рассказывал, что профессор Пумпянский, читавший студентам-историкам курс русской литературы, дошел до 1920-х годов и стал потешаться над стихами и личностью его отца Николая Гумилева. «Поэт писал про Абиссинию, – воскликнул он, – а сам не

¹ Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. Канонические. – Москва, 1988. - С. 16-17.

² Гумилев Л.Н. Чтобы свеча не погасла. – М., 2003. -С. 451.

³ Там же. - С. 453.

был дальше Алжира» [...]. Не выдержав, я крикнул профессору с места: «Нет, он был не в Алжире, а в Абиссинии!» Пумпянский снисходительно парировал мою реплику: «Кому лучше знать – вам или мне?» Я ответил: «Конечно, мне»¹.

В том, что Пумпянский жаловался не только в деканате, но и дальше, студент Гумилев убедился на первом же допросе во внутренней тюрьме НКВД. По мере чтения доноса следователь Бархударян все больше распалялся. «В конце он уже не говорил, а матерясь, кричал на меня: «Ты любишь отца, гад! Встань...К стене!» Он схватил меня, – вспоминал далее Гумилев, – за воротник рубашки, приподнял с наглухо ввинченной в цементный пол табуретки и стал зверски меня избивать... избиения продолжались в течение восьми ночей»².

В пьесе Гумилева его литературный прототип, студент Пьеро, олицетворяет неукротимый дух морально-нравственного противостояния. Одаренный юноша-поэт, вполне светский и благородный, находясь в темнице, развивает свои идеалы в русле гумилевского критического романтизма:

Как любить такую страну,
Где у всех мы будем в плену?³

Под «всех» поэт подразумевает *широкую синь реки, бессонницу и пургу, сушащую кровь тоску, тугую проволоку и низкие чахлые березы, бездорожье тундры и таежные версты*. Как видно, его сильные жизненные переживания связаны с природной картиной окружающего мира, отличительную «архитектуру» которой являют проволочные ограждения. И хотя человеческим стремлениям героя – любить и быть любимым, учиться и быть ученым – уготовано наказание, его невозможно укротить:

¹ Демин В.Н. Лев Гумилев. – М., 2008. - С. 59.

² Там же.

³ Гумилев Л.Н. Чтобы свеча не погасла. – М., 2003. - С. 468.

Но бояться этой страны
Мы не станем и в смертный час.
Беспощадный гнев сатаны
Несклоненными встретит нас¹.

Если у Гете фаустовская тема высоких порывов и устремлений личности раскрывается в русле эстетики античного мира и идеалов эпохи Просвещения, то у Гумилева история сговора советского Фауста с сатаной связана с эпохой сталински организованного мира. По признанию гумилевского ученого, для него *«этот мир – как химику реторта»*².

Иными словами, мир как материал для чудовищных экспериментов становится основанием демиургической функции марксистов-большевиков (*«Как наше время двинулось вперед! / Пример: тогда не цвел марксистский метод»*). Олицетворяя сниженную копию образа средневекового доктора – чернокнижника, герой-марксист лишен сокровеннейших переживаний души.

И в условиях подавления духовно-творческого начала сей Фауст советского образца торжествующе убежден, что его *«как всем пример отличит сам великий Люцифер»*, который о подобных ему *«там мечет жребий»*.

Высоким смыслом классического величия, как и в пьесе «Волшебные папиросы, овеян «Город юности» Гумилева – Петербург. Продолжая художественное преображение лагерного «здесь» в петербургское «там», он переводит знакомые образы города на язык поступков и помыслов персонажей в пьесе «Посещение Асмодея». Оба сочинения поэта иллюстрируют его приверженность родным пенатам, его укорененность в месте рождения. Историко-биографическая и духовная память, сформировавшаяся обликом города на Неве, создает возвышенный «текст» воспоминаний – «текст» видений поэта, которые меняются от картины к картине.

¹ Там же. - С. 469.

² Там же. - С. 457.

Городская топология накануне явления Асмодея носит устойчивый характер тревоги, выраженной предметно в звуке, свете и цвете: *опустелый переулок, гулкая лестница, мрак закрытого окна, тоскующие во мгле трамваи, переполненные воды Невы, как собаки под луной, скулящие скрипки и серая стена в лучах луны.*

Как «отрицательный ландшафт» город задан образом замкнутого пространства камеры, куда брошены юноши, «вечно влюбленный жених и друг его с пристальным взглядом». Однажды увидев их вместе, Асмодей решил, что они – «точь-в-точь Арлекин и Пьеро»¹. Единство тягостного впечатления темницы усиливают *высокое окно, откуда по капле стекает «свет незрячий», и «мутные тени», откуда в разных обличьях является бес*, чтобы вслед за свободой отнять души молодых узников.

В последнем действии пьесы, когда герои спасены, а черт исчезает, унося в когтях того, кто искал опору в нем, открывается новая картина Петербурга. В ее предрассветной панораме город предстает свободным от призраков. Здесь *два голубка, что целуются «над лепными карнизами», открытая улица «в немеркнувшем нимбе огней», абрисы зданий, запечатлевшие «узоры мечтаний» героя.* Этот урбанистический пейзаж с сакральной символикой ангелов-голубков, сияющего нимба, венца крестов и с пьянящим запахом «морских испарений» все более втягивает героя, искушая его состоянием полета-свободы.

Индекс абсолютного его освобождения корреспондирует с лирическим образом Петербурга, очарованная даль которого представима визуально: *«В браслетах лебяжьих мостов,/ В вуали туманной истомы,/ В венце воспаленных крестов,/ И в блеске Невы, окаймленной / Холодной осенней зарей»*². Погружаясь в «память города», автор преображает цитатный образ Пьеро и тип героя, возвращенного в до-существование:

¹ Там же. - С. 459.

² Там же. - С. 475.

Я счастлив, как облако белое,
Плывущее там, в вышине.
И больше не чувствую тела...¹

Гумилевский Пьеро способен воспламениться душой и стать единым с городом существом: *«Я Дух этой дивной столицы, / А город мой – тело мое»*².

В авторской ремарке о Пьеро дано пояснение: «Расплывается в пространстве так, что виден только городской пейзаж в лучах восходящего солнца»³.

Таким образом, гумилевские сюжеты о Пьеро и явлении Асмодея, как и рассмотренные выше сюжеты «волшебных папирос» кремлевского горца, создают единый «петербургский текст». Возникший в пространстве далеком от берегов Невы, он оказывается рефлексией над идеологией тотального режима, который обрек студента-поэта на изгнание, на испытание лагерями и разлукой с городом-миром.

В эсхатологической концепции времени («Зимняя сказка», «Осенняя сказка») Л.Н. Гумилев прозревал неразрушимый град праведной жизни.

Шахин А.А.

ОБРАЗНОСТЬ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА Л.Н. ГУМИЛЕВА

*Слово не есть наша произвольная выдумка:
всякое слово, получившее место в лексиконе языка,
есть событие в области мысли.*

В. Жуковский

¹ Там же.

² Там же. - С. 476.

³ Там же.

Экспликация значений лексических единиц способствует разъяснению языковых единиц отдельного текста через другие, более известные единицы. Лексикографические дефиниции вместе с материалом источников дают более полную картину семантического объема языковых единиц и помогают правильно истолковать содержание произведения, избежать ошибок при использовании научных идей Л.Н. Гумилева.

Когнитивная лингвистика, активно развивающаяся на рубеже веков, представлена работами многих современных ученых. В основе когнитивных исследований лежит изучение проблемы хранения наших знаний о мире, их структурирования в языке в процессе коммуникации, где язык предстает в новой парадигме с позиции его участия в познавательной деятельности человека. Когнитивистами изучаются внутренние представления, модели, символы, стратегии человека. Поведение и деятельность человека протекают при активном участии языка, который образует речемыслительное ядро любой человеческой деятельности – формирует ее доводы, установки, предсказывает последствия.

В современном мире во многих областях лингвистики подход к языковым явлениям осуществляется с позиций когнитивной семантики, которая обуславливает поведение лексических единиц, их сочетаний, целых конструкций, предложений и т.д. Материалом для анализа и моделирования ментальных процессов выступают различные языковые данные, на основе которых исследуются механизмы продуцирования и восприятия речи, взаимодействие коммуникантов, организация памяти и ее роль в процессе общения¹. Внимание лингвистов, работающих в области когнитологии, смещается от общих принципов устройства абстрактного языка к тому, как отдельный носитель мыслит, создает речевую стратегию, распоряжается известной ему информацией, когда говорит или пишет. Когнитивный подход применяется в анализе различных языковых единиц. В основе когнитивного метода лежит

¹ Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. - М., 2000. – 416 с. – С. 378.

попытка совмещения сведений из различных сфер, сопоставления этих данных и поиск смысла семантической непрерывности.

Когнитивный подход является одним из перспективных направлений исследования метафор. Метафора может описываться как познавательный процесс, который формулирует и вырабатывает новые понятия, и как культурный процесс, посредством которого изменяется сам язык. С позиций когнитивной лингвистики одной из важнейших функций метафоры является функция получения нового знания.

Основы когнитивного подхода к изучению метафоры были заложены в книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем»¹. Ученые постулируют метафору в роли основной когнитивной операции, которая обеспечивает перенос образных схем из одного концептуального окружения в другое. Переданные на содержательном уровне базовые идеи когнитивного подхода не утратили своей актуальности и сейчас, по прошествии почти двадцати пяти лет со времени выхода книги в свет. Более того, метафорический анализ, предложенный Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, является, по сути, единственным на сегодняшний момент методом когнитивной лингвистики. Это отмечают в своих работах такие авторитетные исследователи в области когнитивной лингвистики как В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов. По мнению А.Н. Баранова, редактора и переводчика этой книги, она стимулирует и исследование метафор, и осознанное отношение к использованию метафоры в обыденной речи, создавая для этого не только чисто научную, но и общественно значимую мотивацию².

Дж. Лакофф и М. Джонсон полагают, что метафору нельзя рассматривать как совокупность случайных и произвольных контекстов употребления. Метафорические концепты организованы системно, они структурируют не только язык, но и наше мышление, установки и действия. Метафора – это,

¹ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М., 2004. – 256 с.

² Там же. – С. 21.

прежде всего, «способ постижения одной вещи в терминах другой», и таким образом ее основная функция заключается в обеспечении понимания.

В основе процессов метафоризации лежат процедуры обработки структур знаний – фреймов и сценариев. Знания, реализующиеся во фреймах и сценариях, представляют собой обобщенный опыт взаимодействия человека с окружающим миром – как с миром объектов, так и с социумом¹.

Производство метафор – это не просто лингвистическое явление, которое происходит на поверхностном уровне языка; оно берет начало в глубинном когнитивном процессе творческого характера, открывающем новые возможности развития значений. Создатель жизнеспособных метафор тем или иным образом объединяет понятия, на первый взгляд не связанные, чтобы вызвать к жизни новое подвижное понятие, выявляющее сходство между некоторыми из своих черт и обнажающее расхождение между ними.

Анализ терминосистемы произведений Л.Н. Гумилева свидетельствует об образности его терминологического аппарата. Метафоричными терминами в нем являются: *полоса свободы, пусковой момент, пассионарность, событие, комплиментарность, мозаичность этноса, генетический «дрейф», химера, старение, смерть, ксения, ностальгия, футуризм*. Используемые Л.Н. Гумилевым традиционные приемы терминообразования, анализируемые с привлечением методов когнитивной лингвистики, дают дополнительную информацию, необходимую для углубления и расширения существующих в настоящее время представлений о возможностях когнитивной лингвистики и их репрезентации в трудах ученого.

В терминосистеме Л.Н. Гумилева метафора не просто представляет собой наиболее подходящую номинацию определенного концепта, с которым при метафоризации в данном типе дискурса устойчиво связываются фиксированные области источника или цели. Зачастую она оказывается единственной номинацией определенного объекта или процесса. Такой метафоричный термин позволяет ученому сообщить о своем понимании сути явления или

¹ Там же. – С. 9

объекта, которые еще не имеют своего названия. Л.Н. Гумилев берет многогранное исходное нерасчлененное представление, делит его на стороны, аспекты, черты, а затем дает им строгое терминологическое определение. В результате рождаются понятия, требующие такого названия, которое отражает новое понимание и трактовку осмысляемого события. Как показывает наше исследование, метафора может выполнять функцию термина, так как содержит большой объем информации. Метафоричные термины Л.Н. Гумилева составили основу научных парадигм, перестроив терминологический аппарат истории, географии. Целенаправленное использование метафоры при создании терминов свидетельствует об осознанном и творческом использовании ученым определенных языковых средств.

Конкретно-предметная лексика, употребляемая Л.Н. Гумилевым, выражает абстрактные понятия, нематериальные процессы и явления.

Например, *химеру* (сосуществование двух и более чуждых суперэтнических этносов в одной экологической нише, ведущее к разрушению обоих этносов: потере этнического своеобразия, разрушению единой ментальности народа) ученый отождествляет с живым развивающимся организмом. Она появляется на свет (*рождение*), развивается (*разрастание*), борется (*бросок*) и умирает (*агония*). Такая метафора позволяет видеть исторические события как некое существо, субстанцию, дает ключ к пониманию природы этого явления. Источником для создания данного концепта послужило общее представление о некоем фантастическом чудовище, возникшем путем мутации. Представление о рождении такого чудовища возникло в результате метафорического переосмысления биологического термина, имеющего следующее значение: *химера* – организм, получившийся в результате естественного или искусственного сращения тканей, принадлежащих разным организмам. То есть, *разные организмы – этносы срослись в одном географическом пространстве – экологической нише. Отторжения тканей не произошло, но в результате слияния оба этноса теряют свою самобытность и в конечном*

итоге исчезают. Таким образом, созданное ученым ассоциативное поле, помогает раскрыть сущность данного концепта.

Также и пассионарность может совершать поступки подобно живому человеку – поддаваться различным эмоциям, играть в азартные игры. Например, читаем у Л.Н. Гумилева: «Однако надо заметить, что интенсивность развития не всегда идет на пользу этносу. Возможны перегревы, когда *пассионарность выходит из-под контроля разумной целесообразности* и из силы созидательной превращается в разрушительную. Тогда гармоничные особи оказываются спасителями своих этносов. Люди этого склада – крайне важный элемент в *теле этноса*»¹; «*Пассионарный толчок перетасовал арабов так, что выделилась группа (консорция) сторонников Мухаммеда*»². Антропоцентризм при образовании терминов-метафор указывает на то, что ученый проецирует описываемые события и явления на себя. Именно его глазами видится мир.

Каждый новый метафорический термин у Л.Н. Гумилева – это неожиданное сочетание слов и смыслов: «*Генетический дрейф* – явление рассеивания пассионарного признака путем случайных связей, обычных во время войн». Метафоричность термина изменяет ранее существовавший смысл понятия «дрейф» – медленное перемещение чего-нибудь под влиянием внешних воздействий. При употреблении термина ученый сравнивает и отождествляет конкретные объекты, опираясь, в частности, на представления об их типологических типах. Абстрактной сущности – *распространение генетического признака* – придается конкретное значение и в сознании возникает образ дрейфующего корабля и т.п., то есть для абстрактного понятия есть некий когнитивно мотивированный физический образ. В контексте произведения постигается смысл этого термина: «Внесение признака пассионарности со стороны по последствиям не отличается от возникновения путем мутации. Разница проявляется лишь в том, что при *генетическом «дрейфе»* признак

¹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М., 2003. – С. 289.

² Там же. – С. 334.

распространяется более быстро, а, следовательно, процесс идет более интенсивно»¹.

Для понимания новой сущности известного понятия необходимо знание значения предмета или явления, которые номинируются метафорой. Исходя из специального значения слова «старение» – изменение строения и свойств металлов и сплавов под действием времени или нагревания², ученый одну из фаз энтропийного процесса в исследовании называет термином *старение*, означаящим – *процесс потери инерции пассионарного толчка в этнической системе на персональном и этническом уровне*. Новый термин подчеркивает знание ученым того первоначального явления, название которого используется для сравнения: «В ней наряду с плавными энтропийными процессами подъема, расцвета и *постепенного старения* обнаруживаются моменты коренной перестройки, ломки старых традиций, вдруг возникает нечто новое, неожиданное, как будто мощный толчок потряс привычную совокупность отношений и все перемешал, как колоду карт»³. Как видим, удачный метафоричный термин способен намного увеличить количество информации. Новая информация, переданная в такой форме, запоминается надолго.

Слово *мозаичность*, имеющее в толковом словаре значение: «состоящий из отдельных небольших смыкающихся частей, элементов»⁴, обязано своим новым этнологическим значением Л.Н. Гумилеву. Термин *мозаичность этноса*, в словаре ученого обозначает *неоднородность внутренней структуры, необходимой для поддержания этнического единства*⁵. При обращении к данному термину в сознании возникает образ красивого узора из скрепленных друг с другом кусочков смальты, разноцветных камешков, эмали, дерева. Как каждый отдельный элемент мозаики служит для создания одной великолепной картины, так и, по мнению Л.Н. Гумилева, внутренняя

¹ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. – М., 1989. – С. 46.

² Там же. – С. 762.

³ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М., 2003. – С. 515.

⁴ Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН. – 4-е изд., дополненное. – М., 2003. – С. 362.

⁵ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М., 2003. – С. 545.

разнородность членов этноса нужна для его единения. В этом заключается суть метафоричного переноса значения слова при создании данного термина.

Развивая когнитивную теорию метафоры, Дж. Лакофф и М. Джонсон утверждают, что «так называемые чисто интеллектуальные концепты, например понятия научной теории, часто (а, возможно, и всегда) основаны на метафорах с физическим и/или культурным основанием. Интуитивная привлекательность научной теории зависит от того, насколько хорошо ее метафоры соответствуют опыту человека»¹. Суть этого высказывания заключается в том, что ни одну метафору нельзя осмыслить или адекватно изобразить обособленно, без учета ее эмпирических оснований. Приведенные ниже примеры подчеркивают эту неотделимость метафор.

Термины-метафоры создаются Л.Н. Гумилевым на основе сходства понятий, которые относятся к различным областям знания – в репрезентации метафор он встраивает эмпирические основания. Ученый чутко улавливает общность между конкретными и абстрактными объектами. Обращение к конкретным областям – медицине, физике, геологии – вызывает определенный эффект. Термин *ксения*, заимствованный Л.Н. Гумилевым из геологии, получает новое значение и становится термином этнологическим. Определяя дефиницию термина, ученый поясняет, что буквальное значение слова *ксения* в переводе с греческого языка – «гостья», которое в толковом словаре определяется как, «тот, кто посещает кого-нибудь с целью повидаться, побеседовать, вместе провести время»². Таким образом, данное ученым терминологическое определение «*ксения – вариант симбиоза, при котором небольшая группа представителей иного этноса живет среди аборигенов и не смешивается с ними*»³ переосмысливается метафорически и служит для описания ситуации, когда представители одного этноса «гостят» у другого. В контексте работы автор дает такое описание этого понятия: «Характер того или иного

¹ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М., 2004. – С. 43.

² Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН. – М., 2003. – С. 141.

³ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М., 2003. – С. 543.

социального организма накладывает свой отпечаток на взаимодействие смежных этносов, которые в ряде случаев вынуждены жить в одном регионе, мириться с фактом сосуществования, но не могут не тяготиться друг другом. Их можно назвать *ксении*. Такова Бельгия, куда вавилоняне и фламандцы оказались «задвинуты», как жильцы в коммунальную квартиру. Такова Канада, где англичане, французы и др. сосуществуют, но не сливаются и не делят функций»¹.

Термин *аннигиляция* в физике означает явление *взаимоуничтожения элементарных частиц разных знаков с излучением света и потерей массы* (превращение в ничто). Л.Н. Гумилев модифицирует это значение применительно к своей теории этногенеза и вводит термин *этническая аннигиляция*, значение которого заключается в том, что члены этносов, которых ученый уподобляет атомам, взаимоистребляют друг друга. На данном примере мы можем наблюдать процесс превращения физического термина в этнологический путем метафоризации. В контексте работы Л.Н. Гумилев последовательно развивает эту метафору - отдельных членов этноса он называет «свободными атомами»², а пассионарная энергия «меняет знак»³.

Это и есть в самом общем виде механизм метафоризации. Он сродни аналогии, строящей и перестраивающей, как известно, морфологические системы языков. Спецификой терминологической метафоризации является отсутствие окказиональных элементов при реализации моделей переноса. Антропонимизация является доминирующим процессом при метафорическом терминообразовании. Метафора – это и есть принцип аналогии, только действующий в семантике. Поэтому в когнитивной модели языка метафора занимает не периферийное, а центральное место. С точки зрения когнитивиста практически все значения (даже грамматические) связаны друг с другом цепочкой метафорических переносов.

¹ Там же. – С. 137.

² Там же. – С. 91

³ Там же. – С. 99.

Таким образом, когнитивная семантика берется отвечать на до сих пор запретный вопрос о том, *почему* или *каким образом* возникает то или иное значение¹. В когнитивной семантике метафора становится рабочим инструментом описания полисемии.

Шен Йунус Нади

ЭЛЕМЕНТЫ КОНКУРЕНЦИИ И ДИНАМИКИ СБЛИЖЕНИЯ В ОТНОШЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Первая мировая война, разразившаяся в первой четверти XX века, чрезвычайно ослабила обе империи, в результате чего сторонники социализма большевики в октябре 1917 года захватили власть в России, а в Анатолии турки во главе с Мустафой Кемалем начали борьбу за независимость против оккупационных властей и правительства Османской империи в Стамбуле. При этом политическая борьба большевиков с белыми², которые стремились создать новую царскую Россию, привела к тому, что Россия очень быстро оказалась вовлеченной в жесткую гражданскую войну. Тот факт, что европейские страны поддерживали в этой гражданской войне белых, еще больше усилило вражду между большевиками и Европой³.

¹ Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М., 2000. – С. 359.

² Белое движение — военно-политическое движение разнородных в политическом отношении сил, сформированное в ходе Гражданской войны 1917—1923 годов в России с целью свержения советской власти. Белое движение было крупнейшей антибольшевистской военно-политической силой во время Гражданской войны в России и существовало наряду с другими демократическими антибольшевистскими правительствами, националистическими сепаратистскими движениями на Украине, Сев. Кавказе и в Средней Азии. «Банкетная кампания» 1904 - Большой Иргиз / Председатель Науч.-ред. совета Ю. С. Осипов, отв. ред. С. Л. Кравец. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2005. – С.74.

³ Евразийство (Формулировка 1927) // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. – М., 1993. – С. 227

То, что в это же время турки также боролись против европейских стран за обретение независимости, стало поводом для установления тесных взаимоотношений между русскими и турками с целью противостояния Европе. Этот неформальный альянс между Советским Союзом и Турцией, наложил свой отпечаток на отношения между двумя странами, которые длились около тридцати лет вплоть до начала Второй мировой войны¹.

С другой стороны, в этот период не только большевики задумывались о том, как устоять России перед лицом угрозы Запада. Несмотря на то, что по некоторым вопросам сторонники концепции евразийства, целью которых было спасение России, имели одинаковые взгляды с большевиками, будучи убежденными в том, что социализм не является выходом для России, они заняли позицию против большевиков².

Тем не менее, взгляды евразийцев и большевиков на Турцию были очень похожи, так как обе группы являлись последователями Русской идеи, оценивавшей роль турок в мировой политике с точки зрения отношений между Россией и Западом.

В соответствии с определениями Савицкого и Трубецкого, Евразия – это область, которая приблизительно совпадает с географической территорией, которую занимает Советский Союз³. Евразийцы, территориальные планы которых охватывали территорию вплоть до границ Царской России во времена ее процветания; которые отрицали цивилизационную иерархическую структуру, в основе которой лежал европоцентризм; и которые защищали идею того, что каждая цивилизация может развиваться в свете своих собственных движущих сил, серьезно критиковали социокультурные реформы Петра I, который взял за основу Европу⁴.

¹ Спр. о политической обстановке, в которой был подписан договор о дружбе и братстве между РСФСР и Турцией от 16.03.1921 года // АВП РФ, ф.0132, оп. 366, п. 325, д. 1. – Л. 1-14.

² Козлова Н.Д. История России с древних времен до наших дней. – М., 2010. – С. 369- 418.

³ İmanov V., Erşen E. Avrasya Konuşmaları: Medeniyet, Modernite, Kimlik. – İst.: Küre, 2010. С.17.

⁴ Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – М., 1981. – С. 428.

В определении этнокультурной Евразии Трубецкого, Турции не отводится большого значения по причине того, что она упоминается вместе с другими азиатскими странами, которые, по выражению большевиков, эксплуатируются Европой. То, что в написанном им труде Трубецкой говорит о России как о «наследнице Чингисхана»¹, можно также рассматривать как завуалированный ответ евразийцев на утверждения пантюркистов относительно того, что это же «наследие» принадлежит им. В 1925 году, когда Трубецкой писал это, турецко-советские отношения продолжали развиваться в неплохом темпе². Когда по окончании Холодной войны появились опасения в отношении проведения Турцией политики пантюркизма, это привело к негативному восприятию новыми евразийцами роли Турции в Евразии.

В основе такого отношения представителей СССР к Турции в первую очередь лежат изменения, произошедшие в мировой политической конъюнктуре после Второй мировой войны. Турция, которая посчитала, что проведенные Сталиным еще до начала войны переговоры Советского Союза с Англией и Францией, закончатся созданием союза против Германии, накануне заключения договора между СССР и Германией подписала союзный договор с Англией и Францией. Это можно рассматривать как первую крупную «трещину» в отношениях между Турцией и СССР. Турция, воздержавшаяся от объявления войны Германии, в конце войны столкнулась с притязаниями Сталина на Проливы и на земли на северо-востоке Анатолии³.

После первой мировой войны быстро ухудшающиеся отношения Советского Союза с США и странами Западной Европы, а также разделение Европы на два идеологических противоборствующих блока привело к тому, что Турция, для того чтобы противостоять притязаниям Сталина, вошла в Атлантический блок⁴. Эта трансформация отношений, к которой привело разделе-

¹ Трубецкой Н. С. Наследие Чингиз хана. – М., 1999.

² <http://www.pravda.ru/world/asia/centralasia/11-12-2007/248234-turkey-0/>

³ Гасанлы Д. СССР- Турция: от нейтралитета к холодной войне 1939-1953. – М., 2008. С.19.

⁴ Saray M. Sovyet Tehdidi Karşısında Türkiye'nin NATO'ya Girişi: III. Cumhurbaşkanı Celal Bayar'ın Hatıraları ve Belgeler. Ankara, 2000.S.103.

ние на два противоположных лагеря, еще больше усилилась, когда в 1952 году Турция стала полноправным членом НАТО – организации, которая была создана для обеспечения общей защиты от Советского Союза¹. То, что с точки зрения неоевразийства Турция превратилась в страну, представляющую угрозу геополитическим интересам Российской Федерации в регионе, тесно связано с изменениями, произошедшими по окончании Холодной войны в традиционной политике Турции в отношении всего региона.

В биполярном мире Холодной войны Турция обеспечивала свою безопасность, полагаясь на Запад и свое стратегическое значение, являющееся результатом членства в НАТО. Когда в 1989 году Турция не смогла получить желаемого членства в ЕС, угроза потери влияния НАТО, являвшегося ее единственной сильной связью с Западом, вызвала беспокойство в политических и военных кругах². Можно сказать, что именно это беспокойство стало основным фактором, подтолкнувшим Турцию к пересмотру некоторых элементов своей традиционной внешней политики.

Вопрос «турок, проживающих за пределами Анатолии», которого прежде Турции намеренно удавалось избегать, стал важным элементом этой многосторонней внешней политики, начатой сразу же после окончания Холодной войны. После распада СССР, вслед за появлением новых независимых республик в Средней Азии начали все чаще слышаться теоретические тезисы относительно того, что Турция, предложив свою политическую и экономическую систему в качестве «модели», которая укажет этим государствам новый путь, сможет изменить свое геостратегическое значение. В результате поддержки со стороны западного блока, который опасался, что из-за появления после распада Советского Союза геополитического вакуума республики Средней Азии примут для себя политическую культуру, отождествляемую с шариатскими законами Ирана, Турция начала развивать всесторонние отношения с этими республиками, представляя модель страны, которая

¹ Гасанлы Д. СССР- Турция: от нейтралитета к холодной войне... С.13.

² Davudoğlu A. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İst.: Küre, Ocak 2010. S.493.

доказывает, что ислам, демократия, права человека и рыночная экономика могут сосуществовать¹.

Постепенно углубляющиеся отношения между Турцией и республиками Средней Азии стали причиной значительного воодушевления в политических кругах Турции. Это одновременно привело к тому, что Турция стала играть в регионе новую для себя роль «старшего брата»². Однако эта позиция не только вызвала реакцию со стороны республик Средней Азии, который полагали, что им не нужен новый старший брат, но и породила в России и Иране серьезные сомнения относительно политики Турции в регионе³.

В 1993 году Россия начала применять во внешней политике «принципа соседства», помогло ей быстро восстановить свое влияние на страны постсоветского пространства и убедило мировое общественное мнение в том, что геополитический вакуум в регионе заполнит сама Россия⁴. Начиная с 1994 года, Россия, внедряющая принцип «соседства», являющийся результатом реалистичного геополитического подхода, лежащего в основе ее идейной философии, начала очень внимательно следить за политикой Турции в отношении энергетических ресурсов Средней Азии и Каспия.

Несмотря на атмосферу, в которой царили сомнения и недоверие в восприятии друг друга, государственные деятели, имевшие влияние на функционирование политических механизмов между Россией и Турцией, в отношениях на официальном уровне прибегали к осторожной риторике. Значительное влияние на это оказало то, что евразийство стало концепцией, влияющей на структуру российской дипломатии⁵. Из-за лежащего в основе евразийской концепции стремления установить контроль и влияние в регионе, любой «участник», который пытался установить свое господство на постсоветском пространстве, становился для России источником беспокойства. В этом

¹ Inter Press Service, 12 февраля 1992.

² Колобов О.А., Корнилов А.А., Озбай Ф. Современные турецко- российские отношения: Проблемы сотрудничества и перспективы развития. – Нижний Новгород, 2004. – С. 90-104.

³ Турецкая Республика. Справочник. – М., 2000. – С.105.

⁴ Davudoğlu A. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu... – S.472.

⁵ Колобов О.А... Современные турецко- российские отношения... – С.274-278.

смысле, неудивительно, что активная политика, проводимая в данном регионе Турцией в этот период, сделала ее серьезной угрозой для России.

То, что Россия начала определять свою политику по отношению к странам постсоветского пространства в рамках принципа соседства, породило первый важный результат с точки зрения российско-турецких отношений, который заключался в начале укрепления политических, военных и экономических отношений России со многими бывшими советскими республиками и параллельно этому – в осознании «хрупкости» сотрудничества между Турцией и тюркскими республиками¹.

Продолжающаяся с 1991 года политическая борьба между азербайджанцами и армянами Нагорного Карабаха, фактически превратилась в армяно-азербайджанский конфликт при поддержке Арменией своих сородичей в Нагорном Карабахе. Турция с самого начала оказывала значительную политическую поддержку Азербайджану. Одна из причин проазербайджанской позиции Турции заключается в том, что вследствие различных исторических проблем отношения между Арменией и Турцией испорчены. Общественная реакция в Турции, которую вызвало массовое убийство армянскими вооруженными формированиями гражданского населения в азербайджанском городе Ходжалы в феврале 1992 года, незамедлительно вызвала опасения относительно того, что Турция может вмешаться в войну². После того как в апреле 1993 года армяне захватили город Кельбаджар и открыли второй сухопутный коридор между Арменией и Нагорным Карабахом, заявление Озала о том, что Турция будет оказать Азербайджану вооруженную помощь, вызвало реакцию в Москве и предупреждения относительно того, чтобы Турция не вмешивалась в дела Азербайджана. В то время как турецкие политические круги обсуждали ответную реакцию³, перемирие, достигнутое благодаря

¹ *Erşen E.* Sovyet Sonrası Rus Avrasyacılığı. / Basılmamış doktora tezi. İst.: Marmara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, 2009. – S.217.

² *Türk Dış Politikası Kurtuluş Savaşı'ndan Bugüne Olgular, Belgeler, Yorumlar*, Cilt II: 1980-2001. (2. Baskı), Editör: *Oran B.*, İletişim yay. İst., 2001. – S. 544.

³ *Фредди де Пау.* Политика Турции на закавказье // Спорные границы на Кавказье. – М.: Весьмир, 1997. – С. 45.

вмешательству России в 1994 году, привело к тому, что Нагорный Карабах перестал быть решающим фактором российско-турецких отношений¹.

Помимо того, что в связи с конфликтом в Нагорном Карабахе Армения, территориально окруженная Турцией и Азербайджаном, с каждым днем стала все больше и больше нуждаться в военной, политической и экономической помощи России; начиная с 1994 года, благодаря своему принципу соседства Россия смогла добиться желаемого результата на Кавказе. Этот успех принципа соседства на Кавказе также привел к результатам, которые были непосредственно связаны с безопасностью Турции. В марте 1995 года две армянские базы были сданы Арменией в аренду России сроком на двадцать пять лет. Границы, находящиеся под защитой российских войск, представляли собой соседствующие с Турцией территории. Такое развитие событий привело к тому, что Турция увидела в России стратегическую угрозу на северо-востоке Турции².

К геополитической конкуренции, которая продолжалась между Турцией и Россией с 1994 года, добавился сильный элемент геоэкономической конкуренции. Энергетические ресурсы Каспийского моря представляли собой важное средство для осуществления этими странами независимых от России экономических и политических шагов. За счет доходов от продажи энергоресурсов страны этого региона, с одной стороны, привлекая к себе западные инвестиции, могли получить значительную экономическую свободу, а с другой стороны, благодаря прокладке трубопроводов по транспортировке нефти и природного газа через другие страны, кроме России, могли бы освободиться от экономического и политического давления России³.

Россия, которая в рамках евразийской концепции воспринимала эту возможность как угрозу своему влиянию в регионе, в течение длительного времени требовала исполнения определенного правовым статусом Каспий-

¹ Колобов О.А... – С. 202.

² Erşen E. Sovyet Sonrası Rus Avrasyacılığı... – S. 233.

³ Koçgündüz L. M. Hazar Bölgesi Enerji Politikaları, Dünya Çatışmaları Çatışma Bölgeleri ve Konuları, Edit.: Kemal İnat, Burhanettin Duran, Muhittin Ataman, C.1. – Ank., Ekim, 2010. – S. 487.

ского моря требования эксплуатации энергетических ресурсов региона с общего согласия пяти прибрежных государств (России, Ирана, Азербайджана, Туркменистана и Казахстана)¹.

Для российско-турецких отношений, в свою очередь, стал важным маршрут, по которому должен был пройти основной трубопровод, используемый для транспортировки этих резервов на зарубежные рынки. И здесь Турция, которая с 1993 года предлагала проект строительства трубопровода, по которому азербайджанская нефть через Иран, Армению или Грузию будет доставляться в средиземноморский портовый город Джейхан, столкнулась с Россией, которая поддерживала идею транспортировки Каспийской нефти на внешние рынки только через трубопроводы, протянувшиеся до ее порта Новороссийска. В это же время проект строительства нефтепровода «БТД» благодаря поддержке турецкого проекта Алиевым, который начал видеть в российской политике соседства угрозу для независимости Азербайджана, а также поддержке по тем же соображениям со стороны Грузии стал самым важным конкурентом трубопроводу «Баку-Новороссийск»².

То, что именно в этот период российско-американские отношения стали очень натянутыми из-за расширения НАТО на восток, и что в связи с этим США заняли протурецкую позицию в отношении строительства нефтепровода, также имело большое значение. Благодаря постоянно растущей политической и экономической поддержке США после 1997 года, Турция стала страной-кандидатом на роль «энергетического коридора», то становится понятным, почему с точки зрения евразийской концепции Турция рассматривалась как наиболее важный региональный геополитический соперник России³.

Другой примечательной особенностью российского евразийства в постсоветский период являются экспансионистские устремления России, нацеленные на установление господства на постсоветской территории.

¹ Ibid. – S. 489.

² Колобов О.А.... 2004. С.153.

³ E. Ersen, «The Impact of Baku-Tbilisi- Ceyhan Oil Pipeline on Turkey-U.S. Relations», Turkish Review of Eurasian Studies, Annual 3, 2003. pp.99-103.

Именно эти устремления являются наиболее важным моментом, отделяющим новое евразийство от прагматичного евразийства. В то время как нео-евразийство стремится посредством географической экспансии объединить страны бывшего Советского Союза с Россией и создать новую Российскую империю, прагматичное евразийство отстаивает политическую концепцию, направленную на то, чтобы эти страны на первый взгляд выглядели независимыми, но на практике зависели от России в политическом, экономическом и военном плане.

Когда в 1992-1994 гг. Турция стала использовать идею общности тюркских народов, российские власти начали беспокоиться о том, что Турция начала вести в регионе политику пантюркизма, которая напоминает политику, проводимую в прошлом. Лозунг, провозглашенный в те времена Демирелем «Тюркский мир от Адриатики до Великой Китайской Стены», что Турция выполняет различные роли в политике региона, легли в основу этого беспокойства России¹.

Турция с самого начала на официальном уровне через самых авторитетных лиц неоднократно отвергала обвинения правительства России и представителей нео-евразийства в пантюркизме. Так, Демирель в своих выступлениях на разного рода мероприятиях неоднократно подчеркивал, что Россия проявляет чрезмерную мнительность в своих пантюркистских высказываниях относительно Турции, а также утверждал, что к тому, что страны, имеющие общую историю, язык, культуру и религию, периодически встречаются, нужно относиться как к естественному явлению, и что данная дипломатическая линия указывает на прагматичную политику, нацеленную на укрепление сотрудничества между странами региона².

Одной из тем, являющихся причиной напряженности во взаимоотношениях между Россией и Турцией, стала проблема Чечни, в результате чего в Турции сформировалась масштабная волна оппозиции против России,

¹ Türk Dış Politikası Kurtuluş Savaşı'ndan Bugüne Olgular, Belgeler, Yorumlar, Cilt II... S.388.

² ИТАР ТАСС, 29 Сентября 1992.

а также тот факт, что некоторые граждане Турции добровольцами отправились в Чечню для борьбы с Россией привело к возникновению в российско-турецких отношениях напряженной атмосферы, полной серьезных сомнений в отношении друг друга. Тем не менее, когда в январе 1996 года чеченские активисты напали на паром «Евразия», следующий из Трабзона в российский порт Сочи, и взяли в заложники пассажиров и членов экипажа, эта проблема стала одной из основных тем повестки дня в отношениях между Россией и Турцией¹.

Нео-евразийцы использовали это для того, чтобы с целью противодействия политике Турции, вмешаться в курдский вопрос, который в 1990-х стал одной из наиболее важных проблем как в национальной, так и в международной сфере. Национальный освободительный фронт Рабочей Партии Курдистана в международных сферах, провел так называемое заседание Курдского парламента в здании, принадлежащем Думе. Несмотря на все возражения Турции, отношения между Думой и РПК продолжались вполне открыто до тех пор, пока глава курдских сеператистов Абдуллах Оджалан не был задержан турецкими службами в октябре 1998 года в Кении². В отличие от Думской оппозиции российское правительство под руководством Примакова приложило большие усилия к тому, чтобы эта проблема не превратилась в кризис в отношениях между Россией и Турцией. В результате приложенных Примаковым усилий Оджалан даже был вынужден покинуть Россию, а российские власти пытались успокоить негативную реакцию Турции, утверждая, что это событие произошло без их ведома³. Коротко говоря, инцидент с Оджаланом можно рассматривать не только как важный пример проверки российско-турецких отношений, но и как событие, указывающее на разницу подходов нового и прагматичного евразийства к внешней политике России.

Постсоветское российское евразийство появилось как проявление глубокого историко-геополитического наследия, сформировалось в качестве

¹ Колобов О.А... – С.211-222.

² Колобов О.А... – С.211-222.

³ Там же. – С. 203

концепции, выдвинутой Россией для решения возникшей после Холодной войны проблемы «самоидентификации», и, хоть и не во всех аспектах, стало выступать в качестве официальной идеологии внешней политики России.

Осознание существования школы евразийства в Турции произошло в конце 90-х годов. Несмотря на то, что периодически возникали утверждения о том, что Турция скорее должна создать геополитический блок с бывшими советскими тюркскими республиками, а также Ираном, Пакистаном и Китаем, чем с ЕС и США, сложно сказать, что в то время такого рода идеи имели серьезный отклик в Турции¹.

Открытие российского понимания евразийства произошло после подписания во время визита премьер-министра России Черномырдина соглашения на осуществление проекта «Голубой поток» по транспортировке российского природного газа в Турцию. Эта встреча получила неоднозначную оценку. Говорили, что Россия, воспользовавшись результатами Люксембургского саммита ЕС 12-13 декабря 1997 г., «разыграла свою карту». Турция, с 1959 г. ожидавшая положительного решения о признании себя кандидатом в ЕС, на этом саммите в очередной раз получила отказ. Кандидатами на вступление в ЕС были приняты страны, не превосходящие Турцию по уровню развития, а также на более 10 лет тому назад состоявшие в Восточном блоке, что вызвало резко негативную реакцию как общественных, так и в политических кругах². Как становится понятным из выступления Демиреля на открытии Великого Национального Собрания в сентябре 1994 года, который сравнил Турцию с «воротами», которые позволят Европе и США укреплять взаимоотношения со странами Южного Кавказа и Средней Азии, Евразия, с точки зрения турецких политиков, рассматривалась в качестве инструмента, который поможет интеграции Турции в Европу³.

¹ İlhan S. Jeopolitik Gelişmeler ve Türk Dünyası, Avrasya Etüdüleri, C.2, Sayı 3, Sonb. 1995. – S.36.

² На саммите было принято решение о принятии Чехии, Словении, Румынии, Болгарии, Мальты, Прибалтики, и Кипра в члены ЕС.

³ http://www.belgenet.com/arsiv/demirel_tbmm1994-01/html

Укрепление отношений России с другими странами в регионе как посредством подписания двусторонних соглашений, так и через региональные организации по сотрудничеству, является еще одним важным проявлением российского евразийства¹. В рамках этого принципа Россия в течение 1990-х подписала двухсторонние соглашения с Ираном, Китаем и республиками Средней Азии в области экономики, торговли, энергетики и безопасности. Совет по сотрудничеству прикаспийских стран, созданный в 1992 году под руководством Ирана и России с целью развития транспорта и торговли между пятью прикаспийскими государствами, а также саммиты с участием России, Китая, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана, которые начали регулярно проводиться, начиная с 1996 года, и позже привели к созданию ШОС, являются собой примеры прагматичной стороны постсоветского российского евразийства².

Что касается создания СНГ, то эта организация, по сути, была создана для того, чтобы гарантировать, что бывшие республики Советского Союза разделились мирно. Российское евразийство, в свою очередь, рассматривало СНГ в качестве инструмента для укрепления политического и экономического влияния России на эти республики.

Среди усилий, которые были приложены для конкретного воплощения этой цели, можно назвать Договор о коллективной безопасности, подписанный в 1993 году и направленный на создание системы совместной обороны между странами-участницами, а также Договор о создании таможенного союза, подписанный в 1996 году и позднее получивший название ЕврАзЭС. Развитие отношений между Россией и евразийскими странами положительно сказалось и на российско-турецких отношениях, и благодаря этому импульсу Россия заняла второе после Германии место во внешней торговле Турции³.

¹ *Aydın M. ve Özensel E. Tarihin Sonu mu? F. Fukuyama v.d., İst.: Vadi yay., 2003. – Ss. 214-216.*

² *Dartan M., Hatipoğlu E., Dikkaya M. ECO Bölgesi: Uluslararası Aktörlerin Rolü ve Türkiye. – İst.: MÜ Avrupa Enst., 2002. – S.43.*

³ *Kazgan G. ve Ulçenko N. Dünden Bugüne Türkiye ve Rusya: Politik, Ekonomik ve Kültürel İlişkiler, İst.: Bilgi Ünivers. Yayınları, 2003. – S.156.*

В ходе многочисленных двухсторонних официальных визитов, осуществленных в 1990-е, между двумя странами были подписаны соглашения о сотрудничестве в области технологий и в военной области, Турция даже стала первой страной НАТО, купившей у России оружие. Соглашение о строительстве газопровода «Голубой поток» по транспортировке российского природного газа в Турцию по дну Черного моря, сразу же выдвинуло на передний план энергетическое сотрудничество в двухсторонних ях¹. Однако с точки зрения общего хода отношений между Турцией и Россией региональное сотрудничество осталась в тени геополитической конкуренции и других политических разногласий между странами.

Одним из наиболее важных примеров, доказывающих это утверждение, является договор о продаже ракет С-300, подписанный Россией с Южным Кипром в 1997 году. По причине того, что данные ракеты должны были размещены на юге Кипра, угрожая тем самым значительной части территории Турции, проблема мгновенно превратилась в политический кризис между Россией и Турцией². Турция заявила, что в случае размещения ракет на острове, она может ударить по ракетноносцам, и даже начала останавливать проходящие через Турецкие проливы российские торговые суда и проводить обыск. Россия, заявившая, что единственным условием для расторжения договора, является полное освобождение острова от военных, не смягчила данный конфликт³. Данный кризис показывает, что, когда речь идет о таких разногласиях, как Кипрская проблема, коммерческая деятельность между двумя странами может приобретать политический характер⁴.

Одной из инициатив в области регионального сотрудничества, которая привлекает особое внимание, является ОЧЭС, которая была создана в июне 1992 года благодаря огромным усилиям Турции, и основателем которой так-

¹ *Bacik G.* «The Blue Stream Project, Energy Co-operation and Conflicting Interests», *Turkish Studies*, том 2, № 2, осень 2001. – P. 88.

² <http://www/mfa.gov.tr/Turkce/grupc/ce/bakan3021298.htm>

³ *Bakar İ.* Jeopolitik Yaklaşımlar Çerçevesinde Soğuk Savaş Sonrası Türk Yönelişleri. / Basılmamış doktora tezi. – İst.: Marmara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, 2006. – S.101.

⁴ *Колобов О.А., Корнилов А.А., Озбай Ф...* – С.136.

же является и Россия. Однако этот проект, который теоретически имеет достаточный потенциал для обеспечения коммерческой стабильности, за исключением некоторых технических вопросов, не смог превратиться в эффективную с точки зрения российско-турецкого регионального сотрудничества платформу¹.

Одновременно с фокусированием российско-турецкой геополитической конкуренции на разногласиях по вопросам транспортировки региональных энергоресурсов, в регионе появились новые области поляризации. Когда в 1995 году возрос интерес США к каспийским энергоресурсам, это привело к усилению политических, экономических и военных отношений между Россией, Ираном и Арменией, которые выступали против данного проекта².

В период накануне второй военной операции России в Чечне, а также в период осторожного сближения между Россией и Турцией, президентом Российской Федерации стал Владимир Путин. Несмотря на то, что Запад резко отреагировал на Чеченские события, Турция назвала это внутренней проблемой России, создав, тем самым, более позитивную картину отношений, чем это было в прошлом³. Несмотря на выступления Запада против проводимой Россией операции, премьер-министр Эджевит во время своего визита в Москву отметил, что Чеченская проблема является внутренней проблемой России и подписал Декларацию сотрудничества в области борьбы с терроризмом. Это стало важным показателем решительности в направлении укрепления российско-турецких отношений⁴.

Сближение, наблюдаемое в двухсторонних отношениях между странами, указывает на прагматичную сторону евразийства, которое берет за основу региональное сотрудничество. Действительно, эта точка зрения подтверждается и тем, что визит министра иностранных дел С. Иванова в Анкару в

¹ *Davudoğlu A. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu...S.279.*

² *Milliyet 26 Ocak 1999.*

³ *Türk Dış Politikası Kurtuluş Savaşı'ndan Bugüne Olgular, Belgeler, Yorumlar, Cilt II...S.545.*

⁴ *Bazoğlu S. D. Turkish- Russian Relations: The Challenges of Reconciling Geopolitical Competition with Economic Partnership Turkish Studies: Vol. 1: No. 1, Spring 2000.pp.59-82.*

июне 2001 года был практически полностью сконцентрирован на сотрудничестве в сфере энергетики, оборонной промышленности и экономики¹.

В этот же период другим важным шагом в области регионального сотрудничества стало фактическое создание в апреле 2001 года Черноморской группы военно-морского сотрудничества (BLACKSEAFOR), в которую вошли Турция, Россия, Украина, Болгария, Румыния и Грузия. Эта организация по военно-морскому сотрудничеству между военно-морскими силами Черноморских стран в области поиска-спасения, защиты окружающей среды, траления мин, стала первым сотрудничеством в военной сфере за более чем пятисотлетнюю историю политических отношений между Турцией и Россией².

В этот период в связи с проблемами в ходе присоединения Турции к ЕС, евразийство, пусть и не на правительственном уровне, но в глазах общественного мнения Турции начало приобретать антиевропейский характер. Эта ситуация, несомненно, напрямую связана с тем, что, для того чтобы начать переговоры о членстве Турции в ЕС, полномочные лица ЕС озвучили такие требования, как осуществление образования на курдском языке, отказ от смертной казни и решение Кипрской проблемы.

За идею о необходимости развития «оси Москва- Тегеран» в противовес ЕС высказывались также некоторые известные своим осторожным отношением к участию Турции в ЕС круги Турецких вооруженных сил³. Однако сразу же после появления этих заявлений начальник Генерального штаба сообщил о том, что Турция продолжит добиваться членства в ЕС, и с геополитической точки зрения не будет вести поиск альтернативных ЕС союзов с Россией или Ираном.

¹ *Kimklioğlu S. Türk- Rus İlişkileri: Kasyanov Züyaretinin Anatomisi, Avrasya Dosyası, Cilt 6, Sayı 4, Kış 2001 .ss.155-164.*

² http://www.turkey.mid.ru/relat_2_t.html.

³ Высказывания секретаря Совета национальной безопасности того периода Т. Кылынча, сделанные им во время своего выступления в марте 2002 года на одном симпозиуме нашли широкий отклик среди общественного мнения. В частности он сказал: «ЕС отрицательно смотрит на интересующие Турцию вопросы... Я считаю полезным для Турции начать поиск перспектив, которые должны охватывать Россию и Иран».

После 2003 года евразийство в Турции начало постепенно приобретать антиамериканскую направленность. В этот период, когда дебаты вокруг евразийской концепции стали все чаще выходить на повестку дня, в Турции прошли выборы ноября 2002 года, которые вызвали достаточно важные изменения в политической картине Турции¹. Видение внешней политики новым правительством Турции сконцентрировалось на необходимости решения двухсторонних проблем со всеми соседями, увеличения политической активности в региональных и глобальных вопросах и, таким образом, превращении в «центральную страну» в Евразии, а соответственно и в мировой политике². Это значение, которое правительство придало Евразии и геополитике, привело к тому, что некоторые писатели стали говорить об осуществлении нео-османской концепции евразийства. Однако сохранение позитивного характера российско-турецких отношений и отсутствие действий, которые могли бы обеспокоить российское правительство, является важным показателем того, что комментарии относительно «нео-османизма» были чрезмерно раздутыми.

Самым главным вопросом в российско-турецких отношениях, который дал о себе знать, особенно в конце 2002 года, стала планируемая США военная операция в Ираке. Россия открыто выступила против военного вмешательства США в Ираке. Обращает на себя внимание также и тот факт, что во время московской встречи двух лидеров Путина и Эрдогана в декабре 2002 года оба подтвердили единство мнений относительно необходимости мирного разрешения иракского кризиса³.

Если резюмировать события в рамках российско-турецких отношений в этот период, то необходимо подчеркнуть, что оба государства пытались прийти к определенному соглашению по различным региональным и глобальным политическим вопросам. Это стремление к взаимопониманию в первую очередь было сконцентрировано на Кавказском и Среднеазиатском

¹ Hürriyet, 4 Kasım 2002.

² Колобов О.А., Корнилов А.А., Озбай Ф... – С. 65-80.

³ ИТАР ТАСС, 24 Декабря 2002 г.

регионе, и в 2003 году после военной интервенции США в Ираке взаимоотношения между двумя странами стали развиваться еще активнее. Несмотря на все политические возражения в марте 2003 года США осуществили военное вторжение в Ирак. В результате голосования в Великом Национальном Собрании Турции, состоявшегося 1 марта 2003 года, было принято решение об отказе в разрешении на нахождение на территории Турции иностранных военных, в результате чего планы правительства США об открытии северного фронта были «похоронены»¹.

Отказ Америке от турецкого правительства был с одобрением встречен, в первую очередь, В. Путиным, а также российскими политическими кругами². В этой ситуации важную роль сыграли растущие антиамериканские взгляды, а также значительные изменения во взглядах Дугина на Турцию. В результате произошедших событий Дугин отметил, что положение Турции в рамках евразийского проекта можно рассматривать со значительно более позитивной точки зрения, еще раз продемонстрировав тем самым, как быстро он может менять свои политические взгляды в угоду существующей мировой и геополитической конъюнктуре. Дугин, который приехал в Турцию и выступил на конференции, организованной в Стамбульском университете, сказал о том, что в ответ на вторжение США Турция и Россия должны действовать с позиции евразийской концепции, а в ответ на планы Запада объединить Кипр необходимо поддерживать Президента ТРСК Рауфа Денкташа³. Большую роль в том, что Дугин изменил свое отношение, сыграл также план, который был предложен в ноябре 2002 года Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном, в основе которого лежала идея объединения Кипра по модели «два общества – одно государство», и который по ожиданиям должен был

¹ Hürriyet, Milliyet, Sabah: 7 Temmuz 2003.

² Например, Путин назвал решение турецкого парламента «событием недели», а некоторые российские аналитики назвали вынесенное решение об отказе одним из самых важных политических проигрышей правительства Буша. Radikal, 5 марта 2003.

³ <http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=1614>.

быть воплощен на Кипре в 2004 году¹. В апреле 2004 года этот план был вынесен на референдум, проведенный в обеих частях острова. Однако, несмотря на то, что население ТРСК согласилось на объединение, жители Греческой части острова отвергли предложенный план. Сразу же после того, как население Греческого Кипра отвергло план объединения, Греческий Кипр в качестве представителя всего острова стал в 2005 году членом ЕС².

Военная оккупация США в Ираке вместе с планом Аннана стали основными факторами, объединившими на основе антагонизма по отношению в США и ЕС националистские группы в Турции, которые с самого начала активно интересовались концепцией евразийства. В этом контексте следует обратить особое внимание на то, что возникшая в связи с этим организация, названная «Красное яблоко», провела в феврале 2003 года на ТРСК огромный митинг, который стал реакцией на попытки США и ЕС объединить остров, и который был организован в поддержку подхода «два общества – две части», выдвинутого президентом ТРСК Р. Денкташем³.

Впервые через 32 года после визита Подгорного в 1972 году российский президент (В. Путин) посетил Анкару с официальным визитом. В ходе этого визита особое внимание обращает на себя тот факт, что о российско-турецких отношениях уже говорят как о многостороннем сильном партнерстве⁴. Сразу же после визита Путина в Анкару в январе 2005 года Москву посетил Эрдоган, а в июле 2005 года оба лидера снова встретились в Сочи. Эти визиты, которые практически прошли один за другим, указывают на то, что подходы обеих стран к региональным и мировым политическим вопросам в этот период были очень близки⁵. Отражающим единство понимания различных проблем обеими странами, является то, что в мае 2005 года в результате

¹ *Иванова И. И.* История и современное состояние Кипрского вопроса. Турция на рубеже XX- XXI веков, ИВ РАН, М.: 2008 *Зайцев И.В., Ульченко Н. Ю.* - С. 42.

² Там же.

³ *Erşen E.*.... - S.292.

⁴ *Hürriyet* Aralık 2004.

⁵ *Külebi A.* The forgotten Option: Turkish Eurasianizm <http://www.tusam.net/makaleler.aspx>.

того, что Россия проголосовала «против», а Турция воздержалась, заявка США на получение статуса наблюдателя в Ассамблее ЧЭС была отклонена.

В 2006-2008 гг. начали появляться разногласия относительно трубопроводов по транспортировке энергоресурсов, и эти проблемы негативно отразились на развитии двухсторонних отношений¹. Из-за разногласий относительно цены в январе 2006 года Россия прекратила подачу природного газа в Украину. В ответ на это Украина, используя ту часть трубопровода, которая проходит через ее территорию и доставляет газ в европейские страны, создала трудности при поставке газа в Европу². После преодоления украинского кризиса страны ЕС, для того чтобы снизить свою энергетическую зависимость от России, начали активно обсуждать проекты строительства альтернативных трубопроводов для транспортировки энергоресурсов.

Самым важным из этих проектов стал проект «Набукко», предварительное соглашение по которому было подписано в 2002 году. Этот проект, который стал альтернативой проектам, предлагаемым Россией, предусматривает строительство трубопровода, который позволит транспортировать природный газ из Ирана, Азербайджана и Туркменистана через Турцию, Болгарию, Румынию и Венгрию в Австрию³. Помимо этого, наряду с развитием проекта «Набукко», следует также упомянуть об официальном открытии в июле 2006 года нефтяного трубопровода «БТД», который стал одним из наиболее ярких примеров сотрудничества между Турцией и США против России. Более того, в тот же период было принято решение о присоединении к проекту БТД Казахстана, а также начали предприниматься шаги по ускорению воплощения проекта по строительству Транскаспийского газопровода, который планировалось провести по дну Каспийского моря. Все эти важные события изменили ситуацию на международном рынке энергоресурсов.

¹ *Иванова И. И.* История и современное состояние Кипрского вопроса. Турция на рубеже XX- XXI веков, ИВ РАН, М.: 2008 Зайцев И.В., Ульченко Н. Ю. - С. 32- 51.

² *Шен Й. Н.* Черноморские проливы и Российско- Турецкие отношения после холодной войны / Магистерская диссертация. – М.: РУДН, 2011. - С.108.

³ *Каныгин П. С.* Энергетическая безопасность ЕС и интересы России / Диссертация на соискание ученой степени канд. Эконом. Наук. – М.: Ин-т Европы РАН, 2007.- С.28-32.

В ответ на это российское правительство отрицательно отнеслось к предложенному Турцией проекту по строительству нефтепровода «Самсун-Джейхан». Кроме этого, в 2006 году Россия снова подняла тему строительства нефтепровода «Бургаз-Дедеагач» в обход Турецких Проливов, являющихся основным маршрутом российских нефтяных танкеров. Этот проект, который предполагает транспортировку российской нефти танкерами из Новороссийска в порт Бургаз, а отсюда посредством нового строящегося нефтепровода – в Дедеагач в Греции, по сути, способен ослабить притязания Турции на то, чтобы стать энергетическим «терминалом»¹. В мае 2007 года Россия, Казахстан и Туркменистан подписали предварительное соглашение о строительстве нового трубопровода, который будет доставлять туркменский природный газ, являющийся основой проекта «Набукко», через Казахстан в Россию. Это соглашение даже называли в турецкой прессе того периода концом «Набукко»².

Если рассмотреть все эти события с точки зрения дебатов вокруг евразийства, то можно заметить, что в связи с быстро набирающим темпы соперничеством между двумя странами в области энергоресурсов, распространение получили сомнения и идеи о том, что энергетическая политика России представляет собой риск для Турции.

Волнения во внутренней политике Турции и объявление в апреле 2007 года о выдвижении Абдуллы Гюля в качестве кандидата на пост президента от Партии справедливости и развития вызвало бурную реакцию в кругах лаицистов, уже давно утверждавших о том, что ПСР является «исламской». В результате этого, беспокойство относительно того, что господство ПСР в законодательной и исполнительной власти может представлять собой угрозу для светского строя Турции, объединило эти круги вокруг националистических высказываний и тезисов. Политические события, которые сконцентрировались вокруг борьбы демократо-консерваторов и националистов, начав-

¹ Шен Й. Н. Черноморские проливы.... – С. 89.

² Cumhuriyet 15 Ekim 2007.

шей набирать темпы в середине 2007 года, естественно, оказали влияние на обсуждение турецкой внешней политики¹.

Несмотря на большое количество людей, участвовавших в митингах «Джумхуриет», на всеобщих выборах, состоявшихся в июле 2007 года, ПСР набрала большое количество голосов, составившее 47%, и в результате парламентского голосования Абдулла Гюль, являющийся кандидатом от ПСР, был избран на пост президента². При этом РНП, чья позиция со временем стала еще более националистической, набрала всего 19%, что вызвало глубокое разочарование в националистически настроенных кругах³. В период после победы ПСР начался процесс «очищения» вооруженных сил Турции от кругов, поддерживающих сближение Турции с блоком Россия-Иран-Китай. Самой важной частью этого процесса «очищения» стало то, что в результате расследования, начатого после обыска в одном из домов в Стамбуле в июне 2007 года, были обнаружены доказательства существования организации «Эргенекон», обвиняемой в том, что она прилагала усилия к тому, чтобы незаконными способами свергнуть правительство ПСР⁴.

Обнаруженные по этому делу доказательства свидетельствуют о том, что некоторые военные и вышедшие в отставку генералы Турецких вооруженных сил тайно сотрудничали с националистическими кругами, стремящимися низложить правительство ПСР. Среди тех, кого прокуратура в рамках следствия арестовала и/или взяла под наблюдение, оказались такие известные своей приверженностью к концепции евразийства. Это свидетельствует о том, что организация «Эргенекон» была связана с кругами, защищающими в Турции концепцию евразийства⁵.

Эта связь не ускользнула и от внимания турецкого общественного мнения, в результате чего евразийство начало рассматриваться как отражение ав-

¹ Radikal, 17 февраля 2007.

² Zaman, 30 Haziran 2008.

³ Hürriyet, 30 Temmuz 2007.

⁴ Zaman, 25 Ocak 2008.

⁵ Erşen E. Sovyet Sonrası Rus Avrasyacılığı. / Doktora tezi. İst.: Marmara Üniv. SBE, 2009. – S.309.

торитарных и антидемократических идей организации «Эргенекон» и, соответственно, стало осуждаться. Как показывают все эти события, с 2008 года евразийство начало быстро терять позитивный к себе интерес, существовавший еще несколько лет назад в Турции, и превращаться в вызывающую антипатию теорию, которая отождествляется с переворотами.

В результате этого, несмотря на то, что евразийство широко обсуждается в Турции и поддерживается националистическими кругами, нельзя сказать, что общественное мнение, правительство и армия рассматривают эту концепцию в качестве альтернативы взаимоотношениям Турции с США и ЕС. По сути, это связано с тем, что в отличие от РФ евразийство в Турции никогда не имело сильной исторической и философской основы. Если взглянуть с прагматической точки зрения, то евразийство для Турции было не более чем конъюнктурной политикой. Более близкое изучение политики правительства ПСР в отношении России говорит о том, что эта политика имеет тактическую цель, которая, в свою очередь, сфокусирована на экономической и торговой областях и иногда используется в качестве политического козыря против США и ЕС.

В комбинации политических отношений, сложившихся на евразийской территории после Холодной войны, Турция является для России одной из самых важных региональных сил с точки зрения исторического наследия и стратегического положения. В то время как в 90-е годы в результате пересечения интересов России и Турции как на суше, так и на море между ними возникло напряжение, с начала 2000-ых эта напряженность либо спала, либо изжила себя, и между двумя странами началось масштабное сотрудничество. Это позитивное изменение во взаимоотношениях является доказательством существования у «геополитической евразийской концепции» защитного рефлекса и прагматической природы, которая обладает потенциалом для сотрудничества.